

THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

BYZANTINOCAUCASICA

Volume 2

Moscow

2022

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

BYZANTINOCAUCASICA

Выпуск 2

Москва

2022

ББК 63
Б90

*Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор
В. Н. Чхаидзе, к.и.н., ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
*Т. В. Куц, д.и.н.
В. В. Майко, д.и.н.*

ByzantinoCaucasica. Выпуск 2 : сб. ст. / Отв. ред. В. Н. Чхаидзе;
Б90 Ин-т. востоковедения РАН – М.: ФГБУН ИВ РАН, 2022. – 278 с. : ил.
ISBN 978-5-907543-96-6

Во втором выпуске сборника традиционно рассматриваются актуальные проблемы социально-политической и культурной истории Византии и Кавказа. Часть работ посвящена средневековой археологии, архитектуре, искусствоведению, нумизматике, вопросам историко-культурного, политического и религиозного взаимодействия народов, входящих в состав Византийской империи и окружающей Ойкумены. Ежегодник предназначен для историков, источниковедов, искусствоведов, а также всех интересующихся средневековой историей Византии, Поствизантии, Кавказа, сопредельных территорий.

ББК 63

В оформлении обложки использована карта «Imperii Orientalis et Circumjacentium Regionum»
из издания: «Atlas nouveau». Amsterdam, 1742.

ISBN 978-5-907543-96-6

© Авторский коллектив, 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

Оглавление

<i>Виноградов А. Ю.</i> Origo gentis в древнерусском и грузинском летописании	7
<i>Евдокимова А. А.</i> Системы акцентуации в греческих надписях с повторяющимся текстом в Грузии и других регионах Византии	41
<i>Степаненко В. П.</i> К константинопольской ссылке Захарии, епископа Валаршакерта	55
<i>Косоуров Д. А.</i> К вопросу о локализации куратории «Внутренняя Иверия»	61
<i>Скакова И. В., Скаков А. Ю., Джопуа А. И.</i> Раннесредневековый храм в Гиеносе (Республика Абхазия): итоги работ 2022 г.	69
<i>Флёров В. С.</i> Проблема внутренней стены Правобережной Цимлянской крепости. Несостоявшееся открытие	111
<i>Ендольцева Е. Ю.</i> Плетеный ленточный орнамент на Кавказе в период Македонской династии: истоки и значение мотива (на примере архитектурной пластики)	131
<i>Чхаидзе В. Н.</i> Предметы мелкой христианской пластики из раскопок в Северном Зеленчукском храме (1867 г.)	159
<i>Нарожный Е. И.</i> К истории христианизации средневекового населения Восточного Придарьяля	175
<i>Дружинина И. А.</i> Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в.	201
<i>Кабардов И. Б.</i> Влияние султаната мамлюков Бурджи на генезис политической элиты Кабарды: постановка научной проблемы	233
<i>Гончаров Е. Ю., Чхаидзе В. Н.</i> Монеты из раскопок некрополя у Церкви Иоанна Предтечи в Керчи (1971 г.)	247
<i>Храпунов Н. И.</i> К истории одной картины Уильяма Аллана: Кавказ и его жители глазами европейцев начала XIX в.	257
<i>Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А.</i> Работа Центра византийско-кавказских исследований в 2021–2022 гг.	271
Список сокращений	275
Сведения об авторах	276

Contents

<i>Vinogradov A. Yu.</i> Origo gentis the Old Russian and Georgian Chronicles	7
<i>Evdokimova A. A.</i> Accentuation systems in Greek inscriptions with repeated text in Georgia and other Byzantine regions	41
<i>Stepanenko V. P.</i> To the exile to Constantinople of Zacharias, bishop of Valarshakert	55
<i>Kosourov D. A.</i> To the Questions of the Localization of the Kouratorikion “Inner Iberia”	61
<i>Skakova I. V., Skakov A. Yu., Dzhopua A. I.</i> Early Medieval temple in Gienos (Republic of Abchazia): Results of the works of 2022	69
<i>Flyorov V. S.</i> The Problem of the Inner wall on the right-bank Tsymlyansk fortress. A Failed discovery	111
<i>Endoltseva E. Yu.</i> Braided ribbon ornament in Caucasus in the period of Macedonian dynasty: origins and meaning of the motif (example of architectural decoration)	131
<i>Chkhaidze V. N.</i> Small Christian plastic objects from excavations in the Northern Zelenchuk Church (1867)	159
<i>Narozhny E. I.</i> On the history of Christianization of the Medieval population of the Eastern Pridryale	175
<i>Druzhinina I. A.</i> Mamluks in the North Caucasus in the 14 th – early 16 th c.	201
<i>Kabardov I. B.</i> Influence of the Mmamluk sultanate of Burji on the genesis of Kabarda political elite: setting a scientific problem	233
<i>Goncharov E. Yu., Chkhaidze V. N.</i> Coins from the excavations of the necropolis at the Church of John the Bartist in Kerch (1971)	247
<i>Khrapunov N. I.</i> On the history of a painting by William Allan: the Caucasus and its residents through the eyes of the early 19 th c. europeans	257
<i>Chkhaidze V. N., Druzhinina I. A.</i> The work of the Center for Byzantine-Caucasian Studies in 2021–2022	271
List of abbreviations	275
Information about the authors	276

А. Ю. Виноградов

ORIGO GENIS В ДРЕВНЕРУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Резюме: в статье сравниваются две версии origo gentis, древнерусская и грузинская. Первая представлена двумя вариантами: более ранним, относящимся к реконструированному «Начальному своду» 1090-х годов и отраженным в Новгородской первой летописи (младшая версия), и вариантом в Повести временных лет 1110-х годов, который, возможно, восходит к тексту 1060-х и это стало основой для большинства русских летописей. Грузинская традиция origo gentis представлена первыми двумя главами «Жизни грузинских царей» Леонтия Мровели, написанными где-то в третьей четверти XI века, как начальная часть большого корпуса грузинской истории под названием «Картлис Цховреба». Их сравнение показывает необычайно близкое сходство, в том числе в уникальных элементах (история сыновей Иафета и Вавилонской башни, нашествия хазар). Изучение этих сходств показывает, что древнерусская и грузинская версии origo gentis являются стандартными европейскими повествованиями о происхождении народа (но с разными индивидуальными сюжетами), только помещенными в рамки восточно-христианской традиции библейской и апостольской истории и слегка приправленными текущим «евразийским» контекстом. Таким образом, столь поразительное совпадение этих повествований объясняется не генетической связью, а общими условиями и временем их создания: примерно через столетие после создания единого христианского государства.

Ключевые слова: Древняя Русь, Грузия, летописи, хроники, Начальный свод, Картлис Цховреба

Легенды о происхождении собственного народа — типичный феномен средневековой письменности, который в науке принято обозначать термином origo gentis. Его расцвет в Средние века, как правило, связан с нуждой новокрещенного народа вписать свою прошлое в универалистскую христианскую схему всемирной истории. Такие тексты возникают от VI до XIII в. на всем пространстве христианской ойкумены, от Британии до Кавказа (*Status quaestionis...* 2022).

Неоднократно становились предметом изучения, среди прочего, и древнерусские версии origo gentis: более ранняя, восходящая к реконструируемому «Начальному своду» 1090-х гг. и отразившаяся

в Новгородской первой летописи младшего извода, и ставшая базовой для большинства русских летописей версия «Повести временных лет» 1110-х гг., формально чуть более поздняя, но восходящее, возможно, к тексту 1060-х гг. Исследователей интересовало как происхождение их конкретных сюжетов и мотивов, так и их сходства и различия с другими европейскими традициями *origo gentis* (библ. см.: Стефанович, 2012. С. 513–582).

Намного меньше внимания в науке было уделено грузинской традиции *origo gentis*, которая представлена двумя первыми главами «Жизни грузинских царей» Леонтия Мровели, написанной где-то в третьей четверти XI в. как начальная часть большого свода грузинской истории «Картлис цховреба» и сохранившейся в нескольких позднесредневековых списках и армянском переводе¹. В гл. 1 здесь рассказана история формирования всех кавказских народов, созданная под влиянием армянской историографической традиции, а в гл. 2 (имеющей собственный зачин) – история становления картов (а попутно – алан и нахско-дагестанских народов).

И уж совсем мало интереса вызывало сопоставление древнерусских и грузинской версий *origo gentis*. Данной теме была посвящена, по сути, лишь часть совершенно дилетантской и весьма тенденциозной книги епископа (впоследствии – католикаса) Кириона (Садзаглишвили) (*Кирион (Садзаглишвили), еп.*, 1910. С. 134–350). Отметив значительное сходство этих версий (см. ниже), он объяснил его прямым заимствованием материала грузинского летописания древнерусскими книжниками, не приведя, однако, никаких реальных фактов культурных и, тем паче, литературных контактов между двумя этими мирами (которых, заметим, не было выявлено и позднее²).

Однако значительное сходство этих версий заставляет вновь обратиться к их детальному анализу и сравнению. Представим вначале их данные, разбитые по тематическим блокам, в виде таблицы, где параллельно приведены тексты «Начального свода» (НС) по Новгородской

¹ См.: *Rapp*, 2003. Предположение С. Раппа, что это текст VIII в., опровергается тем фактом, что в нем важную роль играют реалии XI в. (совпадение удела Картлоса, от Эрети до Черного моря и Тао, не с территорией расселения картов, а с границами (и даже претензиями) Объединенного грузинского царства; Бедиа, возникшая как центр Эгриси только в 990-е гг.).

² Для XI – начала XII в. все русско-грузинские контакты, по сути, сводятся к упоминанию в Киево-Печерском патерике (слово 4) купцов-«обезов» (т.е. подданных «царя абхазов»), прибывших в Киев в 1083 г. вместе с греческими торговцами смальтой, однако речь здесь идет о причерноморской торговле, а не о культурном обмене. Для этого периода неизвестно знакомство ни Руси с грузинской литературой и искусством, ни Грузии – с древнерусским. Упоминания «обезов» в славянских памятниках не конкретизированы и восходят к греческим спискам народов.

первой летописи младшего извода (цит. по: *НПЛ*. С. 103–105), «Повести временных лет» (ПВЛ – цит. по: *Библиотека...* 1997. С. 63–72), гл. 1 и 2 «Жизни грузинских царей» (ЖГЦ1 и ЖГЦ2 – цит. по: *Картлис Цховреба*, 2008. С. 13–18). Четкой финальной границы у этих нарративов нет: в обоих случаях она определяется переходом от «нехронологического» повествования с легендарными эпонимами к привязке событий к конкретному историческому персонажу (персидскому царю – в ЖГЦ, византийскому императору – в НС³ и ПВЛ).

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
Зачин с темой истории страны	Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание князеи и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на послѣднѣе время, и грады почаша бывати по мѣстом, прежде Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Киевѣ.	ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ ЧЕРНОРИЗЦА ФЕДОСЬЕВА МАНАСТЫРЯ ЕЧЕРЬСКАГО, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ <...> И ХТО В НЕЙ ПОЧАЛЪ ПЪРВЪЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ. Се начнемъ повѣсть сию.	Начну я повествовать о жизни царей грузинских, праотцов грузин и их потомства.	А отсюда начнем и расскажем повесть о Картли, о племенах её и о жизни их вплоть до наших дней.
Сыновья Ноя и Вавилонская башня		Симъ же, и Хамъ и Афеть, раздѣливше землю, и жребии метавше, не переступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части. И бысть языкъ единъ. И умножив-шимся челоѡком на земли,	Сей Таргамос был сыном Тарша, внуком Яфета, сына Ноя. И был Таргамос богатырем. После разделения языков, когда потомки Ноя построили башню в Вавилоне и разделились там языки, а строители башни	

³ В Новгородской первой летописи младшего извода упоминание императора Михаила III дано перед историей о сазарской данью, но в ПВЛ, отражающей тот же НС, оно идет послеее.

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		и помыслиша создати столпъ до небеси въ дни Нектана и Фалека. И събравшеся на мѣстѣ Сенарь поле здати <....> столпъ до небесе и городъ около его Вавилонъ, и здаша столпъ за 40 лѣтъ, и не свѣршенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣть город и столпа, и рече Господь: «Се родъ единъ и языкъ единъ». И смѣси Богъ языки, и раздѣли на 70 и на два языка, и рассѣя по всей земли. По размѣшенъ же языкъ Богъ вѣтромъ великомъ раздруши столпъ, и есть останокъ его межи Асура и Вавилонa, и есть въ высоту и въ ширину лакотъ 5433 локотъ, въ лѣта много хранимъ останокъ.	рассеялись оттуда по всей земле. рассеялись оттуда по всей земле.	
Уделы Иафета		Афетови же вся полунощная страна и западная: Мидия, Ольвания, Армения Малая и	Удалился сей Таргамос вместе со своим племенем и поселился между двумя недоступными для человека	

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		Великая, Каподокия, Фефлагони, Галатия, Кольхысь, Воспорий, меоти, дереви, сармати, тавриани, Скуфия, фракци, Македония, Далматия, молоси, Фесалия, Локрия, Пеления, яже и Полопонись наречется, Аркадия, Ипириноя, Илурикь, словене, Леухития, Аньдриакя, Аньдриатинь- ска пучина. Имать же и острова: Вританию, Сикелию, Евию, Родона, Хиона, Лъзвона, Куфирана, Закуньфа, Кефалиния, Ифакину, Керкуру, и часть всякоя страны, и нарицаемую Онию, и рѣку Тигру, текущую межи Миды и Вавилономъ; до Понетського моря, на полунощныя страны, Дунай, Днепръ и Кавькасийскыя горы,	горами – Араратом и Масисом. Его племя было велико и неисчислимо, потому что были у него сыновья со множеством жен, и дочери, дети и внуки от сыновей и дочерей своих, а прожил он шестьсот лет. И не вмещала их земля Арарата и Масиса. Страна, которая досталась в удел Таргамосу, имела такие пределы: на Востоке – море Гурганское, на Западе – море Понтийское, на юге – горы Орети, а на севере – гора Кавказ.	

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		рекше Угорьскыя, и оттуда, рекше, доже и до Днепра, и прочаая рѣкы: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, иже идеть на вѣстокъ, въ часть Симову. Въ Афетови же части сѣдить русь, чюдь и вси языцѣ: меря, мурома, всь, орсь, лѣтьгола, либь. Ляховѣ же, и пруси и чюдь присѣдять к морю Вяряскому. По сему же морю сѣдять варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агаряньски и до Волошьскыя.		
Общее происхождение		Афетово же колѣно и то: варязи, свеи, урмане, готѣ, русь, аглянѣ, галичанѣ, волохове, римлянѣ, нѣмци, корязи,	Сперва упомянем о том, что у армян, картвелов, ранов, моваканцев, эров, леков, мегрелов и кавказианов, у всех этих	

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		венедици, фряговѣ и прочии, присѣдять от запада къ полуденю и съсѣдятся съ племенем Хамовомъ.	сородичей, был один отец по имени Таргамос.	
Расселение		По мнозѣхъ же временѣхъ сѣлѣ суть словени по Дунаеви, кде есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьская. От тѣхъ словенъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, кде сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Моравѣ, и прозвашася морава, а друзии чesѣ нарекошася. А се ти же словѣне: хорвати бѣлии, серпъ и хорутане Волохомъ бо нашедшим на словены на дунайскыя, и сѣдшимъ в нихъ и насиляющимъ имъ. Словѣне же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ, и	Среди сыновей Таргамоса выдвинулись восемь человек, богатыри могучие и славные, чьи имена суть следующие: первого звали Хаос, второго – Картлос, третьего – Бардос, четвертого – Мовакан, пятого – Лек, шестого – Эрос, седьмого – Кавкас, восьмого – Эгрос. Все восемь были богатырями, но Хаос был богатырем, превосходя- щим всех братьев, потому что ему подобного не было ни до Потопа, ни после, будь то по богатырскому его телосложению, силе или же доблести. Так как страна Арарата и	После того, как разделил Таргамос страну между племенами своими, между восемью своими сыновьями, и дал Картлосу страну, которую мы выше описали, то сей Картлос сначала прибыл в то место, где Арагви сливается с Курой, поднялся он на гору, которая называется Армази, и сперва возвел укрепления на ней... После этого Картлос построил крепость Орби, которая ныне называется Самшвилде. Затем построил крепость Мтуери, которая ныне называется Хунани. Жил он долгие годы, отчего сильно размножилось

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		прозвашася ляховѣ, а от тѣхъ ляховѣ прозвашася поляне, ляховѣ друзии – лютицѣ, инии мазовшане, а инии поморяне. Такоже и тѣ же словѣне, пришедше, сѣдоша по Днепру и наркошася поляне, а друзии деревляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ, а друзии сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и наркошася дреговичи, и инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчкы ради, яже втечь въ Двину, именемъ Полота от сея прозвашася полочанѣ. Словѣне же сѣдоша около озера Илмера, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии же сѣдоша на Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣи	Масиса более не вмещала всѣ племя, то разделил Таргамос страну и племя свое между теми восьмью богатырями: половину племени и лучшую половину страны своей он дал Хаосу, а прочим семерым дал каждому в отдельности свой удел: привел он их, семерых, на Север, и разделил между ними земли соразмерно с их достоинством. Дал Картлосу часть, определив её границы: на востоке – Эрети и река Бердуджи; на западе – море Понтийское; на юге – гора, которая тянется вдоль верховьев реки Бердуджи, и еще гора, которая тянется далее, к западу, и с которой вытекает в северном направлении река, сливающаяся	и его потомство. А среди его сыновей выделились пять героев: Мцхетос, Гардабос, Кахос, Кухос, Гачиос. Все пятеро были богатырями, но Мцхетос, как богатырь, превосходил всех братьев. Умер Картлос, и погребли его на вершине Картли, которая ныне называется Армази. После этого жена его построила Деда-цixe. Она же построила Бостан-калаки, который теперь называется Рустави. И совершила жена Картлоса раздел между пятью богатырями, сыновьями своими. Гардабосу она отдала Хунани и определила границы: на востоке – реку Бердуджи, на западе – город Гачиани, на юге – гору, упомянутую выше, и на севере – Куру. Гачиосу она отдала Орбис- цixe – землю

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		наркошася сѣверо. И тако разидеся словенескъ языкъ, тѣмъже и прозвася словеньская грамота. Поляномъ же живущим о собѣ по горамъ симъ, и бѣ путь из Варягъ въ Грѣкъ, и изъ Грѣкъ по Днепру, и вѣрхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из негоже озера потечеть Волховъ и втечь въ озеро великое Нево, и того озера внидет устье в море Варяское. И по тому морю внити доже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю къ Цесарюграду, и от Царяграда прити в Понтъ море, в неже втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо течеть изъ Воковьского лѣса, и потечеть на полудни, а Двина изъ того же лѣса потечет, и идеть на	с Курой, и тянется та гора между Кларджети и Тао до моря. На севере граница – Гадо и гора небольшая, которая идет отрогом от Кавказа, упираясь концом в край горы Гадо и которая ныне называется Лихи. В этих-то пределах лежащую всю землю дал Таргамос Картлосу. Бардосу дал он землю по южную сторону Куры, от реки Бердуджи и места, где сливаются Кура и Аракс... Мовакану дал землю по северную сторону Куры от устья Малой Алазани до моря... Эросу дал он землю по северную сторону Куры, от устья Малой Алазани и до Ткетба, ныне называемой Гулгула. Эгросу дал землю приморскую, определив ей границы:	от реки Сквирети до границ Абоци... Кухосу она отдала Бостан-калаки, который ныне называется Рустави, а также землю от Арагви до Эрети, до края Кахетской горы, между Алазани и Курой. Кахосу отдала землю между Кавказом и горами Кахети, от Арагви и до Ткетба, которая является границей Эрети. Сей Кахос построил Челети, а Кухос оказал ему помощь в деле застройки Челети; поэтому хоть Деда-цихе и была уделом Кахоса, последний отдал её Кухосу в знак благодарности в деле застройки Челети, который, будучи первым в Кахети, назывался Бер. А Мцхетос, превосходивший как богатырь

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		полуночь и внидет в море Варяское. Ис того же лѣса потечетъ Волга на вѣстокъ и вѣтечет сѣдмьюдесять жерель в море Хвалийское. Тѣмъже из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ доити въ жеребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варягы, а изъ Варягъ и до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепръ втечет в Понтеское море тремя жералы, иже море словеть Руское, по нему же училь святой апостоль Андрѣй, братъ Петровъ... И по сей братъ почаша дѣржати родъ ихъ княжение в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дрьговичи свое, а словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже и полочанѣ. От сихъ же и кривичи, иже сѣдять на	на востоке – гора небольшая, которая ныне называется Лихи; на западе – море; на севере – река Малая Хазария, куда упирается своим краем Кавказ.	своих братьев, остался жить на земле своего отца Картлоса, которая и называется ныне Армази... Оттуда он завладел страною от Тбилиси и Арагви до моря Спери на западе. Мцхетос был управителем и господином над всеми своими четырьмя братьями, и все они четверо были покорны ему. Такой раздел произошел между сыновьями Картлоса и таковы были те, которых разделила мать после смерти Картлоса. Долгие годы жил Мцхетос; размножилось племя его, как и остальных сыновей Картлоса. А среди сыновей Мцхетоса выделились три именитых богатыря: Уплос, Одзрхос, Джавахос. Мцхетос разделил между ними

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины и на вѣрхъ Днѣпра, ихъже и городъ есть Смолѣнескъ; туда бо сѣдять кривичи. Таже сѣверо от них. На Бѣлѣ озерѣ сѣдять вѣсь, а на Ростовѣ озерѣ меря, а на Клещинѣ озерѣ сѣдять мѣря же. А по Оцѣ рѣцѣ, где втечетъ въ Волгу, языкъ свой – мурома, и черемиси свой языкъ, и мордва свой языкъ. Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревяне, новгородьци, полочане, дѣрьговичи, сѣверо, бужане, зане сѣдять по Бугу, послѣже же воляныне... Поляномъ живущимъ о себѣ, якоже ркохомъ, сущии от рода словѣньска и наркошася поляне, а деревяне от словенъ же и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от		страну и всё их племя. Одзрхосу отдал скалистую страну от Тасис-кари до моря Спери... Джавахосу отдал землю от Панавари до верховьев Куры. Сей Джавахос построил два города с крепостью при каждом: город Цунда и город Артани, который в то время назывался Каджта- калаки, ныне же называется Хури. Уплос остался жить на земле своего отца Мцхетоса – в Мцхета. Он владел землёю от Арагви и Тбилиси до Тасис-кари и Панавари. Построил Уплис-цixe, Урбниси, Каспи и землю эту от Арагви и Армази до Тасис- кари назвал Зена-сопели, которая ныне называется Шида Картли.

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		ляховъ... И живяху в мирѣ поляне, и древяне, и северо, и радимичи, и вятичи и хорвати. Дулѣби же живяху по Бугу, где нынѣ воляныне, а уличи, тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру, и присѣдяху къ Дунаеви. И бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря, и суть города ихъ и до сего дне, да то ся зовяху от Грѣкъ Великая скуфь.		
Соседи		И се суть инии языцѣ, иже дань дают Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемись, мордва, пѣрмь, печера, ямь, литва, зимѣгола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще, от колѣна Афетова, иже живутъ на странахъ полунощныхъ.	На севере, за Кавказом, у Таргамоса не было уделов, не было там и обитателей; безлюдна была земля, начиная от Кавказа до великой реки, которая впадает в море Дербентское. Поэтому Таргамос выделил из множества богатырей двух – Лека и Кавкаса, и дал Леку землю, с границами от моря Дербентского до реки	Когда впервые хазарский царь полонил страны, о которых я писал выше, и совершил переход через гору Кавказ, то был у него сын по имени Уобос. Отдал он своему сыну пленных из Армении и Картли; дал ему, кроме того, землю – часть удела Кавкаса, остирившуюся к западу от реки Ломеки и до западного края горы

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
			Ломеки; на севере же до великой реки Хазарии. Кавкасу дал он землю от реки Ломеки и до конца Кавказа на западе. Хаос поселился на земле отца своего, Таргамоса, завладел также страной, лежавшей к северу, как об этом я уже писал: именно – от горы Орети на юге до моря Гурганского на востоке и до моря Понтийского на западе. Над всеми этими семью героями управителем и господином стал Хаос.	Кавказ. Поселился там Уобос. Его потомство – овсы, а страна та есть Осетия, что прежде была уделом Кавкаса. А Дурдзук, который был знатнее других сыновей Кавкаса, пошел и сел в расселине горы и назвал ту землю своим именем – Дурдзукети. Он платил дань хазарскому царю. В то же время хазарский царь отдал сыну брата отца своего удел Лека от моря Дербентского на востоке до реки Ломеки; дал ему, кроме того, пленных из Рана и Мовакана. Тот и поселился там, на земле, которая составляла удел Лека. А Хозаних, будучи знатнее остальных потомков Лека, пошел и сел в расселине горы, построил там город и нарек его своим именем – Хозанихети.

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
				С тех пор прошло много времени; все эти племена оставались данниками хазар.
Апостольская проповедь		Якоже ркоша, Андрѣю учащю в Синопии, пришедшю ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Корѣсуны близъ устьѣ Днѣпрское, и въсхотѣ поити в Римъ, и приде въ устьѣ Днепрское, и оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подѣ горами на березѣ. И заутра, въставъ, рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите горы сия? Яко на сихъ горахъ въсияеть благодать Божия: имать и городъ великъ быти и церкви многы имат Богъ въздвигнути». И въшедъ на горы сия, и благослови я, и постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сея, идеже послѣже		Во время же царствования Адерки пришли в Абхазию и Эгриси двое из двенадцати святых апостолов – Андрей и Симеон Кананит. Тут же в городе Никопсия, у границы греков, умер святой Симеон Кананит, а Андрей обратил в христианство мегрелов и отправился в Кларджети. Но когда Адерки узнал об оступлении мегрелов от веры, разгневался на них и отправил к ним своих эриставов, и снова насильно обратил мегрелов. Попрятали они иконы и кресты, и обрушился гневом царь Адерки на эристава Кларджети, который

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словены, идеже нынѣ Новъгород, и видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варягы, и приде в Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ землю словеньску, идущую ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древяны, и пережыгутъ я велми, и сѣвлекутся, и будуть нази, и обольются мытellyю, и возмутъ вѣники, и начнутъ хвостатися, и того собѣ добыють, два вылѣзутъ сле живы, и обольются водою студеною, и так оживут. И так творять по вся дни, не мучими никымже, но сами ся мучать, и то творят не мытву себѣ, а мученье».		с миром отпустил апостола Андрея.

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		И се слышавше, дивляхуся. Андрѣй же, бывъ в Римѣ, приде въ Синопию.		
Этимология	Якоже древле царь Римъ, назвася и во имя его город Римъ; и паки Антиохъ, и бысть Антиохиа великаа; и паки Селевки, и бысть Селевкиа; и паки Александри, и бысть въ имя его Александриа; и по многая мѣста тако прозвани быша грады в имена царев тѣхъ и князен тѣхъ: тако жъ и в нашей странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия, его же нарицають тако перевозника бывша; инѣи же: ловы дѣяше около города. ... Начало земли Рускои. Живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстех и странахъ,	Полянѣмъ же живущимъ о собѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху поляне, и живяху каждо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстехъ, володѣюще каждо родомъ своимъ. И быша 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь. И сѣдѣше Кий на горѣ, кдѣ нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдѣше на горѣ, кдѣ нынѣ зовется Щеговица, а Хоривъ на третьей горѣ, отнюду же прозвася Хоривица. Створиша городокъ во имя брата ихъ старѣйшаго и наркоша и Киевъ. И бяше около города лѣсъ и боръ	Сей Бардос построил город Барду и поселился там... Мовакан построил город Мовакнети и обосновался там... Сей Эрос построил впервые город в междуречье у места слияния обеих Алазани и назвал он этот город своим именем – Эрети. Потому и называется эта земля Эрети. Ныне то место в междуречье называется Хоранта... Сей Эгрос построил город и назвал он своим именем – Эгриси. Ныне то место называется Бедиа...	... там же построил себе дом и назвал ту гору своим именем – Картли. До воздвижения там, на вершине, идола Армаза, та гора называлась Картли. Поэтому и была вся страна, протяженностью от Хунани и до моря Спери, названа Картли... Сей Гачиос построил город Гачиани, который в то время назывался «Охотным городом»... Он же построил город в междуречье, у слияния Куры и Арагви, и назвал город своим именем – Мцхета... Сей Одзрхос построил два укрепленных города: Одзрхе и Тухариси...

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
	владѣюща кождо родомъ своимъ. И быша три братия: единому имя Кии, второму же имя Щекъ, третьему же имя Хоривъ, а сестра их Лыбедь. И сѣдѣше Кии на горѣ, идѣже нынѣ увоз Боричевъ, и бѣ с родомъ своимъ; а братъ его Щекъ на дружини горѣ, от него же прозвася Щековица; а третии Хоривъ, от него же прозвася Хоривица. И сотвориша градокъ, во имя брата своего старѣишаго и наркоша имя Кыевъ. И бѣше около их лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловища звѣрие. И бѣша мужи мудри и смысленѣ, нарѣчахуся Поляне, и до сего дне от них же суть кыянѣ.	великъ, и бяху ловяще звѣрь, бяхуть бо мудрѣ и смыслени, и н а р и ц а х у с я поляне, от нихъ же суть поляне – кияне и до сего дни. Инии же, не вѣдуще, ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть, у Киева бо перевозъ бѣше тогда съ оной страны Днепра, тѣмъ глаголаху: «На перевозъ на Киевъ». Аще бо былъ перевозникъ Кый, то не бы ходилъ къ Цесарюграду. Но сий Кий княжаше в роду своем, и приходившю ему къ цесарю – не свѣмы, но токмо о сѣмъ вѣмы, якоже скажутъ: яко велику честь приялъ есть от цесаря, которого не вѣмъ и при котором приходи цесари. Идущю же ему опять, приде къ Дунави, и възлюби мѣсто, и сруби городокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не		

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		даша ему близъ живущи; еже и донынѣ нарѣчють дунайци городище Киевѣць. Кievi же пришедшю въ свой городъ Киевъ, ту и сконча животъ свой, и брата его – Щекъ и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь ту скончашася... Бяста бо два брата в лясѣхъ: Радимъ, а другой Вятко, и, пришедша, сѣдоста: Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко сѣде своимъ родомъ по Оцѣ, от него прозвашася вятичи.		
Обычаи	И тако бо есть промысль божии, еже явѣ в послѣдня: куда же древле погании жряху бѣсомъ на горах, нынѣ же паки туды святыя церкви златѣверхия каменозданныя стоят, и монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ	Имѣяхуть бо обычая своя и законы отецъ своихъ и предания, каждо своя норовъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имяху тихъ и кротокъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, и къ матеремъ своим, и снохы къ свекровамъ своимъ и къ		В то время (в Картли) люди забыли бога, их творца, и стали служить Солнцу и Луне и пяти звездам: нерушимой и главной клятвой у них была клятва во имя могилы Картлоса... И приняли они веру, отвратительнее всякой другой какой только держались эти

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
	исполнено бысть, безпрестани славяще бога в молитвахъ, въ бдѣнии, в постѣ и в слезахъ, ихъ же ради молитвъ миръ стоитъ. Аще бо къ святымъ сѣи прибѣгнемъ, церквамъ, тѣмъ велику ползу прииметь души и тѣлу... бяху же поганѣ, жруще озером и кладязем и рощениемъ, якоже прочии погани.	дѣверемъ велико стыдѣнне имуще. И брачный обычай имѣаху: не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а завтра приношаху что на ней владуче. А деревляни живяху звѣрьскимъ образомъ, живуще скотьскы: и убиваху другъ друга, ядуше все нечисто, и браченя в нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица. А радимичи, и вятичи и северо одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣхъ, якоже всякій звѣрь, ядуше все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отцы и предъ снохами, и бъраци не бываху в нихъ, но игрища межю селы, и схожахуся на игрища, на плясання и на вся бѣсовскыя пѣсни, и ту умыкаху жены собѣ, с неюже кто		племена: при заключении брачныхъ узъ они не считались с наличиемъ родства.

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		свѣщевашеся. Имяхут же по двѣ и по три жены. И аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемень творяху кладу велику, и възложить на кладу мертвѣца и съжигаху, и посемень, събравше кости, вложяху въ <...> ссудъ малъ и поставляху на столпѣ на путехъ, иже творять вятчи и нынѣ. Си же обычаи творяху и кривичи и прочии поганин, не вѣдуще закона Божия, но творяху сами себѣ законъ. Глаголетъ Георгий в лѣтописыцѣ... Якоже се и нынѣ при насъ половци законъ дѣржать отецъ своихъ: кровь проливати, а хвалящися о семъ, и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомяки и сусолы, и поимають мачехы своя и ятрови, и ины обычаи отецъ своихъ. Но мы же, християне,		

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		елико земля, иже вѣрують въ святую Троицю, и въ едино крещение, и въ едину вѣру, законъ имамаъ одинъ, елико в Христа крѣстихомся и въ Христа облекохомся.		
Нападения врагов		Словеньску же языку, якоже ркохом, живущю на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, наслѣницѣ словеномъ бѣша. А посемъ придоша угре бѣлии и наслѣдиша землю словѣньскую, прогнавши волохы, иже бѣша приялѣ землю словеньску. Си бо угри почаша быти при Ираклии цесари, иже ходиша на Хоздроя, цесаря пѣрьскаго. В си же времена быша и обре, иже воеваша на цесаря Ираклия	Все они семеро были покорны Хаосу, а все восемь вместе покорялись герою Неброту, который был первым царем над всем миром.	До смерти Мцхетоса все эти Таргамосовы племена пребывали во взаимной любви; они питали страх перед Небротидами, полагая, что Небротиды ищут крови убитого Неброта. Именно из-за страха перед Небротидами Таргамосовы племена стремились укреплять свои города- крепости.

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
		и мало его не яша. Си же обри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы, сущая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбьскымъ: аще поѣхати баше обрину, не дадѣше въпрѣчи коня, ни волу, но веляше въпрѣчи, или, ли женѣ в телѣгу и повести обрина, и такъ мучаху дулѣбы. Бяху бо обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и потреби я Богъ, и помроша все, и не оста ни единѣ обринѣ. И есть притча в Руси и до сего дни: погибоша аки обри, ихъ же нѣсть ни племени, ни наслѣдка. По сихъ бо придоша печенизѣ, и паки идоша угри чернии мимо Киевъ послѣже при Ользѣ.		
Внутренние раздоры	Въ времена же Киева и Щека и Хорива, новгородстии людие,	Имаху дань варязи, приходяще изъ заморья, на чюди, и на		Но когда умер Мцхетос, сын Картлоса, возникла вражда между

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
	рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словенѣ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; каждо своимъ родомъ владяше; а Чюдъ своимъ родомъ; и данъ даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у них, то ти насилъ дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдъ на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды.	словѣнхъ, и на меряхъ и на всѣхъ, кривичахъ. А козарѣ имахуть на полянхъ, и на сѣверехъ, и на вятчихъ, имаху по бѣлѣ и вѣверици такъ от дыма. И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша усобицѣ в нихъ, и воевати сами на ся почаша.		отдельными сыновьями Картлоса. Начались у них междоусобия и взаимные вторжения, потому что Уплосу, сыну Мцхетоса, не стали подчиняться братья, не величали его господиномъ, хотя Уплос и был оставлен на престоле Картлосом – от отца досталась ему власть над Картлосидами. Междоусобия продолжались без конца. Когда двое из сородичей поднимались, бывало, против третьего, а прочие оказывали помощь, то другие поднимались один против другого, а иные помогали им. Иногда водворялся мир между ними, но скоро снова вступали они в раздоры и междоусобия. Так оно и продолжалось, и не находилось среди них никого, кто бы

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
				был более знатным и более именитым; и лишь там и тут люди сами избирали себе своих вождей.
Агрессия хазар	По сих лѣтех братиа сии изгибоша; и быша обидими Древляны, инѣми околними . И наидоша я Козаре на горах сих сѣдяща в лѣсѣх, и рѣша: «платите намъ дань».	По сихъ же лѣтехъ, по смерти братья сея, быша обидими деревляны и инѣми околными. И наидоша я козарѣ, сѣдящая в лѣсѣхъ на горах, и ркоша козарѣ: «Платите намъ дань».		Выход хазар. В то время усилились хазары. Они стали воевать с племенами Лека и Кавкаса. А Таргамосиды пребывали в то время в мире и взаимной любви. Над сыновьями Кавкаса господином был Дурдзук, сын Тирета. Они вступили в переговоры со всеми шестью потомками Таргамосидов, просили оказать им помощь в борьбе против хазар.
Борьба за свободу	Сѣдумавши же Полянѣ и даша от дыма мечь. И несоша Козаре къ князю своему и старѣйшинамъ своимъ. Князь же созва старѣйшины своя и рече имъ: «се налѣзохомъ дань нову».	Здумавше же поляне и вдаша от дыма мечь. И несоша козарѣ къ князю своему и къ старѣйшинамъ своим и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ:	После этого, по истечении немногих лет, призвал к себе Хаос тех семерых богатырей, собрал их и сказал им: «Дал бог всевышний нашему племени могущество	Тогда собрались все племена Таргамосидов, и, совершив переход через гору Кавказ, произвели погромы и пленение по всем рубежам Хазарии. Они построили город у границ

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
	Онѣ же рѣша ему: «откуда». Он же рече: «в лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрскою». Они же рѣша: «что суть далѣ». И показа им мечь; и рѣша старци козарьстѣи : «не добра дань , княже; мы ся доискахомъ оружьемъ единой страны, рекше саблями; а сих же оружье боямо остро, рекше мечи; сии имут и на нас имати дань и на иных странахъ». Се събысться все; не от своая воля рекше, от божиа повелѣния. Якоже при фараонѣ цесари египетьстѣ, егда приведоша Моисѣа, и рѣша старѣишины фараоня: «сеи хочеть смирити власть Египетьскую» ; яко и бысть; и погыбоша Египтяне от Моисиа , а первѣе бѣша работающе имѣ.	«Откуда?», Они же рѣша имѣ: «В лѣсѣ на горах, надъ рѣкою Днѣпрскою». Они же ркоша: «Что суть вдаль?» Они же показаша мечь. И рѣша старцѣ козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы доискахомся оружьемъ единой страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечи. Сии имуть имати и на нас дань и на инѣхъ странахъ». Се же събысться все: не от своая воля ркоша, но от Божия изволѣнья. Яко и при фараонѣ, цесари егупетьстемъ, егда приведоша Моисѣа предъ фараона, и ркоша старци фараони: «Сий хочеть смирити область Егупетьску»; якоже и бысть: погыбоша егуптянѣ от Моисѣа, а пѣрвѣе бѣша работающе имѣ.	и множество сородичей. Ныне с помощью Творца нашего постановляем не оставаться нам более в порабощении ни у кого и не служить никому, кроме как богу – Творцу». Выразили свое согласие с Хаосом те семь богатырей и скрепили его решение. Отложились они от Неброта и прекратили платить дань. Вместе с тем, они сговорились и с некоторыми другими племенами, и эти другие племена тоже изменили ему (Неброту). Тогда разгневался на них Неброт, собрал своих богатырей и все покорные ему войска, и двинулся на Таргамосидов. Хаос тоже созвал всех семерых богатырей и всё Таргамосово племя. Ему оказали помощь	Хазарии и ушли назад.

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
			и некоторые другие сородичи с запада. Собрал Хаос всех их и расположился у подножия Масиса. Когда же Неброт подступил к земле Адарбадагана и расположился там, он двинул шестьдесят богатырей и с ними сильные свои войска, чтобы сразиться с Таргамо-сидами. Когда подошли войска Неброта, то встретили их те семь богатырей, братья Хаоса, со своими сильными войсками, а Хаос с еще более сильным войском стал позади них, в тылу. Завязался между ними жаркий бой, напоминающий по своей жестокости смерч. Пыль, поднятая их ногами, – как густое облако; отблеск их доспехов – как молнии в небе; возгласы, раздававшиеся	

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
			из их уст, – как грохот грома; множество стрел и метание камней – как частый град; кровь, пролитая ими, – как потоки от града. Усилился бой между ними, и погибло с обеих сторон бесчисленное множество воинов. Хаос стоял в тылу своих богатырей, подкрепляя их и ободряя их своим ужасающим голосом, который был подобен раскатам грома. Наконец, взяли верх Таргамосиды, истребив тех шестьдесят богатырей Неброта и их войска. А семь героев Таргамосидов – Картлос, Бардос, Мовакан, Эрос, Лек, Кавкас, Эгрос – остались живы и невредимы, и они, победоносные, Когда об этом узнал Неброт, то он	

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
			разгневался и двинулся против них со всеми своими войсками. А у Хаоса не было войск, по численности равных войскам Неброта, и поэтому он укрепился в лощинах Масиса. Подступил к нему Неброт снизу, закованный в железо и сталь с ног до головы. Поднялся он на одну гору, чтобы переговорить с Хаосом и предложить ему покориться снова, коли желает, чтобы он (Неброт) отступил. Но Хаос сказал своим богатырям: «Подкрепите меня с тыла и я приближусь к Неброту». Выступил он и стал против Неброта, поближе к нему, пустил в него стрелу и попал в грудь Неброту – в нагрудник стальной, и стрела прошла насквозь.	

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
			Тогда упал Неброт, а его войска обратились в бегство и освободилось племя Таргамоса.	
Итог борьбы	Тако и си прѣвѣ владѣша, послѣ же самими владѣша; якоже и бысть : владѣют бо Козары князи рускыи и до днешняго дни.	Тако и си: прѣвѣ владѣша, а послѣдѣ самѣми владѣют; якоже и бысть: володѣють бо козары русьстии князи и до днешняго дне... Имаху дань варязи, приходяще изъ заморья, на чюди, и на словѣнхъ, и на меряхъ и на всѣхъ, кривичахъ. А козаре имахуть на полянхъ, и на сѣверехъ, и на вятичихъ, имажу по бѣлѣ и вѣверици тако от дыма.	Тогда Хаос объявил себя царем над своими братьями, а также и над другими племенами, обитавшими около границ его царства. А все семь братьев отправились каждый в свой удел, пребывая в подчинении у Хаоса.	После этого хазары избрали себе царя, и все подчинились ему. Выступив в поход, они взяли с собой царя, вышли сюда, на юг, через Морские ворота, ныне называемые Дербентом. Таргамосиды не смогли оказать им сопротивления потому что хазар было бесчисленное множество; хазары полонили всю страну Таргамосидов, сокрушили города Арарата и Масиса и города северные. Остались у них неопустошенными лишь города крепости Тухариси, Самшвилде и Мтуерис-цixe, который и есть Хунани; уцелели также Шида Картли и Эгриси.

Тема	НС	ПВЛ	ЖГЦ1	ЖГЦ2
				Изучили хазары оба пути, ведущие через Морские ворота, или Дербент, и Арагвские ворота, т. е. Дарьял. В дальнейшем умножили хазары свои походы, погромы и пленения в стране Таргамосидов. Таргамосиды не смогли оказать им сопротивления и с тех пор стали данниками хазар.

Сопоставление древнерусских и грузинских версий *origo gentis* позволяет прийти к нескольким важным выводам. Во-первых, в ПВЛ и ЖГЦ совпадает большинство тем рассказа об *origo gentis*, только в ЖГЦ они частично дублируются в гл. 1 и 2; в НС присутствуют лишь этимологические легенды, описание обычаев, борьба с врагами и внутренние распри. Во-вторых, почти полностью совпадает и порядок их представления в ПВЛ и ЖГЦ: от сына Ноя Иафета и Вавилонской башни через историю расселения народа и обретения соседей, этимологические легенды и описание древних и новых обычаев к рассказу о нападении врагов, борьбе за свободу и внутренних раздорах; исключение составляют только тема внутренних распрей, данная в НС и ПВЛ ниже, в хронологической части повествования, и рассказ об апостольской проповеди, который помещен в хронологической части, наоборот, в ЖГЦ. В-третьих, при всем сходстве тем между текстами практически нет сходства в сюжетах (кроме библейской по происхождению истории разделения земли между сыновьями Ноя и строительства Вавилонской башни) и мотивах (кроме самых общих): показательна разница сюжетов в таких редких для *origines gentis* темах, как уделы Иафета и проповедь апостола Андрея. Более того, имеются даже противоположные по смыслу сюжеты (финальная победа над хазарами в НС и ПВЛ и финальное

поражение от них в ЖГЦ). Кроме того, в древнерусской традиции ниже, уже в хронологической части, следует второй рассказ об origo gentis (призвание руси). Все это ясно указывает на независимое возникновение древнерусских и грузинского нарративов.

При этом среди всех средневековых версий origo gentis рассказ ЖГЦ стоит ближе всего к ПВЛ: в обоих присутствуют элементы не просто редкие (история сыновей Ноя и упоминание Вавилонской башни, которое есть только у Космы Пражского), но даже уникальные (проповедь апостола Андрея и столкновение с хазарами). Но как объяснить это поразительное и независимое (см. выше) сходство схем, к тому же, в описании событий совершенно разных исторических эпох (до VI в. до Р.Х. в ЖГЦ и до IX в. по Р.Х. в НС и ПВЛ)?

На этот вопрос можно ответить несколькими способами. С одной стороны, обе схемы, древнерусская и грузинская, возникли не только почти в одно и то же время, но и в одинаковых исторических условиях, а именно примерно через век после возникновения единого христианского государства: Объединенного Грузинского царства, созданного Багратом III (I) в 978–1014 гг., и крещения Руси в 988–989 гг. князем Владимиром Святославичем (978–1015). Кроме того, обе державы столкнулись с проблемами политического единства и «собирания земель». Соответственно, каждой из них требовался историографический нарратив, который осознавал и вписывал бы ее саму и создавший ее народ в парадигму христианской истории. Однако в аналогичной ситуации (вскоре после христианизации) возникали и другие версии origo gentis, не демонстрирующие такой близости к ПВЛ и ЖГЦ.

С другой стороны, последние – это, по сути, единственные представители традиции origo gentis в средневековой православной ойкумене: аналогичные армянские версии возникли еще в Поздней античности, славянские традиции Балкан таковых не сохранили, а Византия в подобном нарративе просто не нуждалась. Принадлежность древнерусской и грузинской версий origo gentis к историографической традиции восточно-христианского мира доказывает их желание вписать начала своего народа в контекст библейской истории, в общем-то, чуждое традиции латинского мира (см. выше). «Престижность» византийской исторической парадигмы неизбежно должна была подействовать на новые нарративы народов «византийской ойкумены», тем более, что их создателями были клирики (киевские монахи на Руси и епископ Руиси в Грузии). Но и это важное обстоятельство само по себе не может детерминировать независимое создание двух аналогичных схем.

Поэтому в поисках ответа следует снова обратиться к самому набору тем, роднящих ПВЛ (и отчасти НС) с ЖГЦ. Темы начального раздела в *origo gentis* здесь определены, как уже указывалось выше, вписыванием истории собственного народа в библейский контекст: в древнерусской традиции это было опосредовано византийскими всемирными хрониками (Иоанна Малалы (хотя у него нет Вавилонской башни) и Георгия Амартола (хотя у него нет истории сыновей Ноя)), а в грузинской – армянским переводом хроники Ипполита Римского (см.: *Rapp*, 2003. Р. 133–142). Сюда же следует отнести занимающий разное место в текстах (см. выше) сюжет с проповедью ап. Андрея, который в обоих случаях следует его «каноническому» византийскому итинерарию, включающему в себя и Иверию, и Северное Причерноморье, и восходящему к житию апостола авторства Епифания Монаха (815–843 гг.): на Руси оно было известно в болгарском переводе X в., а в Грузии – через перевод его переработки (т.н. *Laudatio*), сделанной Никитой Давидом Пафлагоном (см.: *Греческие предания...* 2005).

Посвящение финального раздела борьбе с хазарами можно объяснить общим «евразийским» контекстом. Для Руси именно Хазарский каганат был последним крупнейшим политическим конкурентом в дохристианскую эпоху. А для Грузии XI в. хазары (за чьим именем у Леонтия скрываются киммерийцы и скифы VII–VI вв. до Р.Х.) были наиболее актуальным символом северных кочевников, совершавших опустошительные набеги на Закавказье и порождавших ответную, но не менее бурную реакцию мусульманского мира.

Что же касается тем центрального раздела обоих нарративов, то их набор находит себе прямые аналогии в большинстве средневековых европейских рассказов об *origo gentis*. В них мы встречаем и идею общего происхождения, и историю расселения народа, и описание его окружения, и этимологические легенды, и перечисление древних обычаев, и мотив внутренних распрей, и тему борьбы за свободу в конфликте с внешним врагом, и *Primordialtät* – необычное деяние в этой борьбе (см.: *Plassmann*, 2006) (как хитрый ответ полян хазарам в НС и ПВЛ и экстраординарный поход Таргамосидов на Северный Кавказ в ЖГЦ). Порядок же изложения этих тем задан логикой повествования, проистекающей из самой истории формирования народа: происхождение – расселение – соседи – появление локальных имен – местные обычаи – нападения врагов и борьба за свободу. Данное обстоятельство объясняет то, почему аналогичные нарративные схемы (конечно, с модификацией и перестановкой компонентов) возникали в письменности разных средневековых народов, так что здесь нет даже необходимости – а в случае Грузии и возможности – искать ее истоки в устной традиции.

Таким образом, и древнерусская, и грузинская версии *origo gentis* представляют собой довольно стандартные европейские нарративы о происхождении народа (но с разными отдельными сюжетами), только помещенные в рамку восточнохристианской традиции библейско-апостольской истории и слегка приправленные актуальным «евразийским» контекстом (никакой особой специфики у хазар нет ни в НС и ПВЛ, ни в ЖГЦ, и на их месте могли бы стоять другие «варвары»). Поэтому столь бросающееся в глаза совпадение этих нарративов объясняется не генетической связью, а общностью условий и времени их создания.

Литература

- Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. XI–XII вв. / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: ИРЛИ РАН, 1997. 543 с.
- Греческие предания о св. апостоле Андрее. Том 1. Жития / Изд. подг. А. Ю. Виноградовым [Библиотека «Христианского Востока»; 3]. СПб.: Изд-во СПбУ, 2005. 352 с.
- Картлис цховреба (История Грузии) / Гл. ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008. 454 с.
- НПЛ: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Отв. ред. М. Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Ид-во АН СССР, 1950. 640 с.
- Status quaestionis см. в: *Origin legends in early medieval Western Europe* / Ed. by L. Brady and P. Wadden [Reading medieval sources. Vol.; 6]. Leiden: Brill, 2022. 474 p.
- Кирион (Садзаглишвили), еп.* Культурная роль Иверии в истории Руси. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1910. 448 с.
- Стефанович П. С.* «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // ДГВЕ. 2010 год. М.: «Индрик», 2012. С. 513–582.
- Plassmann A.* *Origo gentis: Identitäts- und Legitimitätsstiftung in früh- und hochmittelalterlichen Herkunftserzählungen* [Orbis Medievalis – Vorstellungswelten des Mittelalters. Bd. 7]. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2006. 458 s.
- Rapp S. H.* *Studies in Medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts* [Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Vol. 604. Subsidia. Tomus 113]. Lovanii: Peeters Publishers, 2003. 522 p.

A.Yu. Vinogradov

ORIGO GENTIS IN THE OLD RUSSIAN AND GEORGIAN CHRONICLES

Abstract: the article compares two versions of *origo gentis*, ancient Russian and Georgian. The first one is represented by two variants: the earlier one, dating back to the reconstructed “Nachalny svod” of the 1090s and reflected in the Novgorod first Chronicle (younger version), and the variant in the *Tale of Bygone Years* of the 1110s that possibly dates back to the text of the 1060s and that became the basic for most Russian chronicles. The Georgian tradition of *origo gentis* is represented by the first two chapters of the *Life of the Georgian Kings* by Leonti Mroveli, written somewhere in the third quarter of the 11th century, as the initial part of the large corpus of Georgian history called *Kartlis Tskhovreba*. Their comparison shows an unusually close similarity, including in unique elements (the story of the sons of Japhet and the Tower of Babel, invasions of the Khazars). The study of these similarities shows that the Old Russian and Georgian versions of *origo gentis* are standard European narratives about the origin of the people (but with different individual plots), only placed in the frame of the Eastern Christian tradition of Biblical and Apostolic history and slightly seasoned with the current ‘Eurasian’ context. Thus, such a striking coincidence of these narratives is explained not by a genetic connection, but by the common conditions and time of their creation: about a century after the creation of the unified Christian state.

Keywords: Old Rus, Georgia, chronicles, Initial code, Georgian Chronicles

А. А. Евдокимова

СИСТЕМЫ АКЦЕНТУАЦИИ В ГРЕЧЕСКИХ НАДПИСЯХ С ПОВТОРЯЮЩИМСЯ ТЕКСТОМ В ГРУЗИИ И ДРУГИХ РЕГИОНАХ ВИЗАНТИИ

Резюме: в статье анализируются надписи, представленные в корпусе византийских греческих надписей Грузии, собранном Т. Каухчишвили с точки зрения использования систем акцентуации в повторяющихся текстах. Для иллюстрации были выбраны некоторые примеры как формульного характера, так и цитат из писания и литургических текстов. Оказалось, что несмотря на известность текстов, даже при сохранении правильной орфографии в них, авторами используется не только византийская система акцентуации, а чаще александрийская или смешанная с логической или с одной из систем со сдвигами ударения. Таким образом, выбор системы акцентуации в подобных текстах в большей степени зависит от диалекта автора надписи или акцентуации, выбранной в соседних надписях, если авторы отличались, чем от самого текста. Значит акцентуация не списывалась с образцов, а воспроизводилась по памяти и может, в том числе быть косвенным указанием на передвижение артелей художников и дополнять палеографию при датировке.

Ключевые слова: системы акцентуации, византийская эпиграфика, греческие надписи, диакритические знаки, надписи Грузии, фресковые надписи

Настоящая работа является логическим продолжением наших исследований, посвященных системам акцентуации и использованию акцентных знаков в разных типах надписей (Евдокимова, 2009а; 2009б; 2009в; 2010; 2019а; 2019б; 2021; 2022а; 2022б). В основу этого исследования лег корпус византийских надписей, собранный Тинатин Каухчишвили (*Kauhchischvili*, 1999; 2002), который анализировался в сравнении с надписями на фресках из разных регионов византийской империи. Все надписи были расклассифицированы в отношении семи систем акцентуации, существовавших в Византии и представленных в памятниках разных типов. Среди них основными были византийская, александрийская (Тронский 1962; Turner, 1971) и логическая системы акцентуации, а также рассматривались и характерные в большей степени для памятников сфрагистики отдельные системы со сдвигами знаков вправо или влево или сочетания этих систем (Евдокимова, 2021).

Греческие надписи на фресках и не только часто содержат фрагменты одинакового текста, в каких-то случаях это полные цитаты, а в каких-то это формульные словосочетания или фразы. В данной статье мы не будем последовательно сравнивать написание и акцентуацию у имен святых и у названий праздников в разные периоды и в разных регионах. Разберем несколько примеров использования акцентуации в цитатах и традиционных формулах, как в надписях, приведенных в книге Т. Каухчишвили (*Kauhchischvili*, 1999; 2002), так и в надписях, собранных в нашу базу данных акцентуированных памятников византийского времени.

Начнем наше сравнение с фрагментов двух надписей, с формулы, задающий императорский титул. В первой из них мы видим придыхание над предлогом и акут над сокращением $\chi(\rho\iota\sigma\tau)\acute{\omega}$, как бывает в логической системе акцентуации. Следующее слово отражает систему акцентуации со сдвигом влево, что частично совпадает с александрийской системой. Так в первом слоге придыхание попадает на первую часть дифтонга, а акут на второй слог от конца, вместо последнего слога, который попал в сокращение, остальные слова без ударений, представлены в сокращенных формах: $\acute{\epsilon}\nu\ \chi\acute{\omega}\ \acute{\epsilon}\nu\sigma\acute{\epsilon}\beta'(\epsilon\iota\varsigma)\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda'(\epsilon\iota\varsigma)\ \rho(\omega\mu\alpha\acute{\iota}\omega\nu)$ (*Kauhchischvili*, 1999. Р. 23).

Во второй надписи, ударение стоит по александрийской системе на двух безударных слогах в третьем слове и в последнем слове по правилам византийской системы: $\acute{\epsilon}\nu\ \chi\acute{\omega}\ \alpha\nu'\tau\acute{o}\varsigma\alpha\tau\ \acute{\epsilon}\nu\sigma\acute{\epsilon}\beta'(\epsilon\iota\varsigma)\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma\ \rho\omega\mu\alpha\acute{\iota}\omega$ (*Kauhchischvili*, 1999. Р. 24).

Таким образом, мы видим, что в одной и той же формуле ударения могут варьироваться в разных надписях этого региона, что позволяет говорить о том, что формульный характер не так сильно влияет на акцентуацию, и формулы часто переходят из надписи в надпись без сохранения одних и тех же знаков акцентуации.

При анализе двух надписей с упоминанием разных патриархов Константинополя из сборника Т. Каухчишвили, мы в нашей предыдущей статье (*Евдокимова*, 2022а) отмечали, что сокращение для слова «Π(ατ)ρι|αρχη(ς)» похоже в обеих надписях и на циркумфлекс над омегой в первом слоге слова «Κῶνσταντινο[u]π[ό]λε(ως)». Другие знаки акцентуации разнятся. Автор первой надписи XIV в. предпочитает явным образом александрийскую систему и использует в том числе знак переноса (ἐνωτικόν¹) над буквой «ν», смещенный вправо к концу строки и похожий на что-то среднее между знаком сокращения и циркумфлексом (Рис. 1).

¹ Жан Люк Фурне говорит об использовании в папирусах этого знака, особенно, в случае письма без пробелов, так называемого scripta continua, когда хотели показать, что буквы относятся к одному слову и между ними не стоит ставить пробел или делать паузу при чтении (*Fournet*, 1994. Р. 418). Давид Мерфи подробно разбирает использование знака переноса в рукописях (*Murphy*, 1995)

В то же время в других строках в качестве знака переноса он использует гравис, которым в том числе маркирует слоги как безударные, так и ударные, если они выпадают на конец строки. В другой надписи XIV в. из Грузии акутом маркируется предударный слог в имени и также сокращение в случае прилагательного ἄγ(ιος) и гравис в конце столбцов при сокращении «Π(ατ)ρι|αρχη(ς)» и «Κῶνσταντινο[v]π[ό]λε(ως)» соответственно. А знак переноса совместился со знаком сокращения, визуальное сходство с циркумфлексом в 4 строке первого столбца (Рис. 2).

Три надписи из корпуса Каухчишвили содержат одинаковый текст из херувимской песни примерно до одного и того же места: «Οὐδεὶς ἄξιος τῶν συνδεδεμένων ταῖς σαρκικαῖς [ἐπιθυμίας καὶ ἡδοναῖς προσέρχεσθαι ἢ προσεγγίζειν, ἢ λειτουργεῖν σοι, Βασιλεῦ τῆς δόξης· τὸ γὰρ διακομεῖν σοι μέγα καὶ φοβερόν, καὶ αὐταῖς ταῖς ἐπουρανίαις δυνάμεσιν]».

В первом случае надпись XIV в. акцентуирована скорее по александрийской системе с вкраплениями византийской, мы видим акут на предударном слоге в первом слове, при этом придыхание стоит на первой части дифтонга, далее предударный слог в четвертом слоге маркирован сразу и циркумфлексом и тремой, а заударный в этом же слове также циркумфлексом, который соединяет в себе функции и переноса. При этом оба придыхания оказываются густыми вместо легких, что скорее всего отражает местное чтение этих слов и связано с влиянием грузинского языка (Рис. 3).

В следующей надписи XIV в. нет такой богатой акцентуации: акут только в начале второй строки над ударным слогом и в конце второй строки знак сокращения, похожий по написанию на циркумфлекс, сразу соединяет в себе три функции: собственно сокращения окончания артикля «ων», ударения и переноса, он же повторяется в 4 строке, где соединяет две функции сокращения и переноса (Рис. 4).

Последняя из трех надписей XIV в. отличается от предыдущих не только по расположению слов в столбце и палеографии, но и по акцентуации. Здесь в первых двух словах вместо легкого придыхания стоит густое, как и в первой надписи, но местоположение самого знака в первом слове над вторым элементом дифтонга с небольшим сдвигом влево, а во втором ровно над буквой. Гравис в первом слове смещен влево и попадает на согласную букву, как и в третьем слове, где его написание отличается и ближе к циркумфлексу. Знаков переноса в этой надписи нет, хотя слова разбиты более дробно, чем в предыдущих примерах. Однако, над «v» в пятой строке точка, похожая на гравис, которая может быть и украшением (Рис. 5).

В надписи из Касторьи из церкви Успения Богоматери Ζευγοστασίου (1432 г.), указанный текст приведен чуть больше, чем в предыдущих трех на 4 слова. В ней также используется знак сокращения и соединяет в себе знак сокращения и переноса в причастии σ̃(υν)δεδεμένω̃ (ν) в первом слоге и только сокращения в последнем (Рис. 6).

При этом в этой надписи придыхание легкое и смещено на первый элемент в дифтонге, как в александрийской системе акцентуации. Ударение же в этом слове и следующем отсутствует, а в артикле циркумфлекс стоит над согласной и гласной под ней подписанной. Следующие два слова сохраняют акцентуацию по византийской системе. В ἐπιθυμί(ας) пропущено придыхание над первой гласной слова, однако оно появляется вместе с акутом над гласной перед гласной, которая оказывается в сокращении, обозначенном акутом, чуть наклоненным над строкой. Насколько в фресковых надписях распространено такое использование знаков еще предстоит исследовать, однако придыхание в случае рядом стоящих гласных встречается в памятниках александрийской системы акцентуации и смешанной, в том числе в папирусах. В следующем слове гравис сразу выполняет три функции: сокращения, ударения и переноса. Первое слово шестой строки маркировано придыханием, но не содержит ударения, а в последней строке акут чуть смещен вправо от ударного слова и заодно подчеркивает сокращение.

Как мы видим, все надписи написаны маюскулом и во всех из них лунарные σ и ε, в трех из четырех приведенных примерах есть буквы с похожей палеографией, например, δ, однако акцентуация отличается в некоторых строках кардинально, что позволяет говорить о ее оригинальном и независимом от текста характере.

Продолжим сравнение надписей из Грузии с примерами из других регионов. Так в почти точной цитате из 112 псалма: «κύριος ὁ θεὸς ἡμῶν ὁ ἐν ὑψηλοῖς κατοικῶν [καὶ τὰ ταπεινὰ ἐφορῶν]» в надписи из Грузии XIV в. мы видим последовательную акцентуацию, сочетающую три системы логическую (гравис над сокращением θ(εὸ)ς), византийскую в трех следующих словах, александрийскую в последних двух, где гравис вместо придыхания, циркумфлекс над первой частью дифтонга и гравис над безударным слогом (рис. 7).

В надписи из Кипра есть ошибки в написании слов, «ω» везде заменена на «ο», чего мы не наблюдаем в грузинском варианте, как и ошибок, связанных с итацизмом. Также надписи отличаются по палеографии, хотя обе написаны маюскулом и содержат лунарные «ε» и «σ». С точки зрения акцентуации в первом слове акут над сокращением, а в третьем нет. Оба циркумфлекса сохранены, хотя и оказываются над омикроном, несмотря на небольшое смещение вправо. Над вторым артиклем легкое

придыхание вместо густого, а над предлогом ἔν поставили акут, который можно здесь трактовать и как знать переноса. Знаки в прилагательном «ἰψιλῆς» поставлены так, как они были бы в случае правильного написания слова. Гравис в последней строке соединяет в себе знак ударения и сокращения (Рис. 8).

В этих примерах из псалма Кипрская надпись более последовательно отражает византийскую традицию с небольшой путаницей в характере придыханий в начале надписи, тогда, как грузинский образец в ряде мест придерживается александрийской системы, что возможно указывает на тот факт, что надпись написана носителями понтийского диалекта, предпочитавшими александрийскую систему акцентуации, как более архаическую.

Рассмотрим цитату из текста литургии Иоанна Хризостома: «Ὁ Θεός, ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ τὸν οὐράνιον ἄρτον, τὴν τροφὴν [τοῦ παντὸς κόσμου, τὸν Κύριον ἡμῶν καὶ Θεὸν Ἰησοῦν Χριστόν]». Она также представлена в двух надписях из Грузии и из Северной Македонии. В надписи XIV в. придыхания стоят последовательно с сохранением их качества, кроме прилагательного «οὐράνιον», в котором пропущено ударение и придыхание густое вместо легкого, хотя трема употреблена в рамках византийской системы. Несмотря на замену «η» на «ι» в последнем слове, гравис также сохранен. Остальные ударения соответствуют правилам византийской системы акцентуации, в том числе в выбранных видах сокращений (Рис. 9).

В надписи из Нерези, Северной Македонии, первые два артикля сохранили свое густое придыхание, а местоимение ἡμῶν не только имеет легкое придыхание вместо густого, но и акут вместо ожидаемого циркумфлекса. В следующем артикле придыхание опущено, а ошибка в написании артикля В.п. ед.ч., где вместо омикрона автор написал омегу, повлекла и ошибочную акцентуацию, так вместо ожидаемого грависа мы видим циркумфлекс. В следующем слове ударение сместилось вправо на заударный слог, такой же сдвиг вправо последовал и в слове τροφὴν, где гравис попал на согласную. Остальные ударения написаны согласно византийской системе акцентуации (Рис. 10). Таким образом, разобранные примеры показывают, что грузинские надписи, цитирующие литургические тексты или цитаты из писания, чаще всего акцентуируют их не только в рамках византийской системы, но предпочитают использовать элементы александрийской. При этом нет связи сохранения правильной орфографии с последовательной и правильной с точки зрения византийской системы акцентуации. Что указывает нам на тот факт, что, скорее всего, цитаты писались по памяти, и знаки ставились в ряде случаев по аналогии с соседними надписями и могли отражать те системы, которые бытовали в указанных регионах или которых

придерживались писцы в артелях художников, расписывающих храмы. Тем самым, выбор системы акцентуации может не только помогать, наряду с палеографическими данными уточнять датировку надписи, но и указывать на происхождение ее автора. В дальнейшем исследовании планируется продолжить сопоставление повторяющихся текстов, расширив круг памятников и включив в подборки и написания имен святых и названий праздников.

Литература

- Евдокимова А. А. Акцентуированные греческие надписи в Грузии: византийская или александрийская системы акцентуации или влияние понтийского диалекта? // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. М.: Тезаурус, 2009а. С. 39–43.
- Евдокимова А. А. Византийские системы акцентуации на материале акцентуированных надписей // Византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2009б. С.24-26.
- Евдокимова А. А. Палеография акцентуированных греческих надписей: разные системы акцентуации // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI международной научной конференции. М.: РГГУ, 2009в. С. 155–159.
- Евдокимова А. А. Гравис и его функции в греческих оксиринских папирусах в сопоставлении с византийскими надписями. // II Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2010. С.10-11.
- Евдокимова А. А. Диалог византийской и александрийской систем акцентуации в греческих граффити из разных балканских памятников. // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах [Балканские чтения 15]. М.: Институт славяноведения РАН, 2019а. С. 31–38.
- Евдокимова А. А. Переход с александрийской на византийскую систему акцентуации с лингвистической точки зрения. // V международная конференция по эллинистике памяти И. И. Ковалевой. Тезисы и материалы конференции. М.: МГУ, 2019б. С. 39–45.
- Евдокимова А. А. Системы акцентуации в легендах византийских моливдовулов XI–XII вв. из коллекции Dumbarton Oaks // XII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис. Материалы научной конференции Симферополь: ИА Крыма РАН, 2021. С. 111–126.
- Евдокимова А. А. Синонимия акцентных знаков или знак переноса (ένωτικόν) в византийских надписях // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Том 26, № 1. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2022а. С. 387–401.

- Евдокимова А. А.* Системы акцентуации в византийских надписях на фресках богородичных церквей Троодоса (Кипр). // XIV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы научной конференции. Симферополь ИА Крыма РАН: 2022б. С. 83–92.
- Попова О. С.* Пути византийского искусства. 2-е издание. М.: Гамма-Пресс, 2020. 460 с.
- Тронский И. М.* Древнегреческое ударение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 148 с.
- Fournet Jean-Luc.* Hellénisme dans l'Égypte du Vie siècle. La bibliothèque et l'oeuvre de Dioscore d'Aphrodité. Tome 2. Caïre: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1999. 734 p.
- Fournet Jean-Luc.* L'influence des usages littéraires sur l'écriture des documents: perspectives // Proceedings of the 20th International Congress of Papyrologists. Copenhagen, Museum Tusculanum Press: 1994. P. 418–422.
- Kauhchischvili T.* Korpus der griechischen Inschriften in Georgien 1. Tbilisi: Logos, 1999. 422 s. (на груз. яз.).
- Kauhchischvili T.* Korpus der griechischen Inschriften in Georgien 2-3. Tbilisi: Logos, 2002. 440 s. (на груз. яз.).
- Murphy D.* Hyphens in Greek Manuscripts // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 36, num. 3. Durham: Duke University, 1995. P. 293–314.
- Μυριανθεύς Δ., Νικολάου Ντ., Φιλοθέου Γ., Χατζηχριστοδούλου Χρ.* Η Μονή της Παναγίας Αμασγού στο Μονάγρι. Λευκωσία: Οδηγοί Βυζαντινών Μνημείων, 2012. 140 σ.
- Μουτσόπουλου Ν. Κ.* Συμβολή στη μορφολογία της ελληνικής γραφής. Λεύκωμα βυζαντινών και μεταβυζαντινών επιγραφών. Θεσσαλονίκη: Εργαστήριο Αρχιτεκτονικής Μορφολογίας, 1977. 303 σ.
- Turner E. G.* Greek manuscripts of ancient world. Oxford: Clarendon Press, 1971. 132 p.

Электронные ресурсы

Θεία Λειτουργία Αγίου Ιωάννου του Χρυσοστόμου
(http://users.uoa.gr/~nektar/orthodoxy/prayers/service_litourgy_translation.htm)
Ελληνικά Λειτουργικά κείμενα της Ορθόδοξης Εκκλησίας
(<https://glt.goarch.org/?fbclid=IwAR2p3llyQjfX7c6E4oaMDcLA-wUwsq8hdZO6LPBh33-uQOLbTOIbtjRXAcs>)

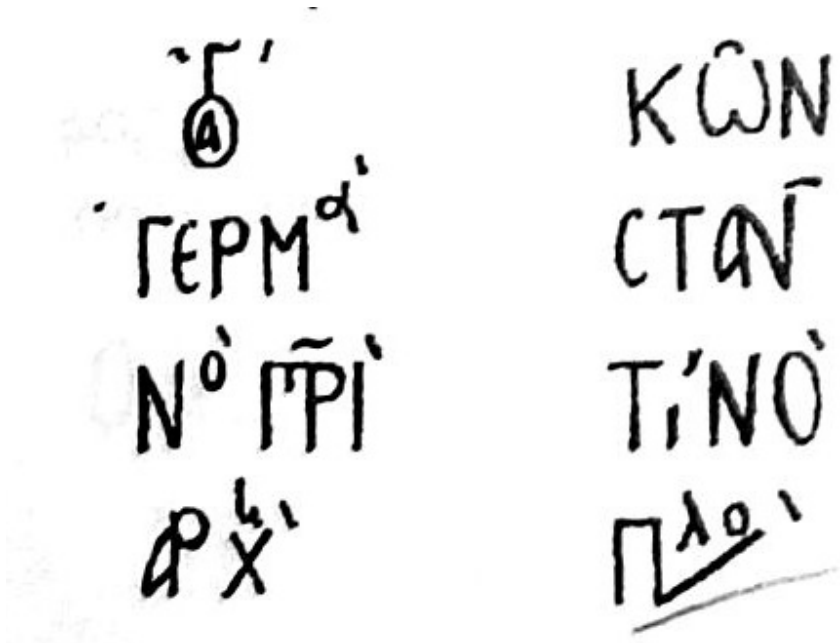

Рис. 1. Греческая надпись (Kauhchischvili, 1999. Р. 65).

Рис. 2. Греческая надпись (Kauhchischvili, 1999. Р. 65).

ΟΥΑΕΙΣ Ἀ
ΞΙΟΤΩΝ
ΣΥΝΑΕΑ
ΕΜΜΕΝΩ
ΝΤΕΣΣΑΡ

Рис. 3. Греческая надпись (Kauhchischvili, 1999. Р. 66).

+ΟΔΕΙΣ
ΑΞΙΟΤ
ΣΥΝΔΕ
ΔΕΜΕΝ
ΤΑΚΑΙ
ΚΕ ~

Рис. 4. Греческая надпись (Kauhchischvili, 1999. Р. 84).

Рис. 5. Греческая надпись (Kauhchischvili, 1999. Р. 155).

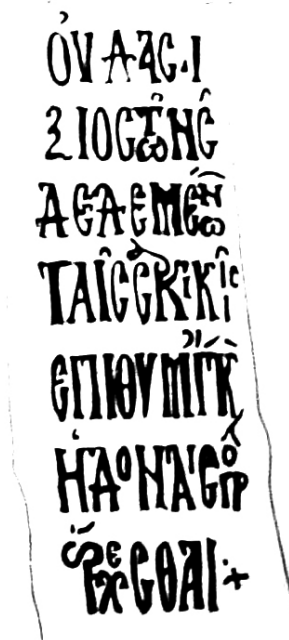

Рис. 6. Греческая надпись (Μουτσόπουλου, 1977. Νο. 97).

Рис. 7. Греческая надпись (Kauhchischvili, 1999. Р. 155).

Рис. 8. Греческая надпись в Амасгу, Кипр (Μυριανθεύς, 2012. Σ. 77).

ⲕⲟⲩⲟⲩ
ⲉⲥⲙ
ⲟⲩⲩⲣⲁⲛ
ⲓⲟⲛⲁⲧⲟ
ⲧⲣⲟⲩⲛ

Рис. 9. Греческая надпись (Kauhchischvili, 1999. Р. 84).

Рис. 10. Св. Иоанн Златоуст из церкви Св. Пантелеймона из Нерези
(Попова, 2020. С. 316. Карт. 293).

A. A.Evdokimova

**ACCENTUATION SYSTEMS IN GREEK INSCRIPTIONS
WITH REPEATED TEXT IN GEORGIA
AND OTHER BYZANTINE REGIONS**

Abstract: this article analyzes the inscriptions presented in the corpus of Byzantine Greek inscriptions in Georgia, collected by Tinatin Kaukhchishvili, from the point of view of the usage of accentuation systems in repetitive texts. Some examples have been selected for illustration, both of a formulaic nature and of quotations from saint and liturgical texts. It turned out that despite the popularity of the texts, even while maintaining the correct spelling in them, the authors use not only the Byzantine accentuation system, but more often Alexandrian or mixed with Logical or with one of the systems with stress shifts. Thus, the choice of accentuation system in such texts depends more on the dialect of the author of the inscription or the accentuation chosen in neighboring inscriptions, if the authors differed, than on the text itself. This means that the accentuation was not written off from the samples, but was reproduced from memory and can, among other things, be an indirect indication of the movement of teams of artists and supplement paleography during dating.

Keywords: accentuation systems, Byzantine epigraphy, Greek inscriptions, diacritic signs, inscriptions in Georgia, inscriptions on frescoes

В. П. Степаненко

К КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ССЫЛКЕ ЗАХАРИИ, ЕПИСКОПА ВАЛАРШАКЕРТА

Резюме: известно, что византийско-грузинская война 1021/22 гг. за наследие Давида III Куропалата (994–1000/01) закончилась поражением Грузии. Хронисты современники описанных событий сообщают о провале посреднической миссии епископа Валашкерта Захария, посланного грузинским царем Георгием I (1014–1027) к Василию II (976–1025), чтобы заключить мирное соглашение. На втором этапе войны, начав переговоры с царем Грузии, император в свою очередь направил к нему Захарию. Ластивертци пишет, что епископ не справился с миссией, вызвал гнев императора и был сослан в Константинополь с «урезанием языка». Скилица связывает последнее с участием епископа в заговоре против Константина VIII (1025–1028). Ссылка Захарии в Константинополь, а не в один из провинциальных монастырей, вряд ли указывает на опалу епископа. В сокровищнице собора Сан Марко в Венеции хранится стеклянная лампа с греческой надписью: «Св. Пантелеймон. Помоги своему рабу Захарии, архиепископу и ивиру. Аминь». Идентификация заказчика с епископом Валаршакерта является гипотетичной. Но в ее пользу свидетельствует наличие рукописей т.н. аристократической группы, переписанных в Константинополе на рубеже 20-30-х гг. XI в. по заказу Захарии, упомянутого в колофонах как епископ и ивир, *синкелл* Бана. Основываясь на высочайшем качестве рукописей, можно предположить, что Захария вряд ли оставался в это время репрессированным ссылкой, хотя Р. Шмерлинг и полагала, что он пребывал в ссылке пожизненно. Но, вероятно, он возвращался в Тао, став *синкеллом* Бана и позже архиепископом. Таким образом, его постоянное пребывание в столице империи в изгнании между 1021 и 1031 гг. в Константинополе возможно, но маловероятно.

Ключевые слова: Византия, Грузия, Тао-Тайк, Василий II, Захария Валашакертский, Константинополь

Как известно, византийско-грузинская война 1021/22 гг. за наследие Давида III Куропалата (994–1000/01) закончилась поражением Грузии, утратившей часть оспариваемых территорий (см.: *Юэбашян*, 1988. С. 142–143). Хронисты – современники описываемых событий, сообщают о провале посреднической миссии епископа Валаршакерта Захарии, посланного Георгием I (1014–1027) к Василию II (976–1025) с целью заключения мирного соглашения.

Аристакес Ластивертци пишет, что во время первого этапа войны: *«император... остановился в долине близ Карина и отправил...Георги послов (с требованием) чтобы тот прибыл и изъявил покорность. Ибо некий епископ, родом грузин, который имел свой престол в Валаршакерте, предстал перед императором и убеждал его – когда вступишь в Екелеац..., Георги выйдет тебе навстречу. Император поверил его словам и.. ожидал. Георги не откликнулся на зов императора»* (Ластивертци, 1968. С. 60). На втором этапе войны, начав переговоры с Георгием I, уже император направил к нему епископа Захарию. Аристакес весьма подробно описывает ход переговоров и роль в них епископа. Он пишет, что Захария не справился с миссией, навлек на себя гнев императора и с урезанным языком был выслан из своей епархии в Константинополь (Ластивертци, 1968. С. 55). Скилица упоминает об «урезании языка» Захарии по обвинению в заговоре в правление Константина VIII (1025–1028) (Skylitzae, 1973. Р. 372.89-91), т.е. вне контекста войны 1021/22 гг. Информация Ластивертци апокрифична, как и воспроизводимый им диалог императора и епископа. Высылка Захарии в Константинополь, а не в один из провинциальный монастырей, вряд ли свидетельствует об опале епископа.

В сокровищнице собора Сан Марко в Венеции хранится стеклянная лампада в позолоченной серебряной оправе с греческой надписью: + ΑΓΙΕ ΠΑΝΤΕΛΕΗΜΟΝ ΒΟΗΘΕΙ | ΤΩ ΣΩ ΔΟΥΛΩ ΖΑΧΑΡΙΑ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΩ ΤΩ ΙΒΗΡΙ ΑΜΗΝ = + Ἀγίε Παντέλεημον, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ζαχαρίᾳ ἀρχιεπισκόπῳ τῷ Ἰβηρί. Ἀμήν – + Святой Пантелеймон, помоги рабу твоему Захарии, архиепископу и ивиру. Аминь (The Treasury of San Marco, 1984. Р. 191–193. No. 24) (Рис. 1). Естественно, отождествление заказчика с епископом Валаршакерта сугубо гипотетично. Но в его пользу свидетельствует место изготовления – Константинополь¹, как полагают авторы каталога выставки в Метрополитен музее, наличие переписанных в столице империи по заказу Захарии рукописей, а также свидетельства их колофонов о его пребывании его в Константинополе в 30-е гг. XI в. Тем более противоречит этому и его активная деятельность по заказу столичным скрипториям этих роскошных рукописей, часть которых сохранилась (см.: Шмерлинг, 1979. С. 144–145). В колофоне знаменитого Синаксаря он назван Захарией, иноком ивиром², в колофоне Творений Григория Богослова, переписанных в правление Романа III Аргира, т.е. между

¹ В городе было несколько монастырей св. Пантелеймона (см.: Janen, 1969.Р. 386–388).

² Вопрос о том, что есть ивир – грузин по происхождению или адепт грузинской церкви, в данном случае мы не рассматриваем (см.: Степаненко, 1997. С. 46–48; Он же, 2019. С. 132–167).

1028–1034 гг., он назван Захарией, синкеллом Баны – крупнейшего монастыря Тао-Тайка. После раздела владений Давида Куропалата, Бана оказался на византийской территории Имиер (Потустороннего Тао (*Такайшвили*, 1954. С. 63)³), епископом – в колофоне рукописи Номоканона VI собора. Повидимому, он был заказчиком сборника, переписанного в скриптории Хоры в правление того же Романа III в 1031 г. (*Шмерлинг*, 1979. С. 144). Исходя из высочайшего качества рукописей вряд ли следует считать Захарию репрессированным ссылкой.

Противоречия между свидетельствами хронистов и колофонов привели Р. Шмерлинг к заключению о том, что «вызвавший недовольство императора Захарий Валашкертский был отправлен в Константинополь, где и оставался пожизненно». Скилица упоминает его как подвергнувшегося репрессиям участника заговора против Константина VIII, т. е. между 1025–1028 гг. Возможно, он все же возвратился в Тао (*синкелл* Бана). Епархия Захарии располагалась на территории Имиер Тао, вошедшей ок. 1023 г. в состав фемы Иверия. Так что его постоянное пребывание в столице империи в ссылке между 1021–1031 гг., в Константинополе возможно, но маловероятно. По видимому, он появлялся здесь позже, до 1028 г. и в 30-е гг. Положение Захарии как ссыльного как то не соответствует его фактическому статусу и с наличием заказанных Захарией группы «аристократических» рукописей, переписанных уже в правление преемника Константина VIII – Романа III Аргира. Наконец, лампада была вложена архиепископом Захарией в храм Пантелеймона (?) в том же Константинополе, откуда после 1204 г. она и была вывезена в Венецию.

Как следствие, ссылка Захарии в Константинополь, по видимому, под надзор столичных властей, могла завершиться после смерти Василия II. Позже он мог появлялся в столице как *синкелл* Баны и как архиепископ.

Литература

- Ластивертци Аристакеc. Повествование. Перевод с древнеарм., вступ. статья и комм. К. Н. Юзбашьяна [Памятники письменности Востока. XV]. М.: Наука, 1968. 195 с.
- Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Editio Princeps. Recensuit I. Thurn [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. V]. Berolini: De Gruyter, 1973. 642 p.
- Степаненко В. П. Захария, архиепископ и ивир. К толкованию понятия *ИВИР* в источниках XI в. // Иностранцы в Византии. Византийцы за пределами своего отечества. Тезисы докладов конференции. М.: «Индрик», 1997. С. 46–48.

³ О епархии Баны (см.: Бана, 2002. С. 298).

- Степаненко В. П.* К просопографии т.н. ивирских родов в Византии конца X–XI вв. Пакурианы, Чортванели, Цоцикии // *Historical Tsyk'. History, Culture, Confession. Collected papers.* У. Էջմիածին: Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածին, 2019. С.132–167.
- Бана // *Православная энциклопедия.* Том 4. М.: Церковно-науч. центр «православная энциклопедия, 2002. С. 298.
- Такайшвили Е.* Археологическая экспедиция 1917 г. в южные провинции Грузии. Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1954. 152 с.
- Шмерлинг Р. О.* Художественное оформление грузинских рукописей IX–XI столетий. Книга 2. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 239 с.
- Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М.: Наука, 1988. 301 с.
- Janen R.* La Géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Part I. La siège de Constantinople et le patriarcat oecumenique. Tome III. Les eglises et Monastères. Paris: Institut français d'études byzantines, 1969. 610 p.
- The Treasury of San Marco Venice / Ed. by D. Backton.* Milan: Olivetti, 1984. 338 p.

Рис. 1. Лампада из собора Сан Марко в Венеции
(*The Treasury of San Marco*, 1984. P. 191. No. 24).

V. P. Stepanenko

TO THE EXILE TO CONSTANTINOPLE OF ZACHARIAS, BISHOP OF VALARSHAKERT

Abstract: as you know, the Byzantine-Georgian War 1021/22 for the legacy of David III Kuropalat (994–1000/01), it ended in the defeat of Georgia. Chronists described events, report the failure of the intermediary mission of Bishop Valakshakert Zakharia, sent by George I (1014–1027) to Basil II (976–1025) in order to conclude a peace agreement. At the second stage of the war, starting negotiations with George I, the emperor sent bishop Zacharia to him. the Bishop could not cope with the mission, introduced the anger of the emperor and was expelled from his diocese to Constantinople with a cut of the language. Scylitza mentions the cutting of the language of Zacharia, participating in the conspiracy against Constantine VIII (1025–1028), i.e. information of Aristakes Lastvertzi about these events is apocryphal, as well as the dialogue of the emperor and bishop reproduced by him. The expulsion of Zacharia to Constantinople, and not one of the provincial monasteries, is unlikely to indicate the disgrace of the bishop. In the treasury of the Church of San Marco in Venice store a glass lamp with a Greek inscription – “St. Panteleimon. Help your slave Zacharia, Archbishop and Ivir. Amen”. Naturally, the identification of the customer with the bishop of Valashkert is hypothetically. But in his favor the place of manufacture is evidenced by Constantinople, the presence of manuscripts written in the capital of the Empire, as well as evidence of their colofons about his stay in Constantinople in the 30s of the 11th century. In the colophons of the manuscripts, written in the reign of Roman III Arguros, i.e. between y. 1028–1034, Zacharia is called as a monk end ivir, sinkell of Bana - the largest monastery of Tao-Tayk, a bishop. Based on the highest quality of manuscripts, Zacharia should hardly be considered a repressed exile. The contradictions between the testimonies of the chroniclers and – colophons, cited by R. Schmerling with the conclusion that “Zakharia was sent to Constantinople..., where he remained for life”. Perhaps he still returned to Tao (*Sinkell* of Bana).. So his constant stay in the capital of the empire in exile between 1021–1031, in Constantinople, is possible, but unlikely. Later he could appear in the capital as sincell of Bana and as an archbishop.

Keywords: Byzantium, Georgia, Tao-Taik, Vasily II, Zakharia of Valarshakert, Constantinople

Д. А. Косоуров

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ КУРАТОРИИ «ВНУТРЕННЯЯ ИВЕРИЯ»¹

Резюме: в статье рассматривается вопрос о локализации византийской куратории «Внутренняя Иверия» (Ἐσω Ἰβηρία), известной по печатям Михаила Катафлора и Михаила Грамматика. Вопреки устоявшейся в историографии точки зрения Р. М. Бартияна об определении термина «Внутренняя Иверия» как всего Грузинского царства, и о создании куратории византийцами с целью взыскания контрибуции с побежденного грузинского царя Георгия I (1014–1027) в 1022–1025 гг., автор предлагает обратиться к известным по грузинским текстам из летописного свода «Картлис цховреба» понятиям «Имиер Тао» (*потусторонний, внешний Тао*, ოძიურ-ტაო) и «Амиер Тао» (*посюсторонний, внутренний Тао*, აძიურ-ტაო). Известно, что после смерти Георгия I в 1027 г. византийцы получили контроль над местностью Бана в Северном («Амиер») Тао, и, вероятно, владели ей до 1030/1031 г. Византийские чиновники Михаил Катафлор и Михаил Грамматик, таким образом, занимались курированием вхождения этой территории в состав империи и/или снабжением возникшего в новом регионе военного гарнизона. Скорое возвращение этой части Северного Тао в состав Грузинского царства предопределило как недолгое существование самой куратории (ок. 1027–1030/1031) и редкость её упоминания, так и небольшое количество её наместников.

Ключевые слова: Византийская империя, Внутренняя Иверия, Грузинское царство, Георгий I, Тао-Кларджети, фема Иверия

Известно, что после завершения крупной грузино-византийской войны 1021–1023 гг., окончательное утверждение Византии на землях из «наследства Давида III Куропалата» в Южном Тао привело к скорой административной реформе, в результате которой ок. 1023 г. была образована фема Иверия с центром в Феодосииополе (Степаненко, 1983. С. 211–214; Юзбашян, 1988. С. 149). В этой связи, большой интерес вызывает феномен византийской печати Михаила Катафлора, императорского куратора Манцикерта и Внутренней Иверии (βασιλικῶ κουράτωρι Μαντζικέρτε καὶ τῆς Ἐσω Ἰβηρίας) из коллекции

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-051) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2021–2022 гг.

Думбартон-Окса (McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001. Р. 167–168), и византийской печати Михаила Грамматика, куратора Внутренней Иверии (κουράτωρι τῆς Ἑσω Ἰβηρίας) из собрания Государственного Эрмитажа (Шандровская, 2008. С. 90–95), датируемых первой четвертью XI в., то есть сразу после завершения грузино-византийского конфликта. Основной вопрос здесь заключается в локализации загадочного термина «Внутренняя Иверия» (Ἑσω Ἰβηρία).

Прежде всего, до конца не ясен административный статус Манцикерта после войны 1021–1023 гг., и мнения в исследовательской литературе здесь различны. Так, В. А. Арутюнова-Фиданян предположила, что Манцикерт вошёл в состав фемы Иверия (Арутюнова-Фиданян, 1973. С. 74), а К. Н. Юзбашян – в состав фемы Васпуракан (Юзбашян, 1980. С. 69). Подробно исследовавший же историю гавара Апахуник в VIII–XI вв. Р. М. Бартикян считал, что Манцикерт стал самостоятельной административной единицей (Бартикян, 2000. С. 131–137). Между тем, византийский писатель XI в. Иоанн Скилица, перед описанием начала осады Тогрул-беком Манцикерта в 1054 г., сообщает, что султан вторгся в Васпуракан (Skylitzae, 1973. Р. 462.51–54). Тем не менее, как показали В. Зайбт (Seibt, 1993. S. 134–141) и В. П. Степаненко (Степаненко, 1998. С. 183–186) на сфрагистическом материале, очень вероятно, что в разные периоды своего существования такие малые административные единицы («армянские фемы») как Манцикерт могли быть как автономными, так и входить в состав крупных фем (как Иверия или Васпуракан) и передаваться от одного подчинения к другому, в зависимости от возникавших обстоятельств.

Еще более сложным вопросом является локализация и значение термина «Внутренняя Иверия» (Ἑσω Ἰβηρία). В исследовательской литературе существует фундаментальная статья Р. М. Бартикяна (Бартикян, 2000. С. 131–137), специально исследовавшего этот вопрос и выдвинувшего несколько крайне интересных, но спорных тезисов, в связи с этим термином. Прежде всего, отметим, что Иоанн Скилица упоминает термин ἐνδοτέρῳ Ἰβηρία («внутренняя Иверия», или лучше «глубинная Иверия») в рассказе о визите императора Василия II (976–1025) в земли Давида III Куропалата после его смерти, где события 1001 г. смешиваются историком с ситуацией 1021 г.² (Skylitzae, 1973. Р. 339.75–78). Помимо этого, в «Обозрении истории» Скилицы встречается термин «внутренние горы Иверии» (ἐνδοτέρα ὄρη τῆς Ἰβηρίας) в рассказе о бегстве грузинского царя Георгия I (1014–1027) после катастрофического поражения от византийцев в ходе битвы при Ширимни 11 сентября

² Так, здесь именно грузинский царь Георгий I назван архонтом этой «глубинной Иверии» и ошибочно братом Давида Куропалата.

1022 г. (*Skylitzae*, 1973. Р. 367.57–61), однако Р. М. Бартикян допускал, что правильное здесь должно быть «пределы внутренней Иверии» (ὅρια τῆς ἐνδοτέρῳ Ἰβηρίας) (*Бартикян*, 2000. С. 143). В ходе своего анализа термина Ἰβηρία, указанного на печати Михаила Катафлора, Р. М. Бартикян пришел к следующим выводам:

1) Ἰβηρία печати Михаила Катафлора и Ἐνδοτέρῳ Ἰβηρία Скилицы – это термины-синонимы, различие которых лишь в том, что изготовитель печати не мог поместить такое длинное название Ἐνδοτέρῳ на столь маленьком диаметре, и поэтому предпочёл ему синоним Ἰβηρία (*Бартикян*, 2000. С. 140–141);

2) Под «Внутренней Иверией» (Ἰβηρία) нужно понимать область Шида-Картли, то есть всё Грузинское царство в целом (*Бартикян*, 2000. С. 139–140);

3) Михаил Катафлор, будучи «куратором Внутренней Иверии», осуществлял сбор дани (или военной контрибуции) с побеждённого Грузинского царства в период нахождения заложника, сына Георгия I, будущего Баграта IV в Византии, то есть, с 1022 по 1025 г., по датировке Р. М. Бартикяна (*Бартикян*, 2000. С. 145–146);

4) Как итог, сравнивая параллельную политику Византии в отношении армянских государств, Р. М. Бартикян, заключал, что создание куратории Внутренней Иверии рассматривалось Василием II как плацдарм для будущего овладения всей «Иверией», то есть империя рассчитывала присоединить к себе всё Грузинское царство (*Бартикян*, 2000. С. 144–145).

Из других мнений в историографии, В. П. Степаненко первоначально связал создание куратории Манцикерта и Внутренней Иверии с реформой Льва Сервлия в феме Иверия (*Степаненко*, 1998. С. 190–191), традиционно датируемой в научной литературе между 1042 и 1044/1045 гг. (*Юзбашян*, 1988. С. 197–199). Говоря же о локализации «Внутренней Иверии», В. П. Степаненко воздержался от каких-либо точных указаний на эту территорию внутри «большой» фемы Иверия до 1044 г., ограничившись вслед за издателем печати, Н. Икономидисом, гипотезой, что это могли быть полученные Давидом III Куропалатом от византийцев в 978 г. «Верхние земли», то есть какие-то из приобретений таойского правителя в Малой Азии вблизи Манцикерта (*Степаненко*, 1998. С. 191). Позднее, историк согласился с выводами статьи Р. М. Бартикяна, датировав создание куратории периодом 1022–1025 гг., как этап формирования «большой» фемы Иверия, без внесения дополнений в вопрос о ее локализации (*Степаненко*, 2008. С. 96–101).

На наш взгляд, термины Ἰβηρία печатей Михаила Катафлора и Михаила Грамматика и Ἐνδοτέρῳ Ἰβηρία Скилицы все же должны различаться: в контексте упоминаний у Скилицы, Ἐνδοτέρῳ Ἰβηρία

определенно означает именно Грузинское царство, и точнее должно переводиться как «глубинная Иверия», а не «внутренняя». Термин же Ἑσω Ἰβηρία («Внутренняя Иверия») скорее нужно соотносить с упоминаемым в «Истории и повествовании о Багратионах» Сумбата Давитисдзе (далее – «ИПБ») территориальным обозначением «Имиер Тао» (იმირ-ტაო)³. В рассказе «ИПБ» оно упоминается в истории о приходе императора Василия II в 1001 г. в земли Давида III Куропалата после его смерти (ქართლის ცხოვრება, 2008. გვ. 369–370) — под «Имиер Тао» здесь определенно понимается территория Южного Тао или владения Давида Куропалата. Однако, значительная часть Южного Тао оставалась под византийским контролем и к началу войны 1021–1023 гг.: если верить Аристакэсу Ластивертци, то император Василий II требовал от Георгия I вернуть три захваченные им крепости с окрестностями из владений Давида Куропалата (*Ластивертци*, 1968. С. 66). Если принять точку зрения Р. М. Бартикяна о создании византийцами куратории Внутренней Иверии с целью сбора дани с побежденного Грузинского царства, то, локализацию Ἑσω Ἰβηρία нужно искать в картвельских землях, приобретенных империей по итогам войны 1021–1023 гг.: из списка «Летописи Картли» (далее – «ЛК») в четырнадцать крепостей в Тао, Басиани, Кола-Артаани и Джавахети⁴ (ქართლის ცხოვრება, 2008. გვ. 276) неясно, что из этого прибавилось к и так имевшимся владениям империи в «уделе Давида Куропалата». К тому же, известно, что Василий II сразу пожаловал Георгию I часть владений из этих областей (ქართლის ცხოვრება, 2008. გვ. 276).

В целом же, в исследовательской литературе создание кураторий считается одним из процессов административных реформ императора Василия II по обеспечению снабжения армии в удаленных фемах (или окраинах) империи, а сами же куратории представляли собой небольшие крепости с окружающими их сельскими поселениями (*Oikonomides*, 1976. P. 138–139). Если же зацепиться за смысл самого термина «Внутренняя

³ С точки зрения грузинской стороны, это понятие интерпретируется как «потусторонний, внешний Тао», то есть, Южное Тао, отошедшее в 1001 г. византийцам, и, которому противопоставляется «Амиер Тао» (ამირ-ტაო, «посюсторонний, внутренний Тао»), то есть, Северное Тао, оставшееся под контролем грузинских Багратидов (*Toumanoff*, 1963. P. 454–456). На связь этого различия с используемым Скилицей термином Ἐνδοτέρω Ἰβηρία обращал внимание еще Э. Хонигман (*Honigmann*, 1935. S. 160–161).

⁴ «ИПБ» говорит о двенадцати крепостях вместо четырнадцати; помимо этого, вместо регионов Кола и Артаани здесь говорится о владениях Давида Куропалата в Шавшети (ქართლის ცხოვრება, 2008. გვ. 373). Вопрос о точной локализации полученных Византией картвельских земель все еще остается открытым (и вряд ли решаемым) из-за крайней скудости данных источников (*Юзбашян*, 1988. С. 148–149).

Иверия» в контексте различения понятий «Имиер/Амиер Тао», то следует обратить внимание на земли «посюстороннего, внутреннего», с точки зрения грузин, Тао, отошедших империи в 1020-е гг. Так, по данным «ИПБ» и «ЛК» известно, что после смерти Георгия I в 1027 г. Византия установила контроль, как минимум, над северотаойской Бана и важными шавшетскими крепостями Гарклоба и Цепти, а также ожесточенно боролась за контроль над кларджетскими крепостями Артануджи и Анча, а также шавшетской Тбети (ქართლის ცხოვრება, 2008. გვ. 279, 374). Из этого списка к «Амиер Тао» (Северному/посюстороннему Тао) определенно относилась Бана, чей епископ Иоанн, согласно грузинским текстам, сразу же после смерти Георгия I в 1027 г. переселился в империю, передав ей свои владения⁵. Банский храм имел огромное значение для таойской ветви династии Багратидов, так как там находилась их резиденция и фамильная усыпальница (*Беридзе*, 1981. С. 137). Известно, что в 1031 г. в Бана состоялось венчание Баграта IV с Еленой Аргир, племянницей следующего византийского императора Романа III Аргира (1028–1034), а упоминающая это событие «ЛК» не добавляет каких-либо дополнительных деталей к вопросу о принадлежности храма в этот период, как будто бы Бана и не переходила к Византии⁶ (ქართლის ცხოვრება, 2008. გვ. 280). В этой связи, можно предположить, что Бана была возвращена грузинам по итогам посольства царицы Мариам Арцруни в Константинополь в 1030 г., когда между Грузинским царством и Византией был заключен мирный договор (ქართლის ცხოვრება, 2008. გვ. 279–280, 375).

Таким образом, очень вероятно, что куратория Ἰσω Ἰβηρία была создана по итогам передачи таойскими азнаурами своих владений империи в Северном Тао («Амиер Тао»), включая Бана, в период 1027–1028 гг., и просуществовала, как минимум, до 1030/1031 г.; византийские чиновники Михаил Катафлор и Михаил Грамматик, в свою очередь, должны были курировать процесс вхождения этих новых земель в состав империи и/или обеспечивать процесс снабжения возникшего местного византийского гарнизона. Однако, из этих территорий Северного Тао, как минимум, Бана была возвращена Грузинскому царству уже спустя три года после ее получения, чем и можно объяснить редкость как самого термина «Внутренняя Иверия» (Ἰσω Ἰβηρία) внутри византийской управленческой иерархии, так и небольшое количество ее наместников.

⁵ Передачу владений таойских азнауров Византии при императоре Константине VIII (1025–1028) упоминает и Аристокс Ластивертци, не называя, однако, конкретные объекты передачи (*Аристокс*, 1968. С. 70).

⁶ Кроме того, неизвестны и какие-либо реставрационные работы в храме, проведенные византийцами в период их краткого владения этой областью.

Литერатура

- Ластивертци Аристакес. Повествование. Перевод с древнеарм., вступ. статья и комм. К. Н. Юзбашяна [Памятники письменности Востока. XV]. М.: Наука, 1968. 195 с.
- Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Editio Princeps. Recensuit I. Thurn [Corpus Fontium Historiae Byzantinae. V]. Berolini: De Gruyter, 1973. 642 p.
- ქართლის ცხოვრება, რ. მეტრეველის რედაქციით. თბილისი: საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემიის გამომცემა, 2008. 782 გვ.
- Арутюнова-Фиданян В. А. Византийские правители фемы Иверия // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1973. № 2. С. 63–78.
- Бартикян Р. М. О царском кураторе “ΜΑΝΖΗΚΕΡΤ ΚΑΙ ΕΣΩ ΙΒΗΡΙΑΣ» Михаиле. В связи с восточной политикой Василия II (976–1025 гг.) // ИФЖ. 2000. № 1. С. 130–149.
- Беридзе В. В. Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси: Мецниереба, 1981. 340 с.
- Степаненко В. П. К дискуссии о дате образования фемы Иверия // ВВ. 1983. Том. 44. М. С. 211–214.
- Степаненко В. П. Михаил Катафлор, императорский куратор Манцикерта и Внутренней Иверии // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 176–192.
- Степаненко В. П. Из истории византийской провинциальной администрации XI в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 96–113.
- Шандоровская В. С. Михаил Грамматик, куратор «Внутренней Иверии» // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 90–95.
- Юзбашян К. Н. Новые данные для изучения византийской администрации в Армении и Грузии в XI в. // Кавказ и Византия. 1980. Вып. 2. С. 68–72.
- Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М.: Наука, 1988. 304 с.
- Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles: Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935. 269 s.
- McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 4: The East. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. 233 p.
- Oikonomides N. L'évolution de l'organisation administrative de l'Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // TM. 1976. Vol. 6. P. 125–152.
- Seibt W. Ἀρμενικά θέματα als terminus technicus der byzantinischen Verwaltungsgeschichte des 11. Jahrhunderts // Byzantinoslavica. 1993. Vol. 54. S. 134–141.
- Toumanoff C. Studies in Christian Caucasian History. Washington D.C.: Georgetown University Press, 1963. 601 p., 3 maps.

D. V. Kosourov

TO THE QUESTION OF THE LOCALIZATION OF THE KOURATORIKION “INNER IBERIA”

Abstract: the article considers the issue of localization of the Byzantine kouratorikion “Inner Iberia” (Ἑσώ Ἰβηρία), known from the seals of Michael Kataphloron and Michael Grammatikos. In historiography still remains popular R. M. Bartikyan’s opinion about the definition of the term “Inner Iberia” as the entire Georgian kingdom, and about the creation of the kouratorikion by the Byzantines in order to collect indemnities from the defeated Georgian king George I (1014–1027) in 1022–1025. In contrast to this, the author proposes to appeal to the notions of Imier Tao (otherworldly, external Tao, იმიერ-ტაო) and Amier Tao (this-worldly, internal Tao, ამიერ-ტაო) known from the Georgian texts from the compendium “Kartlis Tskhovreba”. It is known that after the death of George I in 1027, the Byzantines gained control over the area of Bana in Northern (“Amier”) Tao, and probably owned it until 1030/1031. Thus, the Byzantine officials Michael Kataphloron and Michael Grammatikos were in charge of overseeing the entry of this area into the empire and / or supplying the military garrison that arose in the new region of the empire. The quick return of this part of Northern Tao to the Kingdom of Georgia predetermined both the short existence of the kouratorikion itself (c. 1027–1030/1031) and a small number of its rulers.

Keywords: Byzantine Empire, George I of Georgia, Inner Iberia, Kingdom of Georgia, Tao-Klarjeti, Theme of Iberia

И. В. Скакова, А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХРАМ В ГИЕНОСЕ (РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ): ИТОГИ РАБОТ 2022 г.

Резюме: в работе вводятся в научный оборот предварительные результаты работ 2022 г. на городище древнего Гиеноса (Республика Абхазия), связанные с изучением ранневизантийского храма второй половины V – первой половины VI вв. Пополнена коллекция знаков и рисунков на плинфе, уточнена планировка храма. Особенно важным открытием стало обнаружение рядом с юго-западным углом наоса храма святилища V – первой половины IV вв. до н.э.

Ключевые слова: Абхазия, Гиенос, ранневизантийский храм, плинфа, знаки на плинфе, святилище

В 2019 г. совместная российско-абхазская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН, Института археологии РАН, Абхазского государственного музея, Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии во главе с А. Ю. Скаковым и А. И. Джопуа возобновила работы на городище древнего Гиеноса, на северной окраине города Очамчыра (Республика Абхазия) (Акопян, Скаков, Джопуа, 2020; Скаков, Джопуа, Ендольцева, 2020; Скаков, Джопуа, Акопян, Ендольцева, 2020; Скаков, Джопуа, Щеглов, 2021; Скаков, Джопуа, Скакова, 2022; Скакова, Скаков, Джопуа, 2021). Первоначально были заложены раскопы к юго-востоку и к юго-западу от руин ранневизантийского храма (Рис. 1-3), исследованного абхазскими археологами в 1981, 1983 и 1985 гг. и, как считалось, вполне исчерпывающе раскопанного и опубликованного (Кобахия, Хрушкова, Шамба, 1987; Хрушкова, 2002. С. 273–290). Первоначально храм был датирован VI в., затем – второй половиной V – началом VI вв. или концом V – началом VI вв. (подробнее см.: Скакова, Скаков, Джопуа, 2021. С.10). В настоящее время, без дополнительной аргументации, Л. Г. Хрушкова датирует памятник первой половиной V в. (Хрушкова, 2020. С. 145).

Как стало ясно в процессе работ, особенно при расширении юго-западного раскопа на южную часть нартекса храма, церковь не была раскопана полностью. Впрочем, это хорошо видно и на опубликованных фотографиях (Шамба, 1988. Табл. LV, 1–2; Хрушкова, 2020. Рис. 195).

В частности, не раскопана была западная часть нартекса, а в южной части нартекса и в притворах слой был снят до уровня пола или чуть ниже, как утверждает С. М. Шамба, на 20 см (*Шамба*, 1988. С. 54). При этом наос храма был прокопан до материка (?), хотя какие-либо стратиграфические наблюдения и профили отсутствуют.

По мнению автора раскопок и публикаторов памятника, «нартекс был пристроен к основному помещению несколько позже», но большого хронологического разрыва между строительством церкви и пристройкой нартекса не было» (*Шамба*, 1988. С. 52; *Хрушкова*, 2002. С. 278). Об этом, по мнению С.М. Шамба, свидетельствуют «одинаковой формы кирпичи, качество раствора, кладка фундамента и покрытие пола» (*Там же*). Более того, на более позднюю пристройку нартекса, якобы, «указывает также существовавший в западной части южной стены наоса дверной проем, закрытый стеной нартекса, примыкающей к нему и превращенный в нишу» (*Там же*).

В самом деле, наши работы позволяют уверенно утверждать, что нартекс не был одновременен самому храму. Во-первых, на это указывает различная толщина кирпичей. При наших работах проводились количественные измерения по всем фрагментам плинфы, и полученные результаты вполне убедительны, различаясь для юго-восточного (вероятно, плинфа от самого храма) и юго-западного (преимущественно, плинфа от нартекса) раскопов (*Скакова, Скаков, Джопуа*, 2021. С. 12–13). Во-вторых, различается кладка фундаментов наоса, нартекса и притворов, южного и северного. В фундаменте притворов применена кладка «елочкой» или, как ее еще называют, *opus spicatum* (Рис. 6-7), в других частях храма она отсутствует. (*Флёров*, 2011. С. 173–177). Наконец, развал рухнувшей стены в юго-западном углу нартекса позволяет утверждать, что сложена она была в технике *opus mixtum*, а о стенах храма говорить об этом нет никаких оснований, на сохранившихся участках мы видим исключительно кладку из плинфы.

При этом, однако, юго-западный проем в храме не был закрыт стеной нартекса, не был превращен в нишу и вполне успешно функционировал. Для установления этого факта остатки проема были нами повторно расчищены (Рис. 4-5). К проему с юга примыкает вымостка в виде своего рода «дорожки» из тщательно уложенных в три ряда кирпичей. Плинфа в вымостке возле проема лежит нижней постелью вверх, соответственно, рисунком на верхней постели вниз. Ширина проема 0,9 м, ширина вымостки – также 0,9 м, длина сохранившейся части вымостки – 0,7-0,9 м. Судя по отчетным материалам и публикациям, вымостка на тот момент имела большую длину (*Хрушкова*, 2002. Табл. LXV, 2).

В то же время, наши работы позволяют поставить под сомнение наличие дверного проема в южной стене нартекса (*Хрушкова*, 2002. С. 275.

Рис. 106). Вероятно, на этом участке стена нартекса была по той или иной причине повреждена, на наличие проема ничего не указывает. Кроме того, следы ремонта прослеживаются и на фундаменте южного притвора.

У исследователей памятника некоторое недоумение вызывала странная форма нартекса, охватывающего наос храма с юго-запада. Наличие юго-западной части нартекса объясняется, на наш взгляд, найденным здесь при наших работах 2021 г. свинцовым саркофагом, то есть явно неординарным захоронением. Помещен он здесь, в вырытой для него яме, был, судя по всему, до строительства нартекса, который, по замыслу его создателей, должен был включить это захоронение в пространство храма. Вспомним в той связи и отмеченное А. Ю. Виноградовым особое значение южной стороны храма у сирийских базилик (связи раннесредневековой Сирии и Армении хорошо известны), часто имевших южное помещение вдоль бокового нефа. Отмечается, что «южная сторона храма играет в Сирии огромную роль» и «традиционно вход для мужчин располагался в сирийских базиликах с юга (как сакрально лучшей, «солнечной» стороны, противопоставляемой северу – «краю смерти»)» (Виноградов, 2022. С. 62).

В ходе работ 2021–2022 гг. в южном притворе было обнаружено три безинвентарных захоронения, еще одно погребение, кроме свинцового саркофага, расчищено в юго-западной части нартекса. В этом погребении на череп захороненного были уложены две плинфы подквадратной формы.

Обратимся теперь к плинфе из раскопок 2022 г. и к знакам на ней. Сразу отметим, что формовка плинфы производилась в неразборной форме без дна, так называемой «пролетке». Тесто помещалось в деревянную неразборную форму, верхняя постель заглаживалась рукой или специальной дощечкой, при этом снимались излишки теста с верхней постели, после чего сырец вытряхивали, либо снимали рамку. Об этом свидетельствуют следы излишка керамического теста на верхней постели, приподнятость на верхней постели вдоль торцов, на нижней постели следы подсыпки или поверхности, на которой производилась формовка, неравномерная толщина плинфы (Ёлишин, 2013а. С. 210; Он же. 2013б. С. 94; Он же. 2019. С. 83).

Табл. 1. Знаки на плинфе, встречающиеся в единичном количестве.

№	Знак	Часть плинфы	Место находки	Рисунок
а) нарисованные пальцем				
1	Фаллос	Верхняя постель	Западный раскоп, кв. 6, пл. 1	12, 13

№	Знак	Часть плинфы	Место находки	Рисунок
2	Дуговидная полоса широкая с перекладиной	Верхняя постель	Восточный раскоп, кв. 2, пл. 11	9, 2
а) нарисованные пальцем				
3	Свастика	Верхняя постель	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	8, 5
4	Стрела	Торец	Зап р., кв. 10, пл. подсыпки 1	10, 5
5	Т-образный знак	Верхняя постель	Вост. р., кв. 1, пл. 13	8, 4
6	V-образный знак	Торец	Вост. р., кв. 1, пл. 13	17, 1
7	V-образный знак	Торец	Зап. р., кв. 6, пл. 1	12, 1
8	X-образный знак	Торец	Вост. р., кв. 1, пл. 13	13, 4
9	Сердцевидный знак	Торец	Вост. р., кв. 1, пл. 13	13, 5
10	Полоса узкая с крестообразной насечкой	Верхняя постель	Вост. р., кв. 1, пл. 13	16, 6
11	Знак из пересекающихся узких полос	Верхняя постель	Зап р., кв. 10, пл. подсыпки 1	10, 8
12	Знак «из узких линий»	Верхняя постель	Вост. р., кв. 1, пл. 14	17, 6
13	Две смыкающиеся линии	Торец	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	11, 3
14	Два дуговидных выступа	Торец	Вост. р., кв. 2, пл. 11	16, 2
в) отпечатки и прочее				
15	Отпечаток ноги	Торец	Зап. р., кв. 8, пл. 1	9, 1
16	Следы ногтей (?)	Верхняя постель	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	12, 2

В качестве аналогии отметим, что свастика, но не на верхней постели, а на торце, встречалась во время раскопок церкви св. Бориса и Глеба в Ростове (Ёлиин, Каретников, 2019. С. 35, 38, 40).

Табл. 2. Знаки на плинфе, встречающиеся в массовом количестве.

Знаки				Западный раскоп			Южный притвор			Рис.
1. нарисованные. а) нарисованные пальцем										
	Верх. постель	Торец	Ниж. постель	Верх. постель	Торец	Ниж. постель	Верх. постель	Торец	Ниж. постель	
Крест из широких полос	17 (3+24(?))	—	—	30 (3+27(?))	—	—	1 (?)	—	—	8, 7; 9, 1; 12, 4; 13, 3а-б

Знаки				Западный раскоп			Южный притвор			Рис.
	Верх. по- стель	То- рец	Ниж. по- стель	Верх. по- стель	То- рец	Ниж. по- стель	Верх. по- стель	То- рец	Ниж. по- стель	
Крест из широкой линии	1	—	—	5	1	—	2	—	—	9, 6, 8; 10, 1; 15, 5
Двойной полукруг из широких линий ¹	1	—	—	—	—	—	—	—	—	9, 7
Параллельные желобки	3	—	3	—	—	—	—	—	—	10, 3, 4; 14, 1, 3
Две параллельные широкие полосы	5	—	1	—	—	—	—	—	—	10, 2; 14, 2, 4
Широкие полосы	6	8	2	10	6	—	3	—	—	10, 10; 11, 2, 13, 3a-б; 14, 6; 15, 1
б) начерченные палочкой										
Крест из узких полос	4 (2+2 (?))	3	1	8 (7+1 (?))	2	—	1(?)	—	—	8, 3, 8; 12, 5-6, 13, 2; 16, 3
Крест из параллельных узких полос	—	—	—	2	—	—	—	—	—	8, 1-2
Звездчатый знак ²	—	—	—	—	—	—	1	—	—	10, 6
Полукруг из узких линий	—	2	1	—	—	—	—	—	—	15, 3-4, 6

¹ Встречался до этого четыре раза на верхней постели плитфы, на восточном раскопе.

² Встречался до этого два раза на верхней постели плитфы, на восточном раскопе.

Знаки				Западный раскоп			Южный притвор			Рис.
	Верх. по- стель	То- рец	Ниж. по- стель	Верх. по- стель	То- рец	Ниж. по- стель	Верх. по- стель	То- рец	Ниж. по- стель	
V-образ- ный знак ³	—	2	—	—	—	—	—	—	—	8, 6; 13, 1
Круг с точкой внутри	—	7	—	—	1	—	—	—	—	11, 4-5
Две пара- лельные узкие полосы	3	1	—	2	—	—	—	—	—	11, 1 15, 2
Узкие полосы	16	8	2	14	7	1	2	—	—	10, 1, 9-10; 15, 4; 16, 1, 3-5
2. полученные естественным путем										
Полоски	36	17	5	10	6	1	7	4	—	8, 3; 14, 5; 17, 2
Насечки	1	1	—	—	1	—	—	—	—	17, 3
Углу- бления ⁴	8	6	—	3	4	—	1	—	—	8, 6
Большое полукру- гое углу- бление	2	—	—	1 ⁵	—	—	—	—	—	17, 5
3. полученные в процессе лепки										
Отпеча- тки пальцев	19	37	4	12	23	2	2	1	—	9, 2; 11, 6; 14, 5; 17, 4
Следы от пальцев	5	2	2	2	4	1	1	1	1	8, 1, 3; 11, 7
Отпеча- ток лапы зверя / птицы	2+1 (?)	—	—	—	—	—	1	—	—	9, 3-6

³ Встречался до этого один раз на торце плинфы, на Западном раскопе (кв. 6, пл. 1).⁴ В нашей статье 2021 г. были названы «выемками».⁵ Квадратное.

Приведем некоторые аналогии. Полукруг из широкой линии встречался на плинфе из храма в с. Веселое (Ёлиин, 2015. С. 336), в «северном храме» в Сорткине, в кладке (Ёлиин, 2021. С. 349). Крест из широких полос известен на плинфе из базилики в Алахадзы (Ёлиин, 2021. С. 314). Две параллельных широких полосы встречены на плинфе в Цятиванк, в кладке, и в Хумсотванк (Ёлиин, 2021. С. 349, 351). Лук со стрелой, но полукруглый, начерченный пальцем, а не процарапанный, известен на плинфе из храма в Веселом (Ёлиин, 2021. С. 314).

Табл. 3. Опись фрагментов плинфы, имеющих знаки.

№	Место находки	Плинфа	Рис.
1	Зап. р., кв. 10, пл. 1	отпечатки пальцев на торце и узкие полосы на нижней постели	—
2	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкая полоса на верхней постели	—
3	Зап. р., кв. 6, пл. 1	след от пальца на торце и верхней постели	—
4	Зап. р., кв. 10, пл. 1	две узкие короткоткие полосы на верхней постели	—
5	Зап. р., кв. 10, пл. 1	насечки на торце	—
6	Зап. р., кв. 10, пл. 1	три параллельных желобка на верхней постели	14, 1
7	Зап. р., кв. 10, пл. 1	широкая полоса на верхней постели и отпечатки пальцев на торце	—
8	Зап. р., кв. 10, пл. 1	косой крест из узких полос на верхней постели	—
9	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечаток пальца на верхней постели	—
10	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечатки пальцев на одном торце и широкая полоса на втором торце	—
11	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
12	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
13	Зап. р., кв. 6, пл. 1	широкие полосы на торце	—
14	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечаток пальца на торце	—
15	Зап. р., кв. 6, пл. 1	углубление на верхней постели	—
16	Зап. р., кв. 6, пл. 1	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	—
17	Зап. р., кв. 6, пл. 1	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	—
18	Зап. р., кв. 6, пл. 1	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	—
19	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крестоиз широких полос (?) на верхней постели	—
20	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечатки пальцев на торце	—
21	Зап. р., кв. 6, пл. 1	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	—
22	Зап. р., кв. 6, пл. 1	полукруг из широкой линии на верхней постели	—
23	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечаток пальца на торце	—

№	Место находки	Плинка	Рис.
24	Зап. р., кв. 6, пл. 1	широкая полоска на верхней постели	–
25	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
26	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
27	Зап. р., кв. 10, между стенами нартекса и юж. притвора, пл. 1	углубление на торце	–
28	Зап. р., кв. 10, между стенами нартекса и юж. притвора, пл. 1	узкая полоска на верхней постели	–
29	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
30	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечаток пальца на верхней постели	–
31	Юж. притвор, пл. 1	широкая полоска на верхней постели	–
32	Зап. р., кв. 6, пл. 1	фаллос на верхней постели	12, 3
33	Зап. р., кв. 6, пл. 1	широкие полосы на торце	–
34	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
35	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечаток пальца на торце и нижней постели	–
36	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
37	Зап. р., кв. 6, пл. 1	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	–
38	Зап. р., кв. 6, пл. 1	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	–
39	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	отпечаток пальца на верхней постели	–
40	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	отпечатки пальцев на верхней постели и торце	–
41	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкая полоска на торце	–
42	Юж. притвор, пл. 1	узкая короткая полоска на торце	–
43	Юж. притвор, пл. 1	узкая изогнутой полоска на торце	–
44	Юж. притвор, пл. 1	отпечатки пальцев на верхней постели и торце	–
45	Юж. притвор, пл. 1	крест из узких полос (?) на верхней постели	–
46	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкая косая полоса на верхней постели	–
47	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	две узкие параллельные полосы на верхней постели	15, 2
48	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	две узкие параллельные полосы на верхней постели	–
49	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкая полоска на верхней постели	–
50	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая короткая полоска на торце	–

№	Место находки	Плинка	Рис.
51	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	крест из узких полос (?) на верхней постели	—
52	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая короткая полоска на торце	—
53	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	крест из узких полос (?) на верхней постели	—
54	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полосы на торце	—
55	Зап. р., кв. 6, пл. 1	два углубления на верхней постели	—
56	Зап. р., кв. 6, пл. 1	углубление на торце	—
57	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечаток пальца на верхней постели	—
58	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	узкая полоса на верхней постели	—
59	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	отпечатки пальцев на торцах	17, 4
60	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	отпечаток пальца на торце и нижней постели	—
61	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	лекальная, с широкой полосой на торце	—
62	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полоски на верхней постели	—
63	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	отпечатки пальцев на торцах	—
64	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полоски на верхней постели	—
65	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкие и широкие полоски на верхней постели и отпечатки пальцев на торце	—
66	Зап. р., кв. 6, пл. 1	косой крест косым их широких полос (?) на верхней постели и широкая полоса на торце	13, 3а-б
67	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	отпечатки пальцев на верхней постели	—
68	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	отпечатки пальцев на верхней постели	—
69	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	отпечатки пальцев на торце	—
70	Юж. притвор, пл. 1	узкая полоска на верхней постели	—
71	Юж. притвор, пл. 1	узкие короткие полоски на верхней постели и торце	—
72	Юж. притвор, пл. 1	узкие полоски на верхней постели	—
73	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из узких полос (?) на верхней постели	—
74	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	узкая полоска и углубление на торце	—

№	Место находки	Плинка	Рис.
75	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая изогнутая полоса на верхней постели	—
76	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая полоска на верхней постели	—
77	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая полоса на верхней постели	—
78	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	углубление на верхней постели	—
79	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	узкая короткая полоска на верхней постели	—
80	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	полукруг из широкой линии на верхней постели	—
81	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	широкая полоса на верхней постели	—
82	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	след от пальца на верхней постели и торце	—
83	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	отпечаток пальца на верхней постели	—
84	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	углубление на верхней постели	—
85	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	широкая полоса на нижней постели	—
86	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	узкая короткая полоска на верхней постели	—
87	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	узкие короткие полоски на верхней постели	—
88	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	узкие полоски на торце	—
89	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	узкие короткие полоски на верхней постели	—
90	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	след от пальца на нижней постели	—
91	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	узкая короткая полоска на верхней постели и насечки на торце	—
92	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	отпечатки пальцев на верхней постели и торце	—
93	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая изогнутая полоска на верхней постели	—
94	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие короткие полоски на верхней постели	—
95	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	косой крест из узких полос на торце	—
96	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	—

№	Место находки	Плифа	Рис.
97	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая изогнутая полоса на верхней постели	—
98	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие короткие полоски на верхней постели	—
99	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	углубления на торце	—
100	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полоски на торце	—
101	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	отпечаток пальца на торце	—
102	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая полоска на торце	—
103	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	отпечаток пальца на нижней постели	—
104	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая полоска на нижней постели	—
105	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полоски на верхней постели	—
106	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	большое полукруглое углубление на верхней постели	17, 5
107	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	углубление на торце	—
108	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	узкая полоска и отпечаток пальца на нижней постели	—
109	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	лекальная, с узкой изогнутой полоской на верхней постели и торце	—
110	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	углубления на верхней постели	—
111	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	углубление на верхней постели	—
112	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полосы на торце	—
113	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая полоса на верхней постели и отпечатки пальцев на торце	—
114	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие широкие полосы на торце	—
115	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	большое углубление на верхней постели	—
116	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	отпечаток пальца на верхней постели	—
117	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	следы ногтей (?) на верхней постели	12, 2
118	Вост. р., кв. 1, пл. 13	след от пальца на верхней постели и торце	—

№	Место находки	Плинка	Рис.
119	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая полоска на верхней постели	–
120	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая вертикальная полоска на торце	–
121	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	отпечаток пальца на торце	–
122	Вост. р., кв. 2, пл. 9	широкие полосы на торце	–
123	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкая полоска на верхней постели	–
124	Вост. р., кв. 2, пл. 9	широкие полосы на торце	–
125	Вост. р., кв. 1, пл. 13	широкая полоса на верхней постели	–
126	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
127	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкая изогнутая полоска на торце и углубление на верхней постели	–
128	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полосы на торце	–
129	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	отпечаток пальца на торце	–
130	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечаток пальца на верхней постели	–
131	Вост. р., кв. 1, пл. 13	V-образный знак на торце	17, 1
132	Зап. р., кв. 8, пл. подсыпки 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
133	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	полукруг из широкой линии на верхней постели	–
134	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полоски на торце	–
135	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
136	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	с отпечатком пальца на торце	–
137	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	с отпечатком пальца на торце	–
138	Вост. р., кв. 1, пл. 13	со следом от пальца на торце	–
139	Вост. р., кв. 1, пл. 13	с крестом из широких полос (?) на верхней постели	–
140	Зап. р., кв. 8, пл. 1	с отпечатками пальцев на верхней постели и торце	–
141	Зап. р., кв. 8, пл. 1	с кругом с точкой внутри на торце	–
142	Вост. р., кв. 1, пл. 13	с тремя узкими полосами на верхней постели	–
143	Вост. р., кв. 1, пл. 13	с углублением на верхней постели	–
144	Юж. притвор, пл. 1	с узкими полосами на торце	–
145	Вост. р., кв. 2, пл. 9	с крестом из широких полос на верхней постели	–
146	Вост. р., кв. 2, пл. 9	с крестом из широких полос на верхней постели	–

№	Место находки	Плинка	Рис.
147	Вост. р., кв. 2, пл. 9	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
148	Вост. р., кв. 2, пл. 9	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
149	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечатки пальцев на торце	–
150	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечаток пальца на торце	–
151	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечатки пальцев на торце	–
152	Вост. р., кв. 2, пл. 9	широкая полоса на верхней постели	–
153	Вост. р., кв. 2, пл. 9	крест из узких полос на торце	12, 5
154	Вост. р., кв. 2, пл. 9	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	–
155	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкие короткие полоски на верхней постели	–
156	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкая полоса на верхней постели	–
157	Вост. р., кв. 2, пл. 9	два следа от пальцев на верхней постели	11, 7
158	Вост. р., кв. 2, пл. 9	параллельные желобки на верхней постели	14, 3
159	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие полоски на верхней постели и отпечатки пальцев на верхней постели и торце	–
160	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая косая полоса на торце	–
161	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая полоса и отпечатки пальцев на торце	–
162	Вост. р., кв. 2, пл. 9	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	–
163	Вост. р., кв. 2, пл. 9	две параллельные широкие полосы на верхней постели	14, 2
164	Вост. р., кв. 2, пл. 9	две параллельные узкие полоски на верхней постели	–
165	Вост. р., кв. 2, пл. 9	две параллельные широкие полоски на верхней постели	–
166	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечаток пальца на верхней постели	–
167	Вост. р., кв. 2, пл. 9	две узкие полоски на верхней постели	–
168	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкая полоса на верхней постели	–
169	Вост. р., кв. 2, пл. 9	параллельные желобки на верхней постели	–
170	Вост. р., кв. 1, пл. 13	следы от пальцев на верхней постели	–
171	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечаток пальца на верхней постели	–
172	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечатки пальцев на торце	–
173	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая полоса с крестообразной насечкой и узкая полоса на верхней постели	16, 6
174	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечатки пальцев на торце	–
175	Вост. р., кв. 1, пл. 13	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
176	Вост. р., кв. 1, пл. 13	широкая полоса на верхней постели	–
177	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечаток пальца на верхней постели	–
178	Вост. р., кв. 1, пл. 13	широкие полосы на торце	–

№	Место находки	Плинка	Рис.
179	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечаток пальца на верхней постели	—
180	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечатки пальцев на торцах	—
181	Вост. р., кв. 2, пл. 9	две широких полосы на верхней постели	—
182	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкая полоса на верхней постели	—
183	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкая полоска на верхней постели	—
184	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкая полоска на верхней постели	—
185	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечаток пальца на верхней постели	—
186	Зап. р., кв. 6, пл. 1	полукруг из узкой линии на верхней постели	15, 4
187	Зап. р., кв. 6, пл. 1	отпечатки пальцев на торце	—
188	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкая изогнутая полоска на верхней постели	—
189	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкая полоска на торце	—
190	Вост. р., кв. 1, пл. 13	широкая полоса на верхней постели	—
191	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие полоски на торце	—
192	Вост. р., кв. 1, пл. 13	крест из узких полос на верхней постели	—
193	Вост. р., кв. 1, пл. 13	широкие полосы на торце	—
194	Вост. р., кв. 1, пл. 13	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
195	Вост. р., кв. 1, пл. 13	крестом из широких полос на верхней постели	12, 4
196	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечатки пальцев на торце	—
197	Вост. р., кв. 1, пл. 13	две широкие полосы на верхней постели	—
198	Вост. р., кв. 1, пл. 13	углубление на верхней постели и торце	—
199	Вост. р., кв. 1, пл. 13	полукруг из узкой линии на нижней постели	15, 6
200	Вост. р., кв. 1, пл. 13	полоски на верхней постели	17, 2
201	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие короткие полоски на торце	—
202	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие и короткие полоски на торце	—
203	Зап. р., кв. 8, пл. 1	широкая полоса на верхней постели	—
204	Зап. р., кв. 8, пл. 1	следы от пальца на верхней постели и на торце	—
205	Зап. р., кв. 8, пл. 1	отпечатки пальцев на торце	—
206	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие полосы на торце	—
207	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие полоски на торце	—
208	Зап. р., кв. 8, пл. 1	отпечаток пальца на торце	—
209	Зап. р., кв. 8, пл. 1	узкие полоски на торце	—
210	Зап. р., кв. 8, пл. 1	широкая полоса на верхней постели	—
211	Зап. р., кв. 8, пл. 1	отпечаток пальца на торце	—
212	Зап. р., кв. 8, пл. 1	отпечаток пальца на торце	—
213	Зап. р., кв. 8, пл. 1	широкая полоса на верхней постели	—
214	Зап. р., кв. 8, пл. 1	узкая полоса на верхней постели	—
215	Зап. р., кв. 8, пл. 1	широкая полоса на верхней постели	—

№	Место находки	Плифа	Рис.
216	Зап. р., кв. 8, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
217	Зап. р., кв. 8, пл. 1	квадратное углубление на торце	–
218	Зап. р., кв. 8, пл. 1	полукруг из широкой линии на верхней постели	–
219	Зап. р., кв. 8, пл. 1	широкая полоса на торце	–
220	Зап. р., кв. 8, пл. 1	узкие полосы на верхней постели	16, 4
221	Зап. р., кв. 8, пл. 1	узкие полоски на верхней постели	–
222	Вост. р., кв. 1, пл. 13	широкая полоса на верхней постели	–
223	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечаток пальца на верхней постели	–
224	Вост. р., кв. 1, пл. 13	широкая изогнутая полоска на верхней постели	–
225	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос и с отпечаток пальца на верхней постели	–
226	Вост. р., кв. 2, пл. 9	круг с точкой внутри на торце	–
227	Вост. р., кв. 2, пл. 9	углубления на торце	–
228	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкие короткие полоски на верхней постели	–
229	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечаток пальца на торце	–
230	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечаток пальца на верхней постели	–
231	Зап. р., кв. 10, между стенами нартекса и юж. притвора, пл. 1	отпечатки пальцев на верхней постели и торце	–
232	Зап. р., кв. 10, между стенами нартекса и юж. притвора, пл. 1	узкие полосы и углубление на торце	–
233	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
234	Зап. р., кв. 8, пл. 1	отпечаток пальца на торце	–
235	Зап. р., кв. 8, пл. 1	отпечатки пальцев на торце	–
236	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая косая полоса на верхней постели	–
237	Юж. притвор, пл. 1	двойная узкая полоса на верхней постели	16, 1
238	Юж. притвор, пл. 1	узкая полоска на верхней постели	–
239	Зап. р., кв. 8, пл. 1	полукруг из широкой линии на верхней постели	–
240	Вост. р., кв. 1, пл. 13	сердцевидный знак на торце	13, 5
241	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	узкие полоски на верхней постели и отпечатки пальцев на торце	14, 5
242	Зап. р., кв. 8, пл. 1	широкие полосы на торце	15, 1
243	Зап. р., кв. 8, пл. 1	узкая полоса на торце	–
244	Зап. р., кв. 8, пл. 1	узкая полоска на верхней постели	–
245	Зап. р., кв. 8, пл. 1	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	–
246	Зап. р., кв. 8, пл. 1	узкие короткие полоски на верхней постели	–

№	Место находки	Плинка	Рис.
247	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечаток пальца и узкая полоска на верхней постели	—
248	Вост. р., кв. 1, пл. 13	две параллельные узкие полоски на верхней постели	—
249	Зап. р., кв. 8, пл. 1	широкая полоса на торце	—
250	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечаток пальца на торце	—
251	Вост. р., кв. 1, пл. 13	след от пальца на верхней постели	—
252	Вост. р., кв. 1, пл. 13	углубления на торце	—
253	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечатки пальцев на торце и верхней постели	—
254	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечатки пальцев на торце	—
255	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая полоска на торце	—
256	Вост. р., кв. 1, пл. 13	углубления на торце	—
257	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечатки пальцев на верхней постели	—
258	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая полоска на верхней постели	—
259	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая полоска на верхней постели	—
260	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие полоски на торце	—
261	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкая полоска на нижней постели	—
262	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкая полоса и отпечатки пальцев на нижней постели	—
263	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечатки пальцев на торце	—
264	Вост. р., кв. 1, пл. 13	круг с точкой внутри на торце	—
265	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкая полоска на верхней постели	—
266	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкие короткие полоски на верхней постели	—
267	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая волнистая полоска на верхней постели	—
268	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечатки пальцев на торце	—
269	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая полоска на нижней постели	—
270	Вост. р., кв. 2, пл. 10	полоская изогнутая полоска на нижней постели	—
271	Вост. р., кв. 2, пл. 9	узкие короткие полоски на верхней постели	—
272	Вост. р., кв. 2, пл. 9	отпечаток пальца на торце	—
273	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкие полосы на торце	—
274	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечаток пальца на торце	—
275	Вост. р., кв. 2, пл. 10	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	—
276	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечатки пальцев на торце	—
277	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая полоса на верхней постели	—
278	Вост. р., кв. 1, пл. 13	с двумя параллельными широкими полосами на верхней постели	—
279	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие полосы на верхней постели	—
280	Вост. р., кв. 1, пл. 13	параллельные узкие полосы на торце	—

№	Место находки	Плифа	Рис.
281	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая полоска на нижней постели	—
282	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечаток пальца на верхней постели	—
283	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая полоса на верхней постели	—
284	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая короткая полоска на верхней постели	—
285	Зап. р., кв. 8, перекоп	узкая полоса на торце	—
286	Зап. р., кв. 8, перекоп	крест из узких полос на верхней постели	—
287	Зап. р., кв. 8, перекоп	узкая полоса на торце	—
288	Вост. р., кв. 2, пл. 10	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
289	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая изогнутая полоска на верхней постели	—
290	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечатки пальцев на торцах	—
291	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая полоса на нижней постели	—
292	Зап. р., кв. 8, перекоп	две параллельные широкие полосы на верхней постели	14, 4
293	Зап. р., кв. 8, перекоп	отпечаток пальца на нижней постели	—
294	Вост. р., кв. 1, пл. 14	крест из узких полос на верхней постели	—
295	Вост. р., кв. 1, пл. 14	отпечатки пальцев на торце	—
296	Вост. р., кв. 2, пл. 10	широкая полоска на верхней постели	—
297	Вост. р., кв. 2, пл. 10	следы от пальцев на нижней постели	—
298	Зап. р., кв. 8, перекоп	узкая полоса на верхней постели	—
299	Зап. р., кв. 8, перекоп	полукруг из широкой линии на верхней постели	15, 5
300	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкие полоски на верхней постели	—
301	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкие полоски на верхней постели	—
302	Вост. р., кв. 2, пл. 10	широкая полоса на торце	14, 6
303	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечаток пальца на торце	—
304	Зап. р., кв. 8, пл. 2	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	—
305	Вост. р., кв. 1, пл. 14	узкая изогнутая полоска на верхней постели	—
306	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечаток пальца на торце	—
307	Вост. р., кв. 2, пл. 10	следы от пальцев на нижней постели	—
308	Вост. р., кв. 1, пл. 14	узкая полоса на верхней постели	—
309	Зап. р., кв. 8, перекоп	узкие короткие полоски на верхней постели	—
310	Зап. р., кв. 8, перекоп	крест из широких полос (?) на верхней постели	—

№	Место находки	Плинка	Рис.
311	Зап. р., кв. 8, перекоп	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
312	Зап. р., кв. 8, перекоп	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
313	Вост. р., кв. 1, пл. 14	круг с точкой внутри на торце	—
314	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечатки пальцев на верхней постели	—
315	Вост. р., кв. 2, пл. 10	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
316	Зап. р., кв. 8, перекоп	отпечатки пальцев на верхней постели	—
317	Зап. р., кв. 8, перекоп	узкие полоски на верхней постели	—
318	Вост. р., кв. 2, пл. 10	круг с точкой внутри на торце	—
319	Вост. р., кв. 2, пл. 10	широкая полоса на верхней постели	—
320	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечатки пальцев на верхней постели	—
321	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая полоса на верхней постели	—
322	Вост. р., кв. 2, пл. 10	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
323	Вост. р., кв. 2, пл. 10	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
324	Вост. р., кв. 1, пл. 14	узкие полоски на торце	—
325	Вост. р., кв. 2, пл. 10	параллельные узкие полоски изогнутые на верхней постели	—
326	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая полоса на верхней постели	—
327	Вост. р., кв. 2, пл. 10	узкая полоска на торце	—
328	Зап. р., кв. 8, перекоп	косой крест из широких полос (?) на верхней постели	—
329	Зап. р., кв. 8, перекоп	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
330	Зап. р., кв. 8, проем наоса храма	отпечатки пальцев на верхней постели и на торцах	—
331	Зап. р., кв. 8, пл. 2	крест из узких полос на торце и узкие полосы на нижней постели	16, 3
332	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкая косая полоса на верхней постели	—
333	Вост. р., кв. 2, пл. 10	крест из узких полос (?) на верхней постели	—
334	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечатки пальцев на торце	—
335	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечатки пальцев на торце	—
336	Вост. р., кв. 2, пл. 10	отпечатки пальцев на верхней постели	—
337	Зап. р., кв. 6, пл. 1	узкая полоска на верхней постели	—
338	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	—
339	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из узких полос на верхней постели	—
340	Зап. р., кв. 6, пл. 1	широкая полоса на верхней постели	—
341	Зап. р., кв. 6, пл. 1	широкая полоса и отпечатки пальцев на торце	—

№	Место находки	Плинка	Рис.
342	Зап. р., кв. 5, пл. 1	отпечатки пальцев на торце	—
343	Зап. р., кв. 5, пл. 1	отпечаток пальца на верхней постели	—
344	Зап. р., кв. 5, пл. 1	узкие полосы на торце	—
345	Зап. р., кв. 5, пл. 1	узкая полоса на верхней постели	—
346	Зап. р., кв. 5, пл. 1	крест из узких полос на верхней постели	12, 6
347	Зап. р., кв. 5, пл. 1	узкая полоса на верхней постели	—
348	Зап. р., кв. 5, пл. 1	три узкие полосы на торце	16, 5
349	Зап. р., кв. 5, пл. 1	следы от пальцев на торце	—
350	Вост. р., кв. 2, пл. 11	отпечатки пальцев на торце	—
351	Вост. р., кв. 2, пл. 9	V-образный знак из узких полос на торце и углубления на верхней постели	8, 6
352	Зап. р., кв. 10, пл. подсыпки 1	узкие полосы на верхней постели	10, 9
353	Юж. притвор, пл. 1, погр. 2	широкие изогнутые полосы на верхней постели	11, 2
354	Зап. р., кв. 6, пл. 1	широкая полоса и узкие полосы на верхней постели	10, 10
355	Вост. р., кв. 2, пл. 10	две параллельные широкие полосы на верхней постели	10, 2
356	Вост. р., кв. 2, пл. 10	три параллельных желобка на верхней постели	10, 3
357	Вост. р., кв. 2, пл. 11	дуговидная широкая полоса с перекладиной и двумя отпечатками пальцев на верхней постели	9, 2
358	Вост. р., кв. 2, пл. 11	отпечаток лапы (?) на верхней постели	9, 4
359	Зап. р., кв. 8, перекоп	полукруг из широкой линии на торце	9, 8
360	Вост. р., кв. 2, пл. 10	след от пальца на торце	—
361	Зап. р., кв. 10, пл. подсыпки 1	знак из пересекающихся полос узких на верхней постели	10, 8
362	Зап. р., кв. 10, между стенами нартекса и юж. притвора, пл. 1	полукруг из широкой линии на верхней постели и узкие полоски на нижней постели	10, 1
363	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос на верхней постели	8, 7
364	Зап. р., кв. 10, между стенами нартекса и юж. притвора, пл. 1	параллельные желобки на верхней постели	10, 4
365	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	отпечаток птичьей лапки на верхней постели	9, 3
366	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из узких полос на торце	8, 8
367	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	звездчатый знак из узких полос на верхней постели	10, 6

№	Место находки	Плинка	Рис.
368	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	углубления на верхней постели	–
369	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	круг с точкой внутри на торце	11, 4
370	Зап. р., кв. 10, пл. подсыпки 1	крест из узких полос на верхней полос	–
371	Зап. р., кв. 10, пл. подсыпки 1	узкие изогнутые полосы на торце	10, 7
372	Вост. р., кв. 1, пл. 13	Т-образный знак из узких полос	8, 4
373	Вост. р., кв. 1, пл. 13	узкие полосы на торце	–
374	Вост. р., кв. 1, пл. 13	двойной полукруг из широких линий	9, 7
375	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	свастика на верхней постели	8, 5
376	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	две параллельные узкие полосы на верхней постели	11, 1
377	Юж. притвор, пл. 1, погр. 1	две смыкающиеся линии на торце	11, 3
378	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	узкие полосы на верхней постели	–
379	Зап. р., кв. 7, пл. 1	параллельные желобки на верхней постели	–
380	Зап. р., кв. 8, пл. 1	лекальная, с отпечатком пальца на торце	11, 6
381	Вост. р., кв. 1, пл. 13	отпечаток лапы на верхней постели	9, 5
382	Юж. притвор, пл. 1	отпечаток лапы и полукруг из широкой линии на верхней постели	9, 6
383	Зап. р., кв. 10, пл. 1	крест из узких полос на верхней постели	–
384	Зап. р., кв. 10, пл. подсыпки 1	стрела на торце	10, 5
385	Зап. р., кв. 8, пл. 1	крест из широких полос на верхней постели и отпечаток ноги на торце	9, 1
386	Зап. р., кв. 8, проем наоса храма	крест из узких полос и следы от пальцев на верхней постели и следы от пальцев на нижней постели	18 3
387	Зап. р., кв. 8, проем наоса храма	крест из параллельных узких полос на верхней постели	8, 2
388	Зап. р., кв. 8, проем наоса храма	крест из параллельных узких полос на верхней постели и отпечатки пальцев и узкая полоска на торце	8, 1
389	Зап. р., кв. 6, пл. 1	углубление на верхней постели	–
390	Зап. р., кв. 6, пл. 1	крест из широких полос (?) на верхней постели	–
391	Вост. р., кв. 1, пл. 11	насечки на верхней постели	17, 3
392	Вост. р., кв. 2, пл. 10	широкая полоса на торце	–
393	Зап. р., кв. 5, пл. 1	отпечатки пальцев по дуге на верхней постели	–

№	Место находки	Плинка	Рис.
394	Вост. р., кв. 2, пл. 10	полукруг из узкой линии на торце	–
395	Зап. р., кв. 6, пл. 1	V-образный знак на торце	12, 1
396	Вост. р., кв. 2, осыпь бровки	два дуговидных выступа на торце	16, 2
397	Вост. р., кв. 2, пл. 10	полукруг из узкой линии на торце	15, 3
398	Вост. р., кв. 2, пл. 11	крест из узких полос на торце	13, 2
399	Вост. р., кв. 2, пл. 11	V-образный знак на торце	13, 1
400	Вост. р., кв. 1, пл. 13	X-образный знак на торце	13, 4
401	Вост. р., кв. 1, пл. 14	знак из узких линий на верхней постели	17, 6
402	Вост. р., кв. 1, пл. 14	круг с точкой внутри на торце	–
403	Вост. р., кв. 1, пл. 14	узкая полоска на верхней постели	–
404	Вост. р., кв. 1, осыпь бровки	круг с точкой внутри на торце	11, 5

Наконец, отметим самое важное открытие 2022 г. Непосредственно под юго-западным углом наоса храма и рядом с ним было обнаружено святилище V – первой половины IV вв. до н. э. Культовый комплекс представлял собой вымостку из булыжника, окружавшую врытый в землю каменный «идол». Вымостку перекрывал слегка углистый слой. Из находок, кроме значительного количества импортной и местной керамики, отметим более 30 золотых изделий, бронзовую фигурку Геракла (?), две фигурки Птах-Патеков из египетской пасты, железный наконечник стрелы, монету (место изготовления пока не определено). Святилище, вероятно, было сооружено на насыпном «кургане», а у его подножия или рядом с ним находились захоронения конских голов с уздой в меотском зверином стиле, исследованные нашими предшественниками (Шамба, 1988. С. 55–57). Фундамент наоса храма прорезал вымостку святилища, фундамент нартекса ее перекрывал. Какие-либо промежуточные слои отсутствуют. Таким образом, строители храма, вероятно, знали о наличии на этом месте более раннего святилища, то есть можно говорить о преемственности культово-ритуальной практики на восточном холме городища Гиенос.

Литература

Акопян А. В., Скаков А. Ю., Джошуа А. И. Новая находка арамейской надписи на территории Абхазии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала: ИД «Мавраевъ», 2020. С. 290–292.

- Виноградов А. Лекции по византийской архитектуре. 15 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2022. 360 с.
- Ёлишин Д. Д. Новгородская плинфа XI–XIII вв.: возможности типологического изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения М. Х Алешковского, Великий Новгород, 22–24 янв. 2013 г. Вып. 27. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2013а. С. 208–213.
- Ёлишин Д. Д. Технологические особенности новгородской плинфы домонгольского времени // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-ПБУ, 2013б. С. 92–97.
- Ёлишин Д. Д. Кирпич в средневековой церковной архитектуре Абхазии // Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик, 2015. С. 323–337.
- Ёлишин Д. Д. Плинфа церкви Благовещения на Городище XII в. (по материалам коллекций и раскопок 2016–2017 гг.) // Архитектурная археология. № 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 82–89.
- Ёлишин Д. Д. Кирпич в средневековой архитектуре Кавказа: новые обследования и попытка обобщения // Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. М.: ИВ РАН, 2021. С. 299–381.
- Ёлишин Д. Д., Каретников А. Л. Знаки на плинфе церкви свв. Бориса и Глеба 1214 г. в Ростове // История и культура Ростовской земли. Материалы XVIII научной конференции. Ростов: Изд-во Ростовского музея-заповедника, 2019. С. 30–40.
- Кобахия Б. С., Хрушкова Л. Г., Шамба С. М. Новая раннехристианская церковь на городище Гюэнос (Абхазия) // ВДИ. 1987. № 1. С. 126–146.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Ендольцева Е. Ю. Новые исследования на городище древнего Гиеноса (Абхазия) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала: ИД «Мавраевъ», 2020а. С. 278–280.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Акопян А. В., Ендольцева Е. Ю. Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки // Архитектурная археология. № 2. М.: ИА РАН, 2020б. С. 39–50.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Щеглов Е. В. Исследования в Республике Абхазия // АО. 2019 год. М.: ИА РАН. 2021. С. 500–503.
- Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Скакова И. В. Новые исследования древнего Гиеноса (Абхазия) // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. Майкоп: ООО «Качество», 2022. С. 183–186.
- Скакова И. В., Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. // ByzantinoCaucasica. I. М.: ИВ РАН. 2021. С. 9–53.

- Флёров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: «Мосты культуры», 2010. 260 с.
- Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М.: Наука, 2002. 500 с.
- Хрушкова Л. Г.* Раннехристианская двойная церковь в Пицунде в Абхазии. М.: Сухум: Абгосиздат, 2020. 216 с.
- Шамба С. М.* Гюэнос–I. Тбилиси: «Мецниереба, 1988. 136 с.

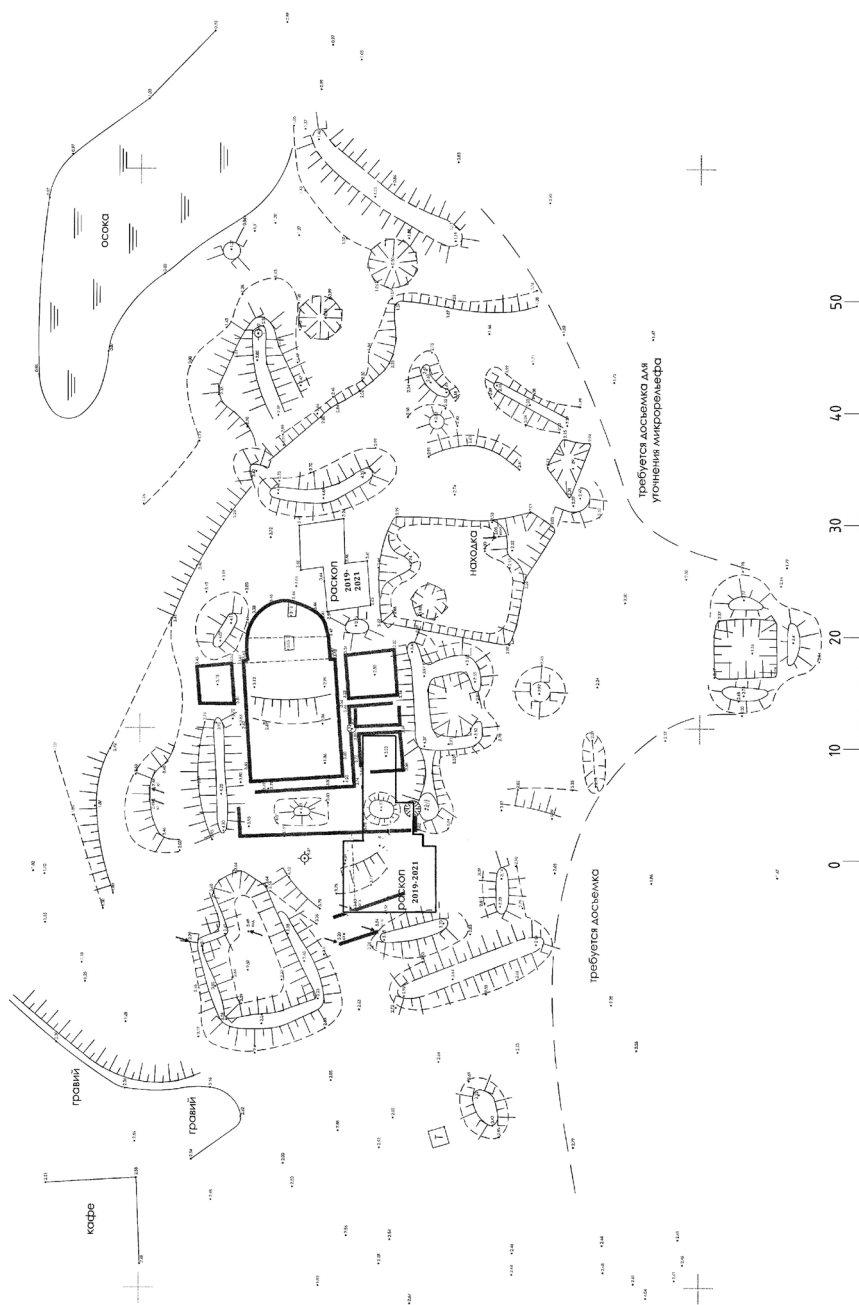

Рис. 1. План центральной части восточного холма городища Гиенос.

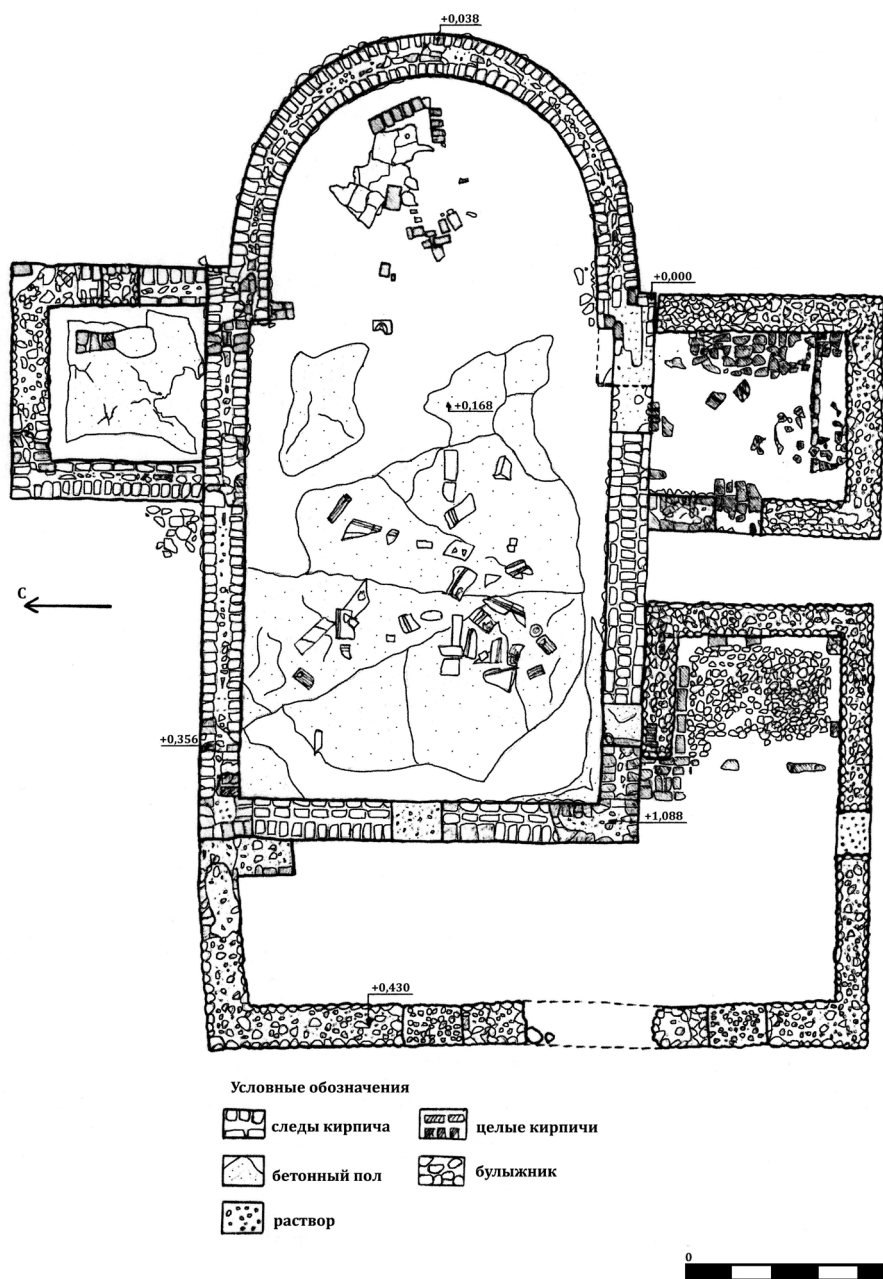

Рис. 2. План храма на городище Гиенос (по Отчету С. М. Шамба).

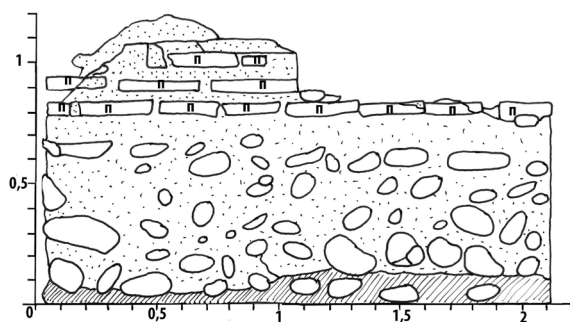
1

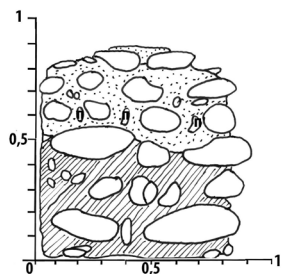
2

Рис. 3. Храм в Гиеносе.

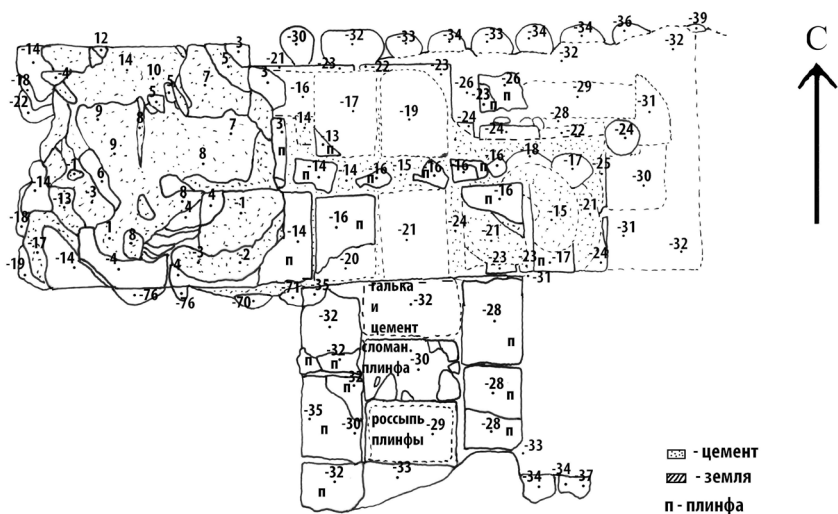
1 – Наос храма. Вид с востока. 2 – Наос храма. Вид с запада.

1. Юго-западный участок южной стены храма. Вид с юга

2. Торцевая часть северной стены нартекса. Вид с запада

3. Юго-западный проем наоса храма

0 0,5 1 м

Рис. 4. Храм в Гиеносе.

- 1 – Юго-западный участок южной стены храма, вид с юга.
 2 – Торцевая часть северной стены юго-западной части нартекса, вид с запада.
 3 – Юго-западный проем наоса храма.

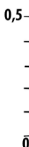
1

2

Рис. 5. Храм в Гиеносе.

- 1 – Юго-западный проем наоса храма. Вид с востока.
2 – Юго-западный проем наоса храма. Вид с запада.

Б - цемент
п - плінфа

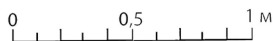

Рис. 6. Храм в Гиеносе.

- 1 – Юго-восточный угол стены южного притвора.
- 2 – Восточная стена южного притвора, вид с запада.
- 3 – Южная стена южного притвора, вид с севера.

1

2

Рис. 7. Храм в Гиеносе.

- 1 – Юго-восточный угол стены южного притвора. Вид с севера.
2 – Юго-восточный угол стены южного притвора. Вид с северо-запада.

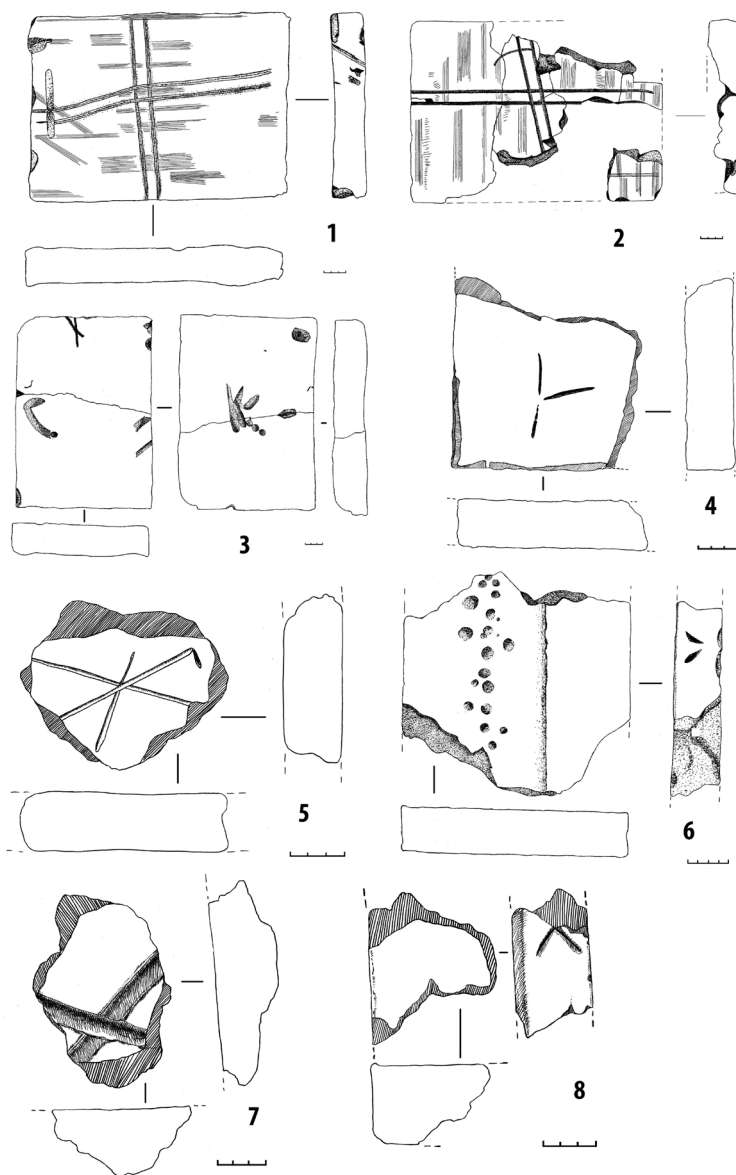

Рис. 8. Фрагменты плинфы.

- 1 – с крестом из параллельных узких полос на верхней постели и отпечатками пальцев и узкой полоской на торце; 2 – с крестом из параллельных узких полос на верхней постели; 3 – с крестом из узких полос, следами от пальцев на верхней постели и следами от пальцев на нижней постели; 4 – с Т-образным знаком из узких полос; 5 – со свастикой на верхней постели; 6 – с V-образным знаком из узких полос на торце и углублениями на верхней постели; 7 – с крестом из широких полос на верхней постели; 8 – с крестом из узких полос на торце.

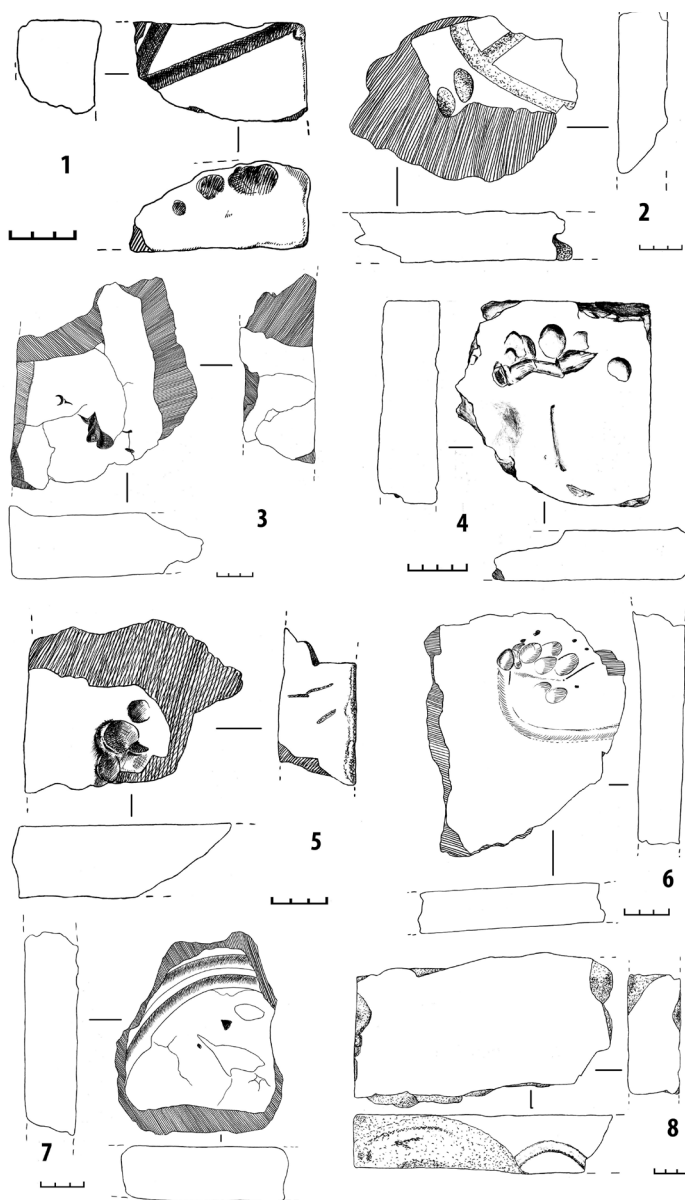

Рис. 9. Фрагменты плинфы.

1 – с крестом из широких полос на верхней постели и отпечатком ноги на торце; 2 – с дуговидной широкой полосой с перекладиной и двумя отпечатками пальцев на верхней постели; 3 – с отпечатком птичьей лапки на верхней постели; 4 – с отпечатком лапы (?) на верхней постели; 5 – с отпечатком лапы на верхней постели; 6 – с отпечатком лапы и полукругом из широкой линии на верхней постели; 7 – с двойным полукругом из широких линий; 8 – с полукругом из широкой линии на торце.

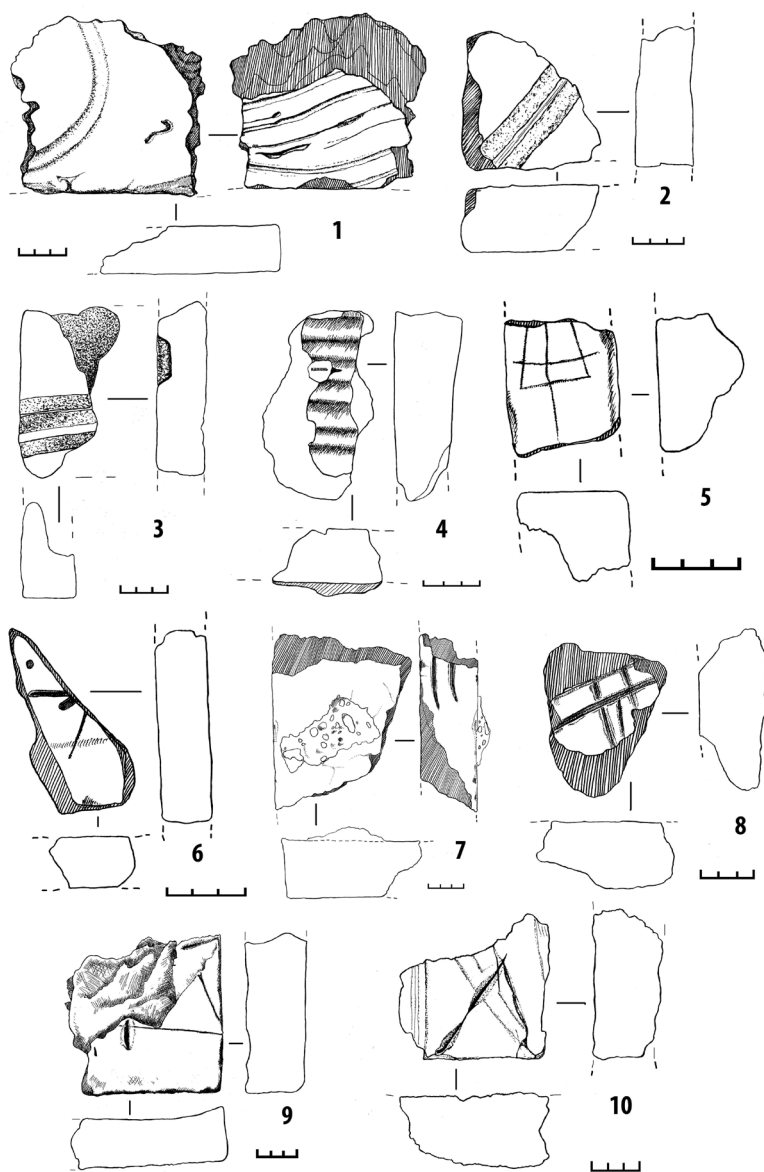

Рис. 10. Фрагменты плитки.

- 1 – с полукругом из широкой линии на верхней постели и с узкими полосками на нижней постели; 2 – с двумя параллельными широкими полосами на верхней постели; 3 – с тремя параллельными желобками на верхней постели; 4 – с параллельными желобками на верхней постели; 5 – со стрелой на торце; 6 – со звездчатым знаком из узких полос на верхней постели; 7 – с узкими изогнутыми полосами на торце; 8 – со знаком из пересекающихся узких полос на верхней постели; 9 – с узкими полосами на верхней постели; 10 – с широкой полосой и узкими полосами на верхней постели.

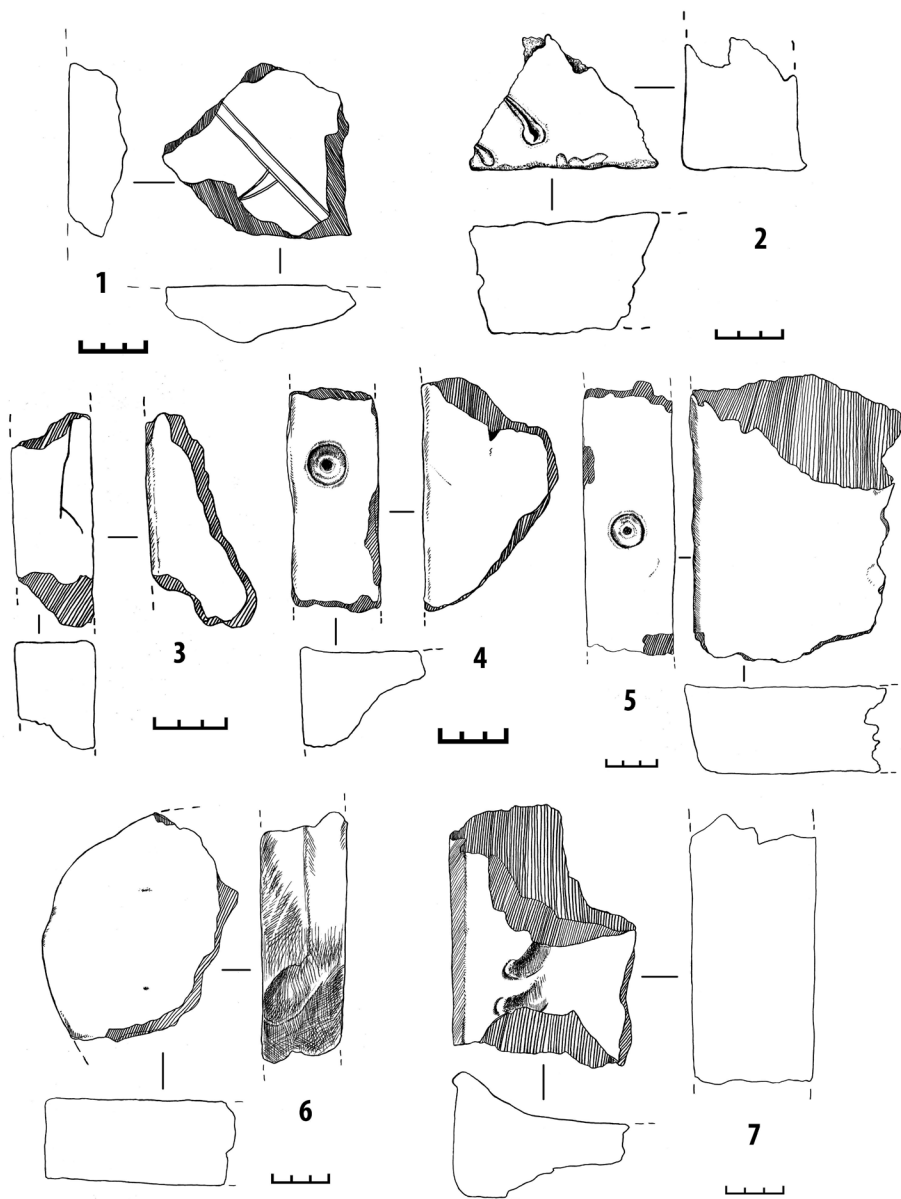

Рис. 11. Фрагменты глиняной таблички.

- 1 – с двумя параллельными узкими полосами на верхней постели;
 2 – с широкими изогнутыми полосами на верхней постели;
 3 – с двумя смыкающимися линиями на торце; 4 – с кругом с точкой внутри на торце; 5 – с кругом с точкой внутри на торце; 6 – лекальная, с отпечатком пальца на торце; 7 – с двумя следами от пальцев на верхней постели.

1

2

3

4

5

6

Рис. 12. Фрагменты плинфы.

1 – с V-образным знаком на торце; 2 – со следами ногтей (?) на верхней постели; 3 – с фаллосом на верхней постели; 4 – с крестом из широких полос на верхней постели; 5 – с крестом из узких полос на торце; 6 – с крестом из узких полос на верхней постели.

1

2

3a

3б

4

5

Рис. 13. Фрагменты плинфы.

1 – с V-образным знаком на торце; 2 – с крестом из узких полос на торце;
3а, 3б – с косым крестом из широких полос (?) на верхней постели и широкой
полосой на торце; 4 – с X-образным знаком на торце; 5 – с сердцевидным
знаком на торце.

Рис. 14. Фрагменты плинфы.

- 1 – с тремя параллельными желобками на верхней постели;
- 2 – с двумя параллельными широкими полосами на верхней постели;
- 3 – с параллельными желобками на верхней постели;
- 4 – с двумя параллельными широкими полосами на верхней постели;
- 5 – с узкими полосками на верхней постели и отпечатками пальцев на торце;
- 6 – с широкой полосой на торце.

Рис. 15. Фрагменты плинфы.

1 – с широкими полосами на торце; 2 – с двумя узкими параллельными полосами на верхней постели; 3 – с полукругом из узкой линии на торце; 4 – с полукругом из узкой линии на верхней постели; 5 – с полукругом из широкой линии на верхней постели; 6 – с полукругом из узкой линии на нижней постели.

Рис. 16. Фрагменты плинфы.

1 – с двойной узкой полосой на верхней постели; 2 – с двумя дуговидными выступами на торце; 3 – с крестом из узких полос на торце и с узкими полосами на нижней постели; 4 – с узкими полосами на верхней постели; 5 – с тремя узкими полосами на торце; 6 – с узкой полосой с крестообразной насечкой и узкой полосой на верхней постели.

Рис. 17. Фрагменты пленки.

- 1 – с V-образным знаком на торце; 2 – с полосками на верхней постели;
3 – с насечками на верхней постели; 4 – с отпечатками пальцев на торцах;
5 – с большим полукруглым углублением на верхней постели;
6 – со знаком из узких линий на верхней постели.

I. V. Skakova, A. Yu. Skakov, A. I. Dzhopua

**EARLY MEDIEVAL TEMPLE IN GYENOS
(REPUBLIC OF ABKHAZIA):
RESULTS OF THE WORKS OF 2022**

Abstract: the article introduces into scientific circulation the preliminary results of the work of 2022 on the site of the ancient Gyenos (Republic of Abkhazia), related to the study of the early Byzantine temple of the second half of the 5th - the first half of the 6th centuries. The collection of signs and drawings on the plinth has been replenished, the layout of the temple has been clarified. A particularly important discovery was the discovery near the southwestern corner of the naos of the temple of the sanctuary of the 5th – the first half of the 4th centuries BC.

Keywords: Abkhazia, Gyenos, early Byzantine temple, plinth, signs on plinth, sanctuary

В. С. Флёров

ПРОБЛЕМА ВНУТРЕННЕЙ СТЕНЫ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЦИМЛЯНСКОЙ КРЕПОСТИ. НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ОТКРЫТИЕ

Резюме: на протяжении более столетия главной задачей в изучении Правобережной Цимлянкой крепости Хазарского каганата является поиск ее внутренней стены, делившей крепость на два больших сектора (не считая привратного). Между собой конкурируют варианты направления стены по И. Сацыперову и С. А. Плетнёвой (Рис. 1, 1, 2). В 2018 г. при продолжении работ на южном отрезке восточной крепостной стены была открыта оригинальная группа: два блока на трех плитах. Группа является остатками другой несохранившейся стены, уходящей внутрь крепости (Рис. 1, 3). Она характеризуется двумя особенностями. 1) Блоки связаны между собой и с плитами необычным образом и имеют общий наклон в направлении внутрь крепости. 2) Два торца блоков срезаны под одним углом уже после того, как блоки были уложены на свои места (Рис. 3-5). Направление общего скоса на торце блоков породило в ходе раскопок надежду, что он укажет направление внутренней стены крепости. Анализ направления, указанного скосами (красная полоса на рис. 8), заставил отказаться от поспешного предположения. Поиск стены отложен на неопределённое будущее. Второй объект – остатки кладки кирпичей, залегавшей на одном уровне с основанием восточной крепостной стены (Рис. 4), заставил пересмотреть периодизацию крепости, предложенную И. И. Ляпушкиным в 1940 г. Позднее поддержанную С. А. Плетнёвой. Согласно Ляпушкину кирпичные площадки относятся к концу жизни в крепости (Рис. 9, 10). Автор статьи приходит к другому заключению: они существовали в крепости со времени ее основания.

Ключевые слова: конец VIII – середина IX вв., Хазарский каганат, Правобережная Цимлянская крепость, план, кирпичные площадки

Внешние контуры крепости на планах, созданных на протяжении более двухсот пятидесяти лет И. Сацыперовым, Х. И. Поповым, В. И. Сизовым, М. И. Артамоновым, И. И. Ляпушкиным, С. А. Плетнёвой и В. С. Флёровым, принципиальных различий не имеют. Объяснение лежит на поверхности: периметр крепости следовал очертаниям мыса, на котором она размещена. Что касается плана И. Сацыперова, то в нем выявлены погрешности в строении южного угла крепости и направлении восточной стены.

Но и они не носят принципиального характера. В совокупности же все планы, и каждый в отдельных деталях, дали достоверное представление о внешнем облике крепости по периметру, о расположении, размерах и форме башен, о Главных воротах.

Проблема возникает при сравнении направления внутренних стен, с одной стороны на плане И. Сацыперова, с другой, на планах М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина и особенно С. А. Плетнёвой (Рис. 1, 1, 2), на топоплане «Донского наследия» 2014 г. В первых публикациях о крепости я сдержанно отнесся к критике Артамоновым и Плетнёвой изображения внутренних стен по Сацыперову. При этом, однако, отметил, что «загадка плана И. Сацыперова может быть решена только в ходе дальнейших раскопок» (Флёров, 1994. С. 458, 459; 1996. С. 103–106).

Позднее, опираясь на анализ хронологии поездки И. Сацыперова из Петербурга на Дон и обратно, я пришел к следующему заключению: *«На выемку грунта, перемешанного с обломками блоков стен крепости и башен, и съемку плана городища он [Сацыперов] затратил всего 25 дней! С точки зрения археолога темпы работ надо признать невероятными. В таких условиях, с учетом времени года – зима, и спешки, появление ошибок и неточностей в плане полуразрушенной крепости не должно удивлять. Сделанный набело и художественно оформленный план крепости с разрезами стен, вероятно, был завершён уже в Петербурге»* (Флёров, 2019. С. 213). К этому добавлю, что оригинальный полевой чертеж остался не известен, на что ранее ни мои предшественники, ни я внимания не обращали.

В дореволюционных сочинениях о крепости встречаются упоминания о несохранившихся планах, а также ее описания. Одно из детальных содержится в письме к новочеркасскому историку В. М. Пудавову местного землемера Степана Сулина (Пудавов, 1890. С. VI).

Используя сведения Сулина, я сделал опыт реконструкции внешних очертаний крепости. Они лишь отдаленно напоминали план И. Сацыперова, а отчасти реконструкцию С. Сулина / Е. Т. Решетовского (Флёров, 2021. С. 165–169, 173. Рис. 4, 2, 3).

Обратиться в очередной раз к проблеме внутренней стены крепости позволили продолжающиеся раскопки ее внешней восточной стены.

В 2018 г. на Правобережном городище был открыт маленький строительный комплекс, который, как мне тогда казалось, может решить проблему направления внутренней стены. Комплекс заслуживает подробного описания, что и предлагается ниже.

При продвижении работ на раскопе 7 в южном направлении, т.е. вдоль обрыва и остатков восточной крепостной стены, в очередном квадрате

28¹ были обнаружены два целых блока, лежавших на трех плитах ракушечника. Поспешное сообщение о нём уже появилось в печати (Хохлов, Владимиров, Ткаченко, Бардашов, 2021–2022. С. 232). К западу от них еще несколько таких же разных по размерам плит (Рис. 1, 3). Еще в ходе раскопок было замечено, что группа из двух блоков на трех плитах выступает за линию внутреннего фаса восточной стены крепости. Все ранее находимые блоки не только не выходили за эту линию, но, случалось, отступали от нее внутрь стены на 20 см. Новые два блока обозначены латинскими литерами *A* и *B* (Рис. 2, 3).

Еще с первого 2006 года раскопок восточной стены не исключалось, что будет обнаружен ее стык с внутренней стеной крепости либо по плану Сацыперова, либо по плану Плетнёвой (Рис. 1, 1, 2). По варианту Сацыперова предполагалось, что внутренняя стена соединится с внешней восточной около башни IV. Надежды не оправдались хотя бы потому, что основание самой башни на месте предполагавшегося стыка сохранилось лишь наполовину. Так что вместе с плитами основания внутренней стороны башни могли не сохраниться и плиты внутренней стены. Таким образом, вариант по Сацыперову не мог быть ни подтвержден, ни отброшен.

Обнаружение в квадрате 28 группы из трех плит с двумя лежащими на них блоками породило предположение, что она могла быть остатками внутренней стены по варианту, обозначенному на плане С. А. Плетнёвой (Рис. 1, 2). Необходимо было проверить, нет ли других остатков предполагаемой внутренней стены на прилегающей площади, для чего были вскрыты соседние квадраты 21–23. На вероятность этого указывала вытянутая группа плит в западном углу квадрата 28, уходящая в стенку раскопа в направлении тогда еще не раскопанного квадрата 22 (Рис. 4, 5). Из-за мизерного финансирования вскрытие квадратов 21–23 растянулось на два полевых сезона, 2020–2021 гг.². В итоге установлено, что узкая полоса плит обрывается уже в середине квадрата 22. На границе квадратов 22–23 обнаружилось небольшое скопление обожженных кирпичей (о них ниже).

Блоки «А» «В» не привлекли бы к себе внимания, если бы не впервые встреченная особенность – их южные торцы скошены в одном направлении и под одним углом. Мало того, подтёска была произведена после того, как они были уложены строителями на свои места. Возникло предположение, что линия скосов выполнена не в произвольном, но в заранее намеченном

¹ В 2018 раскапывались квадраты 27–29, размеченные вместе с квадратами 21–23 за несколько лет перед этим.

² В 2019 г. экспедиция была вынуждена проводить авральные раскопки на соседнем городище Камышево, на участках поврежденных мародёрами. Работами руководил В. В. Ключников (Ростов-на-Дону) при моём участии.

направлении. Подразумевалось, по направлению внутренней стены на плане С. А. Плетнёвой.

Дальнейшее изучение компактной группы из трёх плит и двух блоков выявило в ней много необычного, большей частью необъяснимого.

Вся конструкция представлена на Рис. 6. Совершенно очевидно, что она неполная, т.к. на плитах осталось свободное место и для других блоков, позднее снесенных при разрушении всей кладки, от которой *in situ* остались только блоки «А» и «В». Перед ними (в сторону обрыва) достаточно места для двух, а то и трех блоков.

Рис. 6, 1 демонстрирует блоки с северной стороны, где их торцы не были скошены. Рис. 6, 2 – с противоположной, южной, со стороны скошенных торцов. Направления плоскостей блоков и плит ракушечника дополнительно подчеркнуты линиями.

Профиль малого блока «А» имеет очертания опрокинутой трапеции (см. линии *аа*, *бб*). На десятках целых блоков и обломков, найденных в крепости начиная с 1987 г., блоков с подобным профилем не оказалось. Они были правильными вытянутыми призмами с прямоугольными продольным и поперечным сечениями. Почти нет сомнения, что такая форма блоку «А» придана не случайно. Для более плотного прилегания к блоку «В»? Но его достичь не удалось – ср. направления линий *аа* и *гг*. Между блоками оставалась щель, расширяющаяся сверху вниз, но вряд ли она влияла на общую прочность кладки.

И еще одно, на что надо обратить внимание – блок «А» лежит на плитах, перекрывая стык между двумя – широко распространенный прием в строительстве из камня (Рис. 5, 1).

Перейдем к блоку «В» – типичный для крепости блок с близким к прямоугольному сечением; высота 41, ширина 30 см. Необычно его положение – с наклоном в 14° в сторону внутреннего пространства крепости (см. линию «*в*» на рис. 6, 2). Этим наклоном достигалось то, что верхние грани обоих блоков составили общую плоскость со скатом в том же направлении – внутрь крепости (см. линию «*д*» на рис. 6, 2) Мне не представляется возможным объяснить наклон блока «В», равно как и необходимость наклона верхней его поверхности. Наклон верхних граней блоков становится особенно заметным при сравнении с совершенно горизонтальной поверхностью плиты, на которую опирается блок «А» (см. линию «*е*»). Не означает ли это, что несохранившиеся блоки стояли на ней в обычном вертикальном положении?

В совокупности все особенности формы блоков и их взаиморасположение между собой и с плитами не поддаются объяснению. Понятно одно – они являются началом какого-то ответвления от внешней восточной стены крепости, которая в данном месте успела обрушиться.

Вернемся к скосам и определим, на какое направление они указывают. Прежде чем заняться этим, пришлось тщательно перепроверить используемые чертежи и точность их ориентации по сторонам света. Последняя особенно важна. При совмещении планов не допускалось отклонений от линии СЮ свыше одного градуса. В итоге выявились значительные погрешности в совмещении плана квадратов 21-23 / 2018 с изначальным базовым планом квадратов 27-29 / 2020, 2021, выполненным В. В. Ключниковым (Рис. 4). Погрешности были устранены.

Боковые скосы на блоках *А* и *В* указали некое предполагаемое направление внутренней стены крепости, зафиксированное красной полосой на рис. 8, 1. Вторым шагом стало перенесение этой полосы на план городища 2014 г. (Рис. 8, 2). На нем же черной полосой намечено направление внутренней стены, выделенное по рельефу на плане 1958 г. С. А. Плетьевой (более схематично оно просматривается на известном плане М. И. Артамонова конца 20-х годов XX в. (Артамонов, 1935. С. 29).

Разница в направлениях по скосу и по топопланам составила 25-26°. (Рис. 8, 2). *В итоге казавшаяся первоначально несомненной версия того, что наконец-то скосы на блоках приведут к решению проблемы внутренней стены Правобережной Цимлянской крепости была отброшена.*

Но не всё так просто. В скосах, как и во всей необычной группе из двух блоков и трех плит, должен был заключаться какой-то смысл. Возможно, его можно было бы понять, сохранились соседние с ними блоки и плиты под ними. Не следует забывать и то, что некоторые замыслы средневекового строителя могут быть в принципе не понятны современному исследователю. Кроме того, они могли меняться в ходе строительства. В совокупности это то, что принято называть человеческим фактором.

Так или иначе, группа являлась частью какой-то стены, состыкованной с крепостной. От ее основания сохранились только разрозненные плиты ракушечника на границе квадратов 22 и 28 и одна в кв. 23. Но и по ним невозможно определить направление стены, т.к. ни одна из них не входила в ее фас, внешний или внутренний (ср. с внутренним фасом восточной крепостной стены на рис. 5, 2). Да и само скопление плит слишком невелико, чтобы хотя бы примерно указать ее направление. Очевидно одно: внутренняя стена, остатками которой являются плиты, должна была проходить западнее кладки кирпичей (о них ниже).

Группа «блоки на плитах» возможно и входила в состав внутренней стены крепости, но доказать этого я не могу. Однако при таком допущении мысль о связи скосов с направлением внутренней стены приходится отбросить.

В 2020 г. в работу на ПЦГ включился С. А. Хохлов (Москва), предложивший использовать возможности фотограмметрии. Полученные с беспилотного летательного аппарата снимки он сравнивал преимущественно с планами И. Сацыперова и М. И. Артамонова. Но почему-то не указал на главное, на то, что результаты фотограмметрии совпали в целом с планом С. А. Плетнёвой от 1958 г. (*Хохлов, Владимиров, Ткаченко, Бардашов, 2021–2022*³). Самый же точный из всех существующих на сегодня план «Донского наследия» от 2014 г. остался вне его внимания (*Флёров, 2019. С. 209*). В двух случаях С. А. Хохлов недопустимо обращается с источниками. Так, «после внесенных изменений» план [Сацыперова] стал похож на план Сулина / Решетовского. Такому же «редактированию» подвергся и план М. И. Артамонова при наложении его на фотограмму (*Хохлов, Владимиров, Ткаченко, Бардашов, 2021–2022. С. 231. Рис. 7, 8*). Проще говоря, «внесение изменений» и «редактирование» означает произвольное изменение очертаний крепости на одном плане, чтобы сделать их похожими на очертания крепости на другом. Тем не менее, съемки С. А. Хохлова имеют перспективы в изучении планиграфии городища.

Кладка из обожженных кирпичей. Находилась на стыке квадратов 21–22. Прямого отношения к блокам и плитам в квадратах 22, 28 она не имела, но по высотным отметкам нельзя не заметить, что плиты и кирпичи лежат на одном уровне. На раскопе 7 это первый случай обнаружения кирпичной кладки. Не было таких и на моем раскопе 6 / 1987, 1988, 1990.

Впервые кладки разных конфигураций из кирпичей обнаружил в крепости еще в 1939 г. И. И. Ляпушкин. В 1940 г. он издает предельно краткую заметку, никак не сопоставимую ни с большим объемом раскопок, ни по числу затронутых в ней проблем. В ней Ляпушкин предложил и первую археологическую периодизацию крепости в составе трех периодов, но затем он задается вопросом: «Есть основание полагать, что после разрушения поселения третьего периода жизнь на городище не возобновилась?» (*Ляпушкин, 1940. С. 60*). Его собственный ответ на этот вопрос: «Некоторые данные раскопок дают право заключить, что была сделана попытка вновь заселить городище. К числу их нужно отнести прежде всего наличие фрагментов различных вымосток из бывшего в употреблении кирпича, сложенных "насухо", которые, безусловно, не могут быть отнесены ко второму периоду. Не вяжутся они и с постройками третьего периода, так как есть случаи перекрытия последних первыми» (Там же. С. 61).

С большим вниманием надо относиться ко всем частным стратиграфическим наблюдениям И. И. Ляпушкина. Но его общая

³ Соавторы С. А. Хохлова оказывали ему техническое и иное содействие.

стратиграфическая периодизация оказалась ошибочной, о чем я написал еще в 1994 г.: «В его [Ляпушкина] схеме четыре периода. Первый характеризуется исключительно лепной керамикой и небольшой постройкой типа юрты. Даже упоминание «железистых шлаков» и сравнение керамики с керамикой Маяцкого поселения не вызвали у меня сомнения, что речь идет о слое эпохи поздней бронзы, действительно отличающейся исключительно лепной керамикой. Кроме того, в 1990 г были открыты и два небольших юртообразных [сегодня правильное назвать их округлыми – В.Ф.] жилища⁴ этого времени, которые, если бы не присутствие керамики, можно принять за средневековые. Примечательно, что сам И.И. Ляпушкин пишет, что по “облику всей материальной культуры”, последующий, “второй период резко отличается от первого”. Итак, объективно Ляпушкин отделил культуру первого периода от последующих, но определил ее неверно» (Флёров, 1994. С.480).

Длинную цитату сведу к следующему: к 1939 году И. И. Ляпушкин еще плохо знал керамику и жилища бронзового века, как на самом Правобережном Цимлянском городище, так и на ближайшей территории. Что касается последнего этапа, четвертого по Ляпушкину и отнесения к нему остатков площадок из кирпича, то решению вопроса о них препятствует отсутствие в нашем распоряжении полевых чертежей Ляпушкина. На сегодня они не обнаружены. «Рыболовецкий посёлок» предстает ошибкой в периодизации И. И. Ляпушкина. В любом случае, стратиграфическое положение площадки из кирпичей на раскопе 7 не соответствует его выводу о появлении подобных объектов буквально в последние годы или десятилетия жизнедеятельности на городище. Стратиграфически кирпичи в квадратах 21-22 лежат на одном уровне с соседними плитами.

Имея, некоторый опыт раскопок крепости, прихожу к совсем иному заключению: **культурный слой крепости невозможно разделить на периоды** ни по керамике, ни визуальнo по цвету. Четко выделяется только подстилавший крепость слой эпохи бронзы. Время появления кирпичных площадок установить невозможно. Они могли возникать на всем протяжении существования крепости скоплениями, как это видно на фото И. И. Ляпушкина (Рис. 9, 10) или по отдельности. На первый план выдвигается изучение планиграфии сооружений в крепости.

⁴ Непосредственно в процессе раскопок в 1990 г. плохо сохранившего жилища эпохи бронзы, я был совершенно уверен, что это очередное обычное средневековое юртообразное, каких в крепости много, настолько трудно было их различить. Моему временному заблуждению способствовал и очаг-тарелка в центре. Он ничем не отличался от салтово-маяцких. Свою ошибку я понял только с появлением керамики, ничего общего не имеющей с керамикой салтово-маяцкой культуры. Два сосуда удалось восстановить полностью (Флёров, 1994. С. 516. Рис. 2). Сейчас они хранятся в музее г. Волгодонска, Ростовская область.

Не буду останавливаться на трансформации взглядов С. А. Плетнёвой на периодизацию крепости. Окончательно они и не сложились. Отмечу одно. Появление на месте разрушенной крепости большого количеством кирпича из Саркела она связывала с возникновением рыболовецкого поселка. Из кирпича сооружали очажки, столики и т.п. (Плетнёва, 1994. С. 39, 40). По существу, она следовала за И. И. Ляпушкиным, считавшим кирпичные площадки самыми поздними сооружениями крепости.

*

Команде, которая с 2022 г. продолжила раскопки Правобережного Цимлянского городища, я настоятельно рекомендовал оставить поиски внутренней стены по следующей причине. Это потребует продвижения раскопок внутрь городища, что противоречит стратегической задаче экспедиции – вести спасательные раскопки исключительно вдоль кромки непрерывно обрушающегося обрыва. Яркий пример: только по счастливой случайности успели открыть блоки со скосами. Сегодня место их расположения уже обвалилось. Как выглядит разовое очень маленькое обрушение см. на рис. 1, 3. Иногда обвалы достигают 10 и более метров вдоль кромки обрыва. Ситуация с Правобережным городищем усугубляется тем, что в Ростовской области не ведется наблюдение за состоянием археологических памятников на берегах Цимлянского и других водохранилищ, как и на берегах и островах рек (ср.: Бурдин, 2011; Гайнуллин, Дёмина, Усманов, 2011).

Литература

- Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК. Вып. 131. Л.: ОГИЗ, 1935. 117 с.
- Бурдин Е. А. К вопросу о сохранении историко-культурного наследия в зоне Куйбышевского водохранилища // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции. V Халиковские чтения. Казань: Фолиант, 2011. С. 43–44.
- Гайнуллин И. И., Дёмина Ю. Ё., Усманов Б. М. Оценка интенсивности разрушения археологических памятников в зоне влияния Куйбышевского водохранилища // Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции. V Халиковские чтения. Казань: Фолиант, 2011. С. 45–55.
- Ляпушкин И. И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. Вып. IV. 1940. С. 58–62.
- Плетнёва С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 271–396.
- Пудавов В. М. История Войска Донского и старобытность начал казачества, сочинение Василия Михайловича Пудавова. С приложением портрета автора. Издаль М. В. Пудавовъ. Выпуск первый. Новочеркасскъ: Типо-Литографія К. М. Минаева, 1890. 337 с.

- Флёров В. С.* Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 441–516.
- Флёров В. С.* Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. 1996. № 1. С. 100–113.
- Флёров В. С.* Проблемы восстановления плана Правобережного Цимлянского городища по раскопкам 2000-2010, 2017 гг. // ХА. Том 16. М.: Индрик, 2019. С. 203-227.
- Флёров В. С.* Ранние описания Правобережного Цимлянского городища // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 8. Воронеж: Полиграфцентр «Пресс-Бургер», 2021. С. 159–176.
- Хохлов С. А., Владимиров С. И., Ткаченко Ю. Г., Бардашов М. Н.* Реконструкция плана Правобережного Цимлянского городища // ХА. Том 18. М.: Индрик, 2021–2022. С. 225–233.

Рис. 1. Правобережная Цимлянская крепость.
Вид с юго-запада. 1 – план И. Сацыперова; 2 – план С. А. Плетнёвой.
3 – квадраты 27-29 раскопа 7.

Рис. 2. Правобережная Цимлянская крепость. Блоки А и В в процессе расчистки; квадрат 28. Вид с запада.

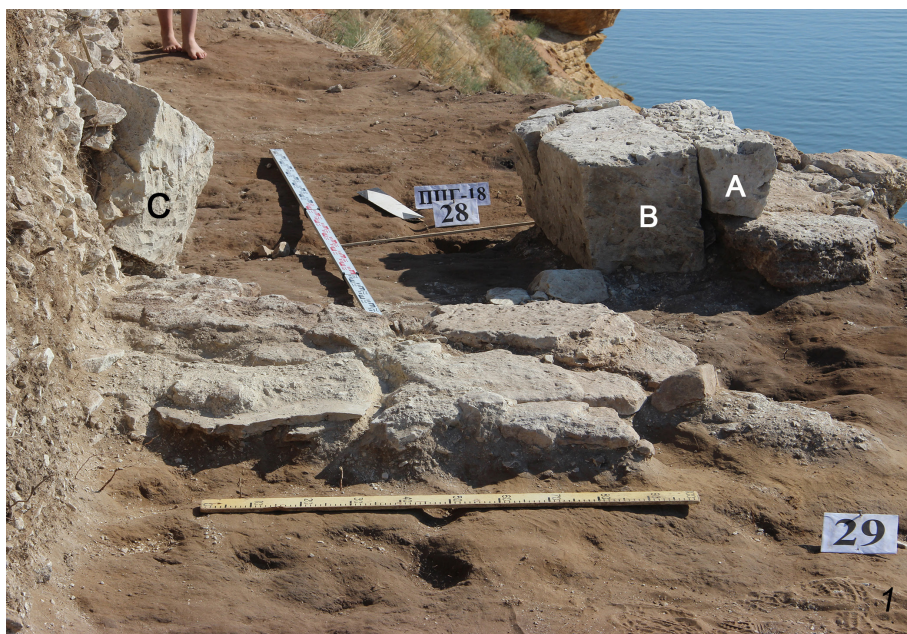

Рис. 3. Правобережная Цимлянская крепость.
1 – блоки А и В на плитах, вид с юго-запада. На переднем плане плиты предполагаемой внутренней стены крепости (см.: Рис. 4);
2 – блоки А и В на плитах, вид с юга.

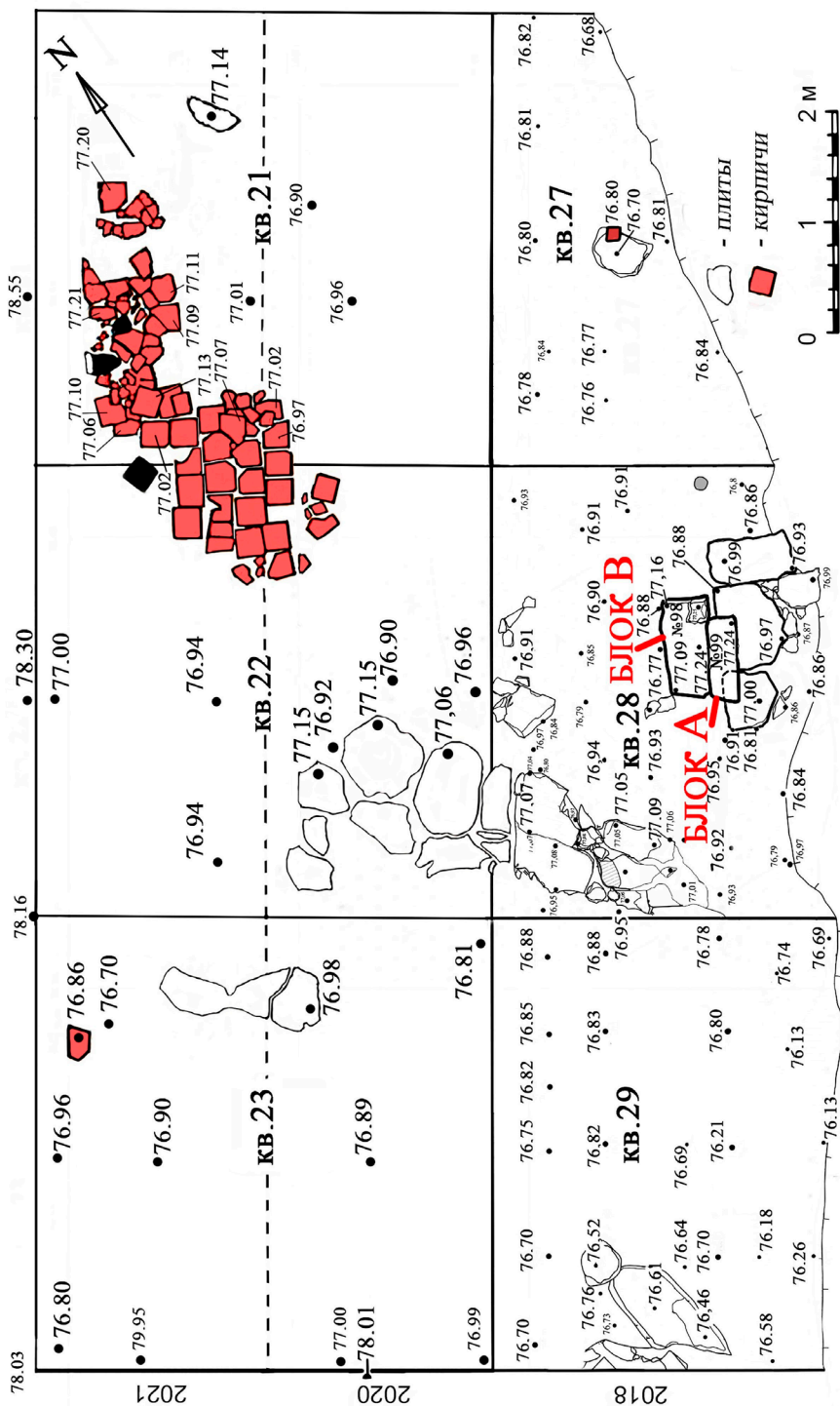

Рис. 4. Правобержная Цимлянская крепость. Квадраты 21-23, 27-29 раскопа 7, 2018–2021 гг.

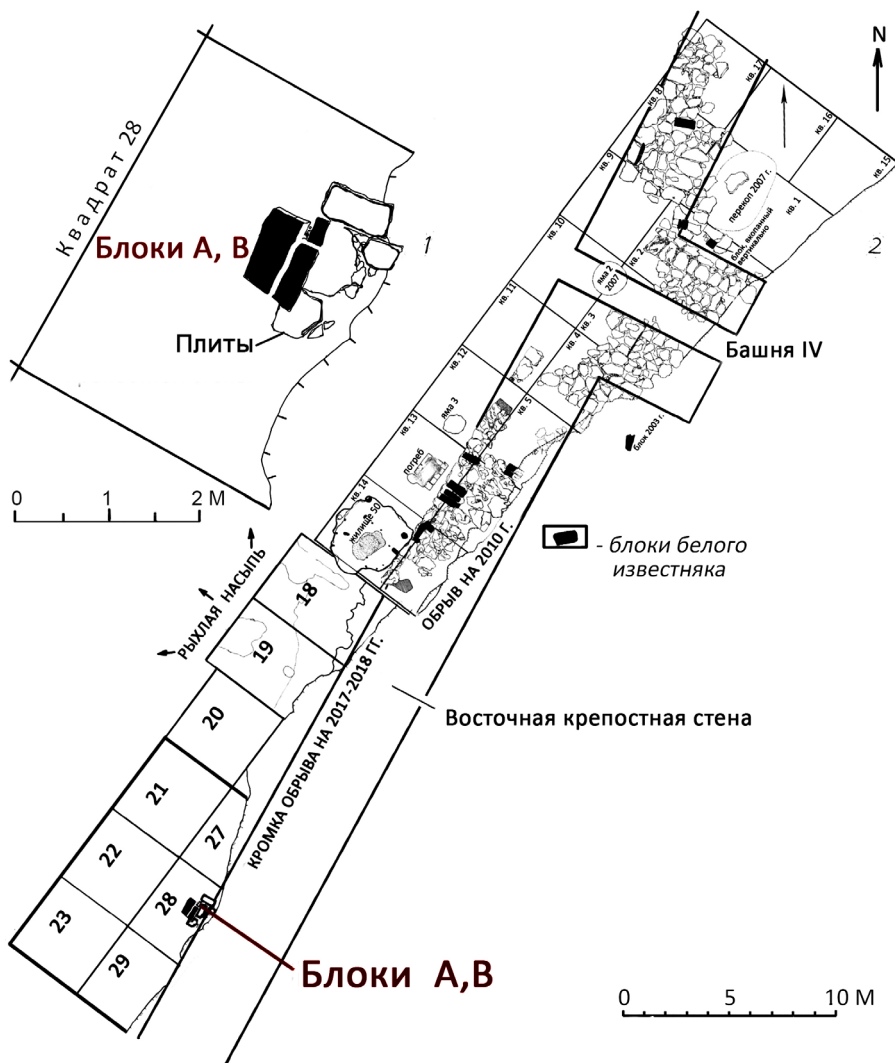

Рис. 5. Правобережная Цимлянская крепость.
Блоки А и В на плитах в квадрате 28 (1) и на плане раскопа 7 (2).

Рис. 6. Правобережная Цимлянская крепость.
Блоки А и Б на плитах. 1 – вид с севера; 2 – вид с юга, торцы скошены.

Рис. 7. Правобережная Цимлянская крепость.
Блоки А и Б на плитах. 1 – вид сверху; 2 – плиты после демонтажа блоков,
вид с запада (обратить внимание: плиты нависли над кромкой обрыва).

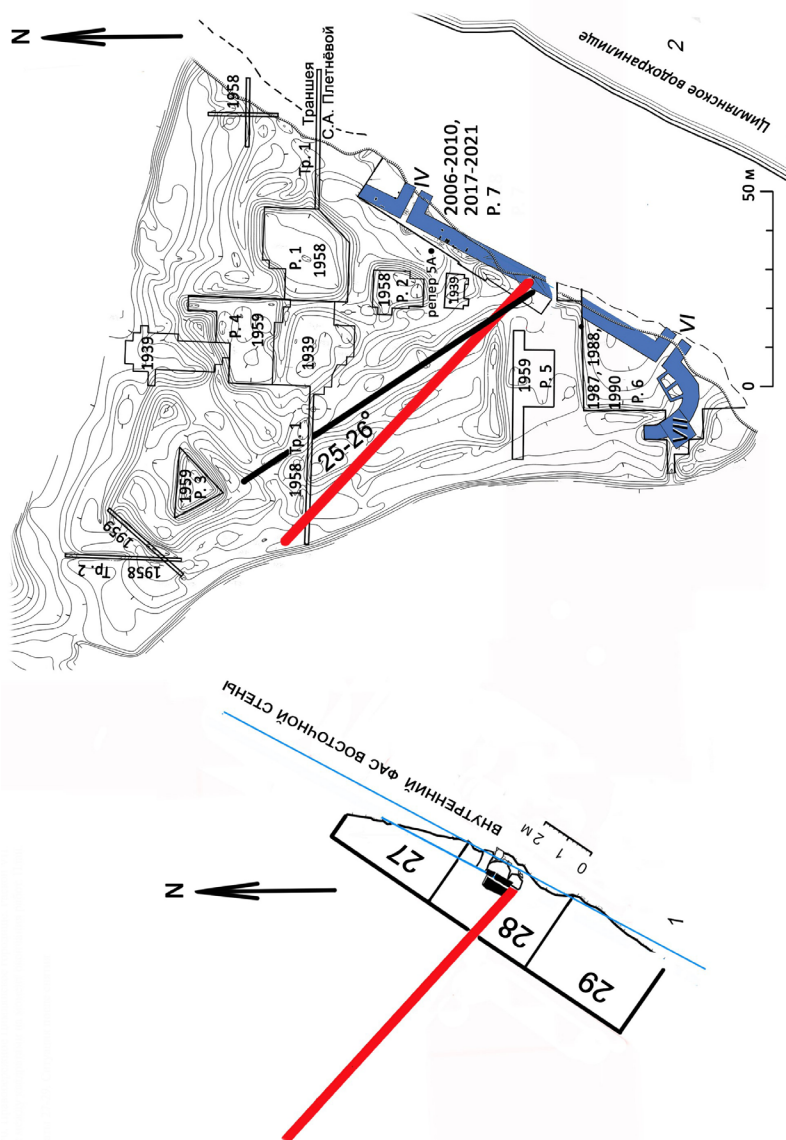

Рис. 8. Правобережная Цимлянская крепость. Итоговые схемы.

- 1 – красная полоса – направление по скошенным торцам блоков А и В;
 2 – план городища 2014 г. с направлением по скошенным торцам блоков (красная полоса);
 черная полоса – вероятное направление внутренней стены в соответствии с рельефом.

Рис. 9. Правобережная Цимлянская крепость. Кладки кирпича. Раскопки И. И. Ляпушкина 1939 г.

Рис. 10. Правобержная Цимлянская крепость. Кладки кирпича. Раскопки И. И. Ляпушкина 1939 г.

V. S. Flyorov

THE PROBLEM OF THE INNER WALL OF THE RIGHT-BANK TSIMLYANSK FORTRESS. A FAILED DISCOVERY

Abstract: for more than a century, the main task in the study of the Right-bank Tsimlyansk fortress of the Khazar Khaganate has been the search for its inner wall, which divided the fortress into two large sectors (not counting the gate sector). The options for the direction of the wall according to I. Satsyperov and S. A. Pletneva (Fig. 1, 1, 2). In 2018, while continuing work on the southern segment of the eastern fortress wall, an original group was discovered: two blocks on three slabs. This is remains of another wall that has not been preserved, going inside the fortress (Fig. 1, 3). It is characterized by two features. 1) The blocks are connected to each other and to the slabs in an unusual way and have a general slope towards the inside space of the fortress. 2) Two ends of the blocks are cut at the same angle after the blocks have been laid in place (Fig. 3-5). The direction of the general bevel at the end of the blocks gave rise hope to that it would indicate the direction of the inner wall of the fortress. An analysis of the direction indicated by the bevels (red line in Fig. 8) forced us to abandon the hasty assumption. The search for the wall has been postponed to an indefinite future. The second object - the remains of brick masonry, lying on the same level with the base of the eastern fortress wall (Fig. 4), forced to revise the chronology of the fortress, proposed by I. I. Lyapushkin in 1940 and supported later by S. A. Pletneva. According to Lyapushkin, brick platforms date back to the end of life in the fortress (Fig. 9, 10). The author of the article comes to a different conclusion: they have existed in the fortress since its foundation.

Keywords: end of 8th – middle of the 9th centuries, Khazar Khaganate, Right-bank Tsimlyansk fortress, plan, brick platforms

Е. Ю. Ендольцева

ПЛЕТЕННЫЙ ЛЕНТОЧНЫЙ ОРНАМЕНТ НА КАВКАЗЕ В ПЕРИОД МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ: ИСТОКИ И ЗНАЧЕНИЕ МОТИВА (НА ПРИМЕРЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ПЛАСТИКИ)

Резюме: статья посвящена ленточному орнаменту (в том числе в сочетании с растительными мотивами) в архитектурной пластике христианских храмов на Кавказе в IX–XI вв. Этот тип орнамента в разных вариантах (плетеный ленточный орнамент с цветочными розетками в центре, плетеные розетки разных видов, плетеный ленточный орнамент с лентами плетения в две и три полосы разных конфигураций (переплетающиеся геометрические фигуры, плетение типа сеть или корзина и т.д.)) широко распространился на Северном Кавказе, в Грузии и Армении в послееарабское время. Его истоки берут начало в Малой Азии и на Ближнем Востоке. Ленточный орнамент с сердцевидной в виде цветка впервые появляется в украшении культового здания в Самале (X–VIII вв. до н.э.). В более позднее время плетеный ленточный орнамент присутствует в напольных мозаиках эллинистического и римского времени, в напольных мозаиках раннехристианских церквей с территории Малой Азии и Греции, у коптов, в Каппадокии и отчасти в архитектурной пластике христианских храмов на Кавказе в доарабское время. Находка стелы культового назначения с Гоцатлинского поселения (X–XII вв.), которая не связана с христианской культурой, а также многочисленные более поздние этнографические свидетельства (амулеты, украшение традиционного дома) позволяют утверждать, что плетеный ленточный орнамент с растительными мотивами и геометрическими мотивами (и их упрощенные схематичные варианты) выполняли функции апотропея (в христианском контексте тоже). Их популярность на территории всей Византийской империи в послееарабское время, вероятно, связано с своеобразным процессом самоидентификации (в особенности жителей Малой Азии). Исходной моделью, видимо, нужно считать тип орнамента, представленный на базе колонны из культового здания К в Самале: переплетающиеся круги с цветочной розеткой в центре.

Ключевые слова: плетеный ленточный орнамент, архитектурная пластика, Кавказ, Македонская династия, рельеф, алтарная преграда, мозаика, апотропей

В послееарабский период, примерно с IX в., из Малой Азии по территории всей Византийской империи (включая варварскую

периферию и Кавказ) широко распространяется в архитектурной пластике христианских храмов такой орнаментальный мотив, как плетеный ленточный геометрический орнамент, состоящий из лент плетения в две или три полосы. Его образуют круги большого и малого диаметра с сердцевиной в виде цветочной розетки (а также различные варианты розеток, составленных из лент плетения в две или три полосы). Цель данного исследования – попытаться определить истоки и значение этого мотива.

Материал излагается следующим образом: сначала – анализ примеров, когда рассматриваемые мотивы встречаются на христианских храмах Кавказа и Малой Азии в IX–X вв., затем – параллели того же времени из традиционно-бытовой среды. Затем – попытка поиска истоков этого мотива (в доарабский период – копты, напольные мозаики римского времени, арамейские памятники юго-восточной Турции). Выявление возможной функции этого мотива на христианских храмах (благодаря анализу местоположения орнаментов и привлечению этнографического материала).

Примеры появления рассматриваемого типа орнаментов в указанное время очень многочисленны. Этот тип украшения становится практически массовым и заполняет собой сакрально значимые части фасадов церквей (обрамление окон, порталы дверей, барабан и т.д.) и их алтарные преграды.

Рассмотрим лишь некоторые из большого числа примеров, разделив их для удобства изложения на регионы.

Плетеные геометрические орнаменты разных конфигураций украшают фасады и внутреннее убранство некоторых церквей IX – нач. XI вв. на территории современной Республики Южная Осетия. Так, фрагменты резьбы с узорами такого типа встречаются на базальтовых (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 61) блоках из церкви в Додоте. По наблюдениям Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, основная часть этой церкви относится к началу X в., *«а обход ее пристроен век спустя, т. е. в конце X или в самом начале XI в.»* (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 59). Среди фрагментов облицовки этой церкви есть массивный блок (по версии Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, «фрагмент завершая восточного окна» (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 61. Рис. 51)), орнамент которого составлен из ленты плетения в две полосы. Он состоит из переплетающихся ромбов большого размера. Другой фрагмент, судя по форме, – пята арочки (возможно, обхода) украшен плетеным орнаментом простейшего типа (выполнен тоже из ленты плетения в две полосы) – цепочка из петелек небольшого диаметра.

Церковь в Кобете, хоть и была построена в совсем позднее время (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 59), украшена снаружи резными

блоками, относящимися к более ранним периодам. Среди них есть навершие окна X в. (Рис. 1) (*Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 87. Рис. 77*). На нем резной процветший крест обрамлен двумя розетками, составленными из растительных элементов и из ленты плетения в две полосы.

Среди фрагментов архитектурной декорации церкви в Надарбазеве (вторая половина X в.) (*Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 80. Рис. 70*) также есть следы плетеного ленточного орнамента. К примеру, навершие щелевидного окна с фигурами двух ангелов украшено рельефной полосой с плетеным ленточным орнаментом, составленным из ленты плетения в две полосы, которая образует окружности большего и меньшего диаметра (Рис. 2). Подобный орнамент встречается и на других конструктивных блоках.

Типологически близкие к предыдущему примеру орнаменты также встречаются и среди фрагментов облицовки церкви в Квайсе. Р. Меписашвили и В. Цинцадзе, как и в случае с Надарбазевом, относят их ко второй половине X в. (*Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 84. Рис. 74, 75*). Они также выполнены лентой плетения в две полосы. На резных известняковых блоках из Квайсы есть изображение процветшего креста, украшенного плетеным орнаментом типа цепь, навершие щелевидного окна с узором из ленты плетения в три полосы, образующей переплетающиеся ромбы и круги большего и меньшего диаметра. Есть также блоки с резными узорами из ленты плетения в две полосы, которые составлены из переплетающихся прямоугольников, а также блоки с переплетающимися окружностями большего и меньшего диаметра, обрамленные плетенкой типа цепь.

Разнообразные варианты плетеных орнаментов демонстрируют плиты, которые украшали некогда церковь в Тбете, а ныне вмурованы в стену разрушенной больницы в г. Цхинвал. Р. Меписашвили и В. Цинцадзе относят их к X в. (*Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 69. Рис. 59*). Узоры на трех блоках, два из которых обрамляли щелевидные окна, выполнены из ленты плетения в две полосы. На одном из наверший вырезан широкий орнаментальный фриз, составленный из переплетающихся кругов большего и меньшего диаметра. Фриз второго навершия состоит из переплетающихся плетеных розеток, каждая из которых образована кругом и четырехконечной звездой (Рис. 3). Третий блок украшен фризом из идентичных переплетающихся розеток.

Фрагменты архитектурной декорации с элементами плетеных геометрических орнаментов есть и среди блоков из церкви в Сохта. Р. Меписашвили и В. Цинцадзе также относят их к X в. (*Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 88. Рис. 78, 80*). Несколько блоков прямоугольной

формы украшены плетеным орнаментом из ленты плетения в три полосы. Узор ложится на поверхность камня достаточно плотно, в основе композиции – переплетающиеся круги большего и меньшего диаметра.

Плетеные орнаменты есть и в интерьере церкви св. Георгия в Эреде (нач. Х в.) (*Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 51*). Орнамент, составленный из переплетающихся ромбов (лента плетения в две полосы), украшает в форме широкого фриза окно.

Обрамление окон и порталов орнаментом похожего типа фиксируется и в церкви Берис-сакдари неподалеку от Эреда (*Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 64–67. Рис. 55*) середины Х в. Узор составлен из ленты плетения в три полосы. Щелевидное окно на восточном фасаде обрамлено широким фризом с плотным плетением корзиночного типа, а на фриз над южной дверью составлен из переплетающихся кругов.

Интересный пример плетеного геометрического орнамента с растительными мотивами встречается на плитах алтарной преграды, вмурованных в южный фасад церкви в Кемерети (рубеж Х–ХІ вв.) (*Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 46. Рис. 36*). Узоры выполнены лентой плетения в три полосы. В среднике одной из плит показан процветший крест, оплетенный квадратной рамкой, в четырех углах которой – плетеные розетки разных форм с цветочными элементами. Композиция обрамлена плетением типа цепь и виноградной лозой с одной из сторон. На фрагменте второй плиты видна крупная плетеная розетка (переплетаются ромб, круг и четырехконечная звезда) с цветочными элементами и часть обрамления, составленного из растительных побегов с листьями.

Значительное количество памятников с плетеным орнаментом этого времени сохранилось и на территории Абхазии. Самая большая концентрация рельефов с ленточным орнаментом разного типа – в лапидарной коллекции, происходящей с горы Анакопия. Исходя из формальных признаков их можно разделить на несколько групп (*Ендольцева, 2020. С. 115–168*). Разнообразные узоры выполнены из ленты плетения в три полосы. Фрагменты архитектурной декорации относятся к облицовке церкви (навершия и обрамления окон, порталов, орнаментальные фризы с барабана и др.) и к алтарным преградам. По характеру орнаментов можно выделить переплетающиеся круги большего и меньшего диаметра, переплетающиеся круги-петельки небольшого диаметра, переплетающиеся круги небольшого диаметра с цветочной розеткой в центре, орнаменты, составленные из петелек (в том числе в форме сеточки), переплетающиеся круги большого диаметра и ромбы, переплетающиеся ромбы, розетки, составленные из переплетающихся кругов и четырехконечных звезд. Как удалось

установить, эти камни были выполнены в середине X или в первой половине XI в. (Ендольцева, 2020. С. 32–56). Из других церквей с территории Абхазии также происходят ряд интересных орнаментов рассматриваемого типа. В частности, на фрагментах алтарных преград из Ачануа, Мсыгхуа и Лыхны (X в.) – характерное сочетание растительных мотивов и ленточного плетеного орнамента: расположенные в два ряда переплетающиеся кольца большого диаметра имеют в центре цветочные розетки, растительные мотивы украшают также пространство между кольцами (Ендольцева, 2020. С. 190–192, 296–297).

Плетеные орнаменты различного типа встречаются также на фрагментах алтарной преграды из села Анухва (Ендольцева, 2020. С. 205–208). Узоры, как и в предыдущих случаях, составлены из ленты плетения в две и три полосы. Скорее всего они выполнены на рубеже X–XI вв. (Шмерлинг, 1962. С. 111). Тут есть и плотное плетение корзиночного типа (обрамление изображения св. Георгия) (Ендольцева, 2020. С. 205–206), и плетение типа цепочка (Ендольцева, 2020. С. 206–207), и плетеные розетки различных форм (Ендольцева, 2020. С. 206, 208). Также фиксируется сочетание растительных мотивов и плетеного геометрического орнамента: процветший крест, оплетенный ленточным орнаментом (Ендольцева, 2020. С. 210).

Большое разнообразие плетеных геометрических орнаментов (в том числе в сочетании с растительными мотивами) имеется также на фрагментах алтарной преграды из села Полтавское (рубеж X и XI вв.) (Шмерлинг, 1962. С. 106–107). К примеру, на фрагментах бочкообразных баз колонок алтарной преграды есть переплетающиеся круги большого диаметра (лента плетения в две полосы) с раскрытыми листьями (Ендольцева, 2020. С. 250–251). На фрагментах кубической формы – плетеные розетки разнообразных форм (Ендольцева, 2020. С. 252, 253, 255).

Следы плетеного геометрического орнамента есть и на некоторых резных блоках, происходящих с территории Краснодарского края. Эта территория входила в состав Абхазского царства в период, когда была произведена резьба (X в.). Так, на фрагменте алтарной преграды (балка темплона) из церкви в селе Веселое вместе с изображением Даниила во львином рву есть изображения переплетающихся ромбов и кругов (лента плетения в две полосы), а также розетки (лента плетения в три полосы), составленной из переплетающегося круга и четырехконечной звезды (Армарчук, 2021. С. 46).

Плетеный геометрический орнамент различного вида есть и на фрагментах архитектурной декорации из села Лоо (Ендольцева, 2020. С. 347–350). К примеру, на одном из фрагментов видны переплетающиеся круги большого диаметра и ромбы (лента плетения в три полосы

с декоративной лентой с шариками) (X в.) (Ендольцева, 2020. С. 348). Таким же типом плетения выполнен орнамент на другом блоке (петельки небольшого диаметра и диагонально пересекающиеся ленты плетения) (X в.) (Ендольцева, 2020. С. 349). Из той же церкви происходит фрагмент резьбы с переплетающимися плетеными розетками (лента плетения в три полосы), составленными из кругов и четырехконечных звезд (рубеж X – нач. XI вв.) (Ендольцева, 2020. С. 350–351).

Очень широкое распространение плетеный геометрический орнамент разного типа, включая различные варианты плетения с растительными элементами получил на территории Грузии и ее исторических провинций. Отдельные примеры в архитектурной декорации встречаются уже начиная с IX в. Так, навершие щелевидного окна на восточном фасаде церкви в Убиси (Имерети, IX в.) оформлено орнаментом типа решетки или корзиночным плетением (лента плетения в две полосы) (Рис. 4). На пятах арки, которая оформляет южный вход, также есть фрагменты простого плетеного орнамента. Он расположен поясками. Важно отметить орнаменты (лента плетения в три полосы) типа цепочка, переплетающиеся круги, переплетающиеся круги с цветочными розетками в центре.

Такой тип орнамента часто появляется на памятниках, происходящих с территории современной Грузии и ее исторических провинций (Тао, Кларджети, Шавшети) в X в., в еще большей степени, практически массово – начиная с XI в.

Так, две плетеные цветочные розетки (лента плетения в две полосы), одна из которых содержит также растительные элементы в центре и по четырем углам, присутствуют в обрамлении восточного окна церкви в Джойсубани (X в.) (Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе, 2017. II. 270) (Рис. 5). Плетеный крест, составленный из ленты плетения в две полосы, венчает навершие щелевидного окна на западном фасаде церкви в Табатскури (X в.) (Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе, 2017. II. 279). Окно восточного фасада церкви в Кумурдо (X в.) обрамлено широким фризом с ленточным орнаментом (лента плетения в две полосы), в основе которого – переплетающиеся ромбы (Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе, 2017. II. 328). Ленточное плетение в две полосы образует также медальоны с изображениями животных в центре на фрагменте капители из той же церкви (Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе, 2017. II. 341). Ленточный орнамент украшает в X в. и алтарные преграды. К примеру, столбики алтарной преграды из церкви в Схиери (X в.) украшены плетеными розетками разных видов (лента плетения в две полосы) (Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе, 2017. II. 509). На столбиках алтарной преграды из Бохви (X в.) также присутствует плетеный крест и, в виде обрамления, плетеный орнамент типа цепочки (лента плетения

в две полосы) (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 511–512). Плетеный ленточный орнамент встречается и на южном фасаде церкви в Хахули (X в.) (арочка над сдвоенным окном) (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 345), и на южном фасаде храма в Тбети (обрамление круглого окна и плетеная розетка в качестве пяты арочки, в обоих случаях – лента плетения в две полосы), X в. (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 369. *Burchuladze, Cheishvili, Chkhikvadze, Gagoshidze, Gujejiani, Khizanishvili, Kudava, Poniava, Saitidze, Zhghenti*, 2018. P. 75–93). Плетеный ленточный орнамент (лента плетения в две полосы) эпизодически встречается и на фасаде храма в Ошки (X в.) (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 395).

С начала XI в. плетеный ленточный орнамент в архитектурной пластике Грузии переживает небывалый расцвет. Среди наиболее значительных примеров собор Успения Богородицы, построенный царем Багратом в Кутаиси (освящен в 1003 г.). Среди фрагментов сохранившейся каменной резьбы – плетеный ленточный орнамент с растительными мотивами и переплетающиеся круги большого и малого диаметра (капители и базы колонн).

Фасады и барабан собора Никорцминда (нач. XI в.) обильно украшены этим видом орнамента. Он используется в обрамлении щелевидных и круглых окон, порталов, в качестве рамы для фигуративных сюжетов, как элемент фриза на карнизах, обрамляет вертикальные тяги и др. Достаточно полно представлен репертуар декоративных схем: плетеный орнамент с растительными мотивами, цепочки из петелек (из них в некоторых случаях сделаны изображения крестов), переплетающиеся круги большого и малого диаметров, переплетающиеся круги и ромбы, переплетающиеся петельки (типа сеть) и др. (Рис. 6, 7).

Не менее разнообразна и богата резьба на фасадах храма Свети-Цховели (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 441, 442). Помимо прочего, здесь можно видеть большое разнообразие плетеных орнаментов с растительными мотивами: переплетающиеся круги с цветочными розетками в центре (лента плетения в две полосы) и ленточные орнаменты со сложно профилированными листьями.

Характерные орнаменты такого рода есть и в архитектурной декорации храма в Кацхи (1010 - 1014) (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 438). Так, база полуколонки внутри обхода с южной стороны украшена плетеным орнаментом (лента плетения в две полосы) со сложно профилированными листьями. Как и в предыдущих случаях, щелевидные и круглые окна фасадов также обрамлены плетеными орнаментами разных типов (плетения с растительными элементами, геометрические мотивы (ромбы и круги), сетки из петелек небольшого диаметра, цепочки

из петелек и др.). На плоскостях фасадов встречаются и плетеные розетки.

Также разнообразно (имея в виду плетеный ленточный орнамент) украшены фасады церкви в Патара – Они (XI в.) (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 455).

Фигуративные сюжеты на южном фасаде церкви в Сацхе (XI в.) обрамлены ленточным орнаментом с растительными мотивами разных типов (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 463).

Интересное сочетание значимых декоративных элементов встречается на перемычке портала южного фасада церкви в Диди Гомарети (XI в.) (Рис. 8). Надпись обрамлена декоративной рамкой, каждая из сторон которой украшена разным типом плетеного геометрического орнамента: переплетающиеся круги большого и малого диаметров, переплетающиеся петельки, ромбы, круги большого диаметра с цветочными розетками в центре (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 469). По центру центрального поля с надписью – крест, составленный из цепочки петелек. Значение плетеного орнамента усилено изображением змея с двумя кольцами на теле (с правой стороны), который, в свою очередь, является изображением поглощения пророка Ионы морским чудовищем (*Ендольцева*, 2021. С. 167–177).

Богато украшены разными типами плетеного орнамента с растительными элементами и составленного из геометрических мотивов алтарные преграды некоторых храмов этого времени (XI в.). В основном в этот период рассматриваемый вид орнамента используется как декоративная рама для фигуративных изображений на плитах. Среди примеров такого рода алтарные преграды из Сапары (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 521–523), Свети-Цховели (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 526), Джруче (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 541), Ховле (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 549–550), Церовани (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 551), Уртхви (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 556–557), Шиомгвиме (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 558–561) и др.

Эпизодически плетеный геометрический орнамент появляется в это время и на памятниках, происходящих с территории Армении. Например, плетеные розетки (форма шестиконечной звезды) с цветочным мотивом в центре на деревянной капители из Севана (IX в.) (*Armenia sacra*, 2007. P. 148, №. 41). Или сплетающиеся между собой плетеные розетки различных конфигураций на некоторых хачкарах (*Armenia sacra*, 2007. P. 157, 159, 164, № 48, 165, № 49).

Интересная находка, проясняющая до определенной степени значение плетеного орнамента, была сделана в 2013 г. в Дагестане (*Албегова*,

Магомедов, Таймазов, 2014. С. 309–310). Одна из двух стел (из постройки № 13) (Рис. 9), найденных *in situ* в поселении X–XII вв., где следы распространения христианства не зафиксированы, украшена ленточным плетеным орнаментом с цветочной розеткой в центре композиции. Стела была обнаружена в цокольном этаже здания, где хранилось зерно и явно выполняла сакральную, в том числе охранительную функцию. Интересно, что эта стела не единична. Тем же временем датируется ряд похожих памятников из других аулов Дагестана и с территории Грузии. К примеру, стела из села Согратль Гунибского района (Дебиров, 1966. Рис. 54). Как отмечает П. М. Дебиров, «мемориальные плиты, аналогичные по форме и характеру декора описанным, бытовали в Грузии в X–XI вв. Они ставились на «священных местах», там, где раньше были языческие капища, а также использовались как пограничные знаки. Такие плиты служили часто предметом поклонения» (Дебиров, 1966. С. 32).

Плетеный ленточный орнамент, составленный из лент плетения в две и три полосы, образующий круги большего и меньшего диаметра с сердцевиной в виде цветка встречается во внешней облицовке храмов и на алтарных преградах, начиная с IX в. в Малой Азии. Так, например, на фрагменте эпистили темплона из музея Бергама переплетаются круги большого диаметра и прямоугольники (лента плетения в две полосы). В сердцевине геометрических фигур – цветочные розетки и другие растительные мотивы (Niewöhner, 2021. Fig. 66) (Рис. 10).

Фрагмент балдахина (сибориума) с изображением св. Григория Просветителя из музея Ушак (Центральная Анатолия) украшен фризом, составленным из переплетающихся петелек (лента плетения в три полосы) (Niewöhner, 2021. Fig. 367). Разнообразные виды плетеных орнаментов, включая плетеные розетки представлены на фрагменте амвона из музея в Изнике (Niewöhner, 2021. Fig. 382). Плита алтарной преграды из музея Ялвач в Писидии украшена переплетающимися кругами разного диаметра с рельефно выступающими цветочными розетками в сердцевине (Niewöhner, 2021. Fig. 430) (Рис. 11). На фрагменте алтарной преграды из Лидии (музей Ыдемис) – богатый репертуар плетеных орнаментов (плетеный крест, переплетающиеся круги с цветочными розетками в центре, плетеный орнамент типа корзина с лентой плетения в три полосы) (Niewöhner, 2021. Fig. 431). На одной из граней капители из Улу Джами в Манисе – стилизованное растение с бутонами в виде переплетающихся кругов с цветочными розетками в центре (Niewöhner, 2021. Fig. 435). Также и на эпистиле темплона из музея в Измире – переплетающиеся круги (лента плетения в две полосы) с цветочными розетками в сердцевине и плетеные розетки (Niewöhner, 2021. Fig. 437) (Рис. 12). Импост колонки из музея в Бурса украшен

крестом, по обе стороны от которого – плетеные круги и петельки с цветочными розетками, сверху композиции – фриз из петелек (*Niewöhner*, 2021. Fig. 441). Фрагмент алтарной преграды из музея Кони также украшен большим количеством значимых мотивов: процветшие кресты и цветочные розетки обрамлены переплетающимися между собой квадратами, внизу – изображения зверей (*Niewöhner*, 2021. Fig. 478). Мраморная плита из Сард также украшена плетеными орнаментами с растительными мотивами: цветочные розетки в переплетающихся кругах разного диаметра и сложности плетения (*Grabar*, 1963. Pl. XLIV. 2).

Этот тип орнамента появляется потом в Центральной Греции (Скрипу, Фивы), в Фокиде и на Пелопонесе, а затем – на Балканах и по всей территории Византийской империи. Из большого количества примеров укажем лишь на некоторые. К примеру, на мраморной плите из Коринфа изображен крест в плетеной раме, заполненной изнутри переплетающимися кругами с цветочными розетками (*Vanderheyde*, 2020. Fig. 79) (Рис. 13). Темплон главного собора монастыря Хосиос Лукас в изобилии украшен разными видами плетеного орнамента (в том числе с растительными мотивами): плетеные розетки, переплетающиеся в разных сочетаниях круги с цветочными розетками в центре (*Vanderheyde*, 2020. Fig. 78, 102).

В последующие века (вплоть до XIV в.) этот мотив не только не потерял популярность, но и активно развивался и в Византийской империи и, особенно, на Кавказе. Среди примеров – резная плита из музея в Стамбуле, на которой фигуративные сцены (кентавр и охота на льва) и геометрические мотивы средника обрамлены переплетающимися кругами (лента плетения в две полосы) с цветочными розетками в центре (*Vanderheyde*, 2020. Fig. 138).

На Кавказе плетеный орнамент разного рода приобретает к XIII–XIV вв. самостоятельное значение как с точки зрения композиции, так и смысла. Кроме того, он покрывает все большее пространство фасадов и алтарных преград. К примеру, на плитах алтарных преград некоторых храмов (в Мериа, Канчавете, Монастире (Рис. 14) и др.) плетеный геометрический орнамент выполняет не только функцию декоративной рамы для фигуративных изображений (как это было в предыдущий период), но и занимает собой средник, а также темплон и другие самые значимые части. Этот вид орнамента также появляется в гораздо большей степени, чем ранее на хачкарах в Армении (*Armenia sacra*, 2007. P. 167, № 53, 171, № 58, 172, № 59).

Можно проследить истоки этого мотива. Плетеный ленточный орнамент рассматриваемого типа или плетеные розетки встречаются эпизодически на христианских памятниках доарабского времени на Кавказе. К примеру,

плетеная розетка на восточном фасаде собора в Мартвили (слой VII в.) (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 59) или плетеные розетки причудливых форм на поклонном кресте из Брдадзори (VI–VII вв.) (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 84–89). Плетеная розетка (лента плетения в три полосы) с цветочной розеткой в центре есть также на поклонном кресте из Болниси (VI–VII вв.) (*Dadiani, Khundadze, Kvachataдзе*, 2017. II. 129) (Рис. 15).

Этот же тип орнамента встречается и в росписях Каппадокии (хотя и, возможно, с неясной, ранней датировкой) и у коптов (к примеру, фрески Красного монастыря VI в.). Он активно используется арабами в VII в. К примеру, декоративная система мозаичных панно, украшающих полы одного из так называемых замков Омейядов в пустыне, дворец Хишама (Хирбат аль-Мафьяр, нач. VIII в., близ Иерихона) (Рис. 16), построена на сочетании плетеных геометрических орнаментов различных видов и цветочных розеток.

В еще более раннее время подобный вид орнамента встречается на римских мозаиках Малой Азии. К примеру, на мозаиках виллы римского времени в Амасии (II–III вв.) – все то же сочетание растительных мотивов и плетеного геометрического орнамента, включая переплетающиеся круги с цветочными розетками (Рис. 17). Плетеный геометрический орнамент обрамляет средник с геометрическими мотивами и птицами у чаши на одной из напольных мозаик из виллы римского времени в Антандрозе (III в.). На одной из напольных мозаик того же времени из музея мозаик в Зевгме также присутствует плетеный геометрический орнамент с плетеными розетками разных типов в качестве обрамления для фигуративных сцен.

Похожие примеры встречаются и на напольных мозаиках римского времени с территории Греции. Так, плетеный геометрический орнамент окаймляет основные сцены в мозаиках с виллы Диониса под Дионом (II–III вв. н.э.).

Те же орнаментальные мотивы присутствуют и на напольных мозаиках в церквях раннехристианского времени, но уже как самостоятельные элементы композиции. К примеру, на фрагменте мозаичного пола из церкви Алмерида на Крите (VI в.) (Рис. 18) – вся площадь занята изображениями переплетающихся кругов с цветочными розетками и растительными элементами в центре. На напольной мозаике из Аквилеи (VI в.) – плетеные розетки разных видов.

Аналогичный мотив (переплетающиеся круги с цветочными розетками в центре) можно видеть на ритуальном римском серебряном блюде из клада, найденного близ г. Масон (Франция) (Рис. 19). Оно происходит из коллекции Британского музея и относится к III в. н.э. Это блюдо, вместе с найденными с ним статуэтками богов, вероятно,

использовалось в домашнем или общественном святилище. В центре – изображение совершающего возлияние на алтаре человека (жреца) в круге, остальное поле блюда украшено разнообразными цветочными розетками в круглых обрамлениях, сплетенных между собой.

Наиболее раннее, из обнаруженных нами изображений этого мотива, фиксируется у арамейев. Основание колон здания К в Самале (близ нынешнего Алеппо, X–VIII вв. до н.э.) (Wartke, 2005. Р. 37–39. Abb. 40) украшено хорошо известным в средневизантийское время орнаментом: лента плетения в три полосы обвивает цветочные розетки (музей Пергамон в Берлине) (Рис. 20).

Содержание этого мотива вряд ли можно низвести до уровня исключительно орнаментальных элементов. Исследуя подобного рода узоры на раннехристианских напольных мозаиках, Г. Мегвайр выдвинул гипотезу о том, что они могли иметь апотропическое значение. Чаще всего в этом контексте фигурируют знаки, составленные из восьми лучей с кольцами на концах, вихреобразные и колесообразные мотивы, звезды различных конфигураций, свастики, концентрические круги, а также различные виды плетеных узоров, так называемые Соломоновы узлы, меандры, бесконечно повторяющиеся переплетенные круги и прямоугольники, прямоугольники и квадраты, круги различных размеров. В череде сплетенных геометрических фигур появляются также кресты разных видов, включая процветшие. В некоторых случаях геометрические плетеные узоры дублируются растительными мотивами. Сопоставление некоторых из перечисленных мотивов и словесных магических формул на ближневосточных папирусах, позволило исследователю говорить о глубинном сходстве их значений. Г. Мегвайр полагает, что *«частое повторение энергетически сильных знаков, таких как кресты, звезды, заключенные в круг, узлы и свастики, не означает принижение их значения. Наоборот, повторение зачастую становилось средством усиления их силы, подобно тому, как повторение знаков и букв являлось, судя по папирусам, важной частью магической практики. К тому же геометрическая рамка для таких мотивов не всегда была лишь нейтральным элементом дизайна... в некоторых случаях она могла играть активную вспомогательную роль. Бесконечное повторение геометрического узора напоминает об идее продолжающейся защит. ы „на все времена“»* (Maguire, 1994. Bd 44. S. 274). Соображения, высказанные на основе анализа системы украшения позднеантичных мозаичных полов, в полной мере относятся к последующей эпохе. Отличие в том, что, как и в случае с образами зверей, вышеозначенные мотивы стали исполняться в другой технике и на других местах. Так, в эпоху иконоборчества потребность в использовании

раннехристианских символов начинает ощущаться особенно остро. Они широко распространяются в Каппадокии (Малая Азия) и в монофизитски ориентированных странах. В силу указанных выше тенденций, в эпоху раннего и зрелого Средневековья эти символы появляются на фасадах церковных зданий, будучи высеченными в камне. В некоторых скальных церквях Каппадокии геометрические плетеные орнаменты с крестами, узлами Соломона и свастиками переходят во внутреннее убранство; мы видим их во фресковых росписях. Примером может служить украшение свода южного придела церкви Св. Никиты Столпника, которую Н. Тьерри, по результатам стилистического и иконографического анализа, относит к VIII в. (*Thierry*, 1998. Р. 888–890. Pl. III.). В центре композиции, в поле прямоугольной формы, представлено изображение процветшего креста, обрамленного с четырех сторон плетеным геометрическим орнаментом, составленным из соединенных между собой окружностей большего и меньшего диаметра. В сердцевине окружностей большего радиуса изображены четыре лепестковые крестообразные розетки. Та же композиция встречается на своде южного нефа церкви Иоакима и Анны (*Thierry*, 1986. Fig. 18). На фреске в конхе апсиды церкви Св. Василия (около Синассоса) также представлены три креста, каждый из которых обрамлен лентой плетения, образующей большие по радиусу окружности (*Thierry*, 2002. Pl. IVa). Как и в предыдущем случае, Н. Тьерри датирует эту роспись VIII – началом IX в.¹

В IX–XI вв. вышеперечисленные мотивы встречаются по преимуществу в архитектурной пластике Закавказья, Малой Азии, на армянских хачкарах и в некоторых регионах Византийской империи, а также на территориях, подверженных ее культурному влиянию (центральная Греция, Киевская Русь, Болгария).

Итак, этот древний мотив (плетеный геометрический орнамент с сердцевинной в виде цветка и плетеные розетки) становятся особенно популярными в христианском искусстве не только Кавказа, но и всей Византийской империи в послеарабское время. Плетеный геометрический орнамент с цветочными розетками внутри, по наблюдениям К. Вандерхейде (*Vanderheyde*, 2020. Р. 167), распространяется из мастерских Малой Азии в IX в. на Пелопоннес и в Центральную Грецию (Скрипу, Фивы) и далее на Балканы и по всей территории Византийской империи. Более того, плетеный ленточный орнамент обычно украшает символические значимые части внутреннего и внешнего пространства византийских церквей (обрамления окон, порталов, алтарные преграды и др.).

Подводя итог, следует отметить, что рассматриваемые мотивы, которые имеют истоки в сакральном искусстве арамейев (Малая Азия,

¹ По поводу датировки этой группы церквей X в. (см.: *Epstein*, 1975. Р. 7–19; *Teteriatnikov*, 1992. Р. 99–113).

Сиро-Палестинский регион), использовались для украшения сакральных зданий и объектов в Малой Азии и на Кавказе. Однако наибольшее распространение как отдельный элемент или в составе ленточного плетеного орнамента они получают в послееарабское время (с IX в.), когда стали использоваться массово на территории Византийской империи (в том числе на Кавказе) в архитектурной декорации христианских церквей по преимуществу, чтобы отметить границу сакрального пространства (внешняя облицовка стен, порталы, обрамления окон, барабанов, алтарные преграды).

Как показывают этнографические свидетельства (традиционный костюм и орнаменты на тканях), в архитектурной декорации христианских храмов эти мотивы могли выполнять охранную функцию.

Визуальный анализ генезиса плетеного ленточного орнамента позволяет предположить, что первоосновой могло служить сочетание растительных элементов с плетеным орнаментом. Точнее та схема, что впервые фиксируется на основании колон в здании К Самале, то есть переплетающиеся круги с цветочными розетками по центру. Впоследствии именно эта композиция активно использовалась в напольных мозаиках эллинистического и раннехристианского времени, а, начиная с послееарабского времени – в архитектурной декорации христианских церквей.

Литература

- Албегова З. Х., Магомедов Р. Г., Таймазов А. И. Стелы Гочатлинского (Ортоколинского) 1-го поселения X–XII веков // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. М.: ИА РАН, 2014. С. 309–311.
- Армарчук Е. А. Резной камень IX–XI вв. у с. Веселое // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Т. И. Макаровой. М.: ИА РАН, 2021. С. 34–61.
- Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, 1966. 205 с.
- Ендольцева Е. Ю. Стелы с 1-го Гочатлинского поселения: иконографический контекст // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. М.: ИА РАН, 2014. С. 345–348.
- Ендольцева Е. Ю. Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). М.: ИВ РАН, 2020. 432 с.
- Ендольцева Е. Ю. Образ змея-дракона в архитектурной декорации христианских храмов на Кавказе в эпоху Средневековья // Россия. Грузия. Христианский Восток. Духовные и культурные связи. Сборник статей по материалам VIII Научных чтений, посвященных памяти Д. И. Арсенишвили. М.: Музей им. А. Рублева, 2021. С. 167–177.

- Менушавили Р., Цинцадзе В.* Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шида-Картли. Тбилиси: Мецниереба, 1975. 195 с.
- Шмерлинг Р. О.* Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси: издательство АН Грузинской ССР, 1962. 293 с.
- Armenia sacra. Mémoire chrétien des Arméniens (IV–XVIII siècles) / Sous dir. J. Durand, I. Rapti, D. Giovannoni.* Paris: Somogy Louvre éditions, 2007. 471 p.
- Burchuladze N., Cheishvili G., Chkhikvadze N., Gagoshidze G., Gujejiani R., Khizanishvili N., Kudava B., Poniava N., Saitidze G., Zhghenti N.* Tao-Klarjeti. Historical and cultural essays. Tbilisi: Artanuji, 2018. 598 p.
- Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E.* Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi: Cezanne, 2017. 378 p.
- Epstein A. W.* The iconoclast churches of Cappadocia // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham: University of Birmingham, 1975. P. 7–19.
- Grabar A.* Sculpture byzantine de Constantinople (IV–X siècle). Paris: Libr. Adrien Maisonneuve, 1963. 139 p.
- Maguire H.* Magic and geometry in early Christian floor mosaics and textiles // JÖB. 1994. Bd 44. S. 265–274.
- Niewöhner Ph.* Byzantine Ornaments in Stone. Architectural Sculpture and Liturgical Furnishings. Berlin; Boston: De Gruyter, 2021. 200 p.
- Teteriatnikov N.* The Frescoes of the Chapel of St. Basil in Cappadocia: Their date and context reconsidered // CA. 1992. № 40. P. 99–113.
- Thierry N.* La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Age. (Series: Bibliothèque de l'Antiquité Tardive 4). Turnhout: Brepols Publishers, 2002. 412 p.
- Thierry N.* La croix en Cappadoce. Typologie et valeur representative // Le site monastique copte des Kellia. Sources historiques et explorations archéologiques. Actes du Colloque du Genève. Genève: Mission suisse d'archéologie copte de l'Université de Genève, 1986. P. 201–203.
- Vanderheyde C.* La sculpture byzantine du IX au XIV siècle. Contexte. Mise en oeuvre. Décors. Paris: Editions Picard, 2020. 361 p.
- Wartke R.–B. Sam'al.* Ein aramäischer Stadtstaat des 10. Bis 8. Jhs. v. Chr. Und die Geschichte seiner Erforschung. Mainz am Rhein: von Zabern, 2005. 96 p.

Рис. 1. Церковь в Кобете. Навершие окна. X в.
Фото автора.

Рис. 2. Церковь в Надарбазеве. Навершие окна. X в.
(*Dadiani, Khundadze, Kvachatadze, 2017. Il. 216*).

Рис. 3. Церковь в Тбете. Навершие окна. X в.
Фото автора.

Рис. 4. Церковь в Убиси. Навершие окна X в.
Фото автора.

Рис. 5. Обрамление восточного окна церкви в Джойсубани (X в.)
(*Dadiani, Khundadze, Kvachatadze, 2017. II. 270*).

Рис. 6. Резное украшение собора в Никорцминда. Южная сторона. XI в.
Фото автора.

Рис. 7. Собор в Никорцминда.
Украшение круглого окна с северной стороны. XI в. Фото автора.

Рис. 8. Перемычка портала южного фасада церкви в Диди Гомарети (XI в.)
(*Dadiani, Khundadze, Kvachatadze, 2017. II. 469*).

Рис. 9. Стела из постройки № 13. Гоцатлинского (Ортоколинского) 1-го поселения X–XII вв. (*Албегова, Магомедов, Таймазов, 2014. Рис. 1, 3*).

Рис. 10. Фрагмент эпистили темплона из музея Бергама
(*Niewöhner*, 2021. Fig. 66).

Рис. 11. Плита алтарной преграды из музея Ялвач в Писидии
(*Niewöhner*, 2021. Fig. 430).

Рис. 12. Эпистиль темплона из музея в Измире
(*Niewöhner*, 2021. Fig. 437).

Рис. 13. Мраморная плита из Коринфа
(*Vanderheyde*, 2020. Fig. 79).

Рис. 14. Фрагмент алтарной преграды из Монастири. Рубеж XIII–XIV вв.
Фото автора.

Рис. 15. Поклонный крест из Болниси (VI–VII вв.)
(*Dadiani, Khundadze, Kvachatadze, 2017. II. 129*).

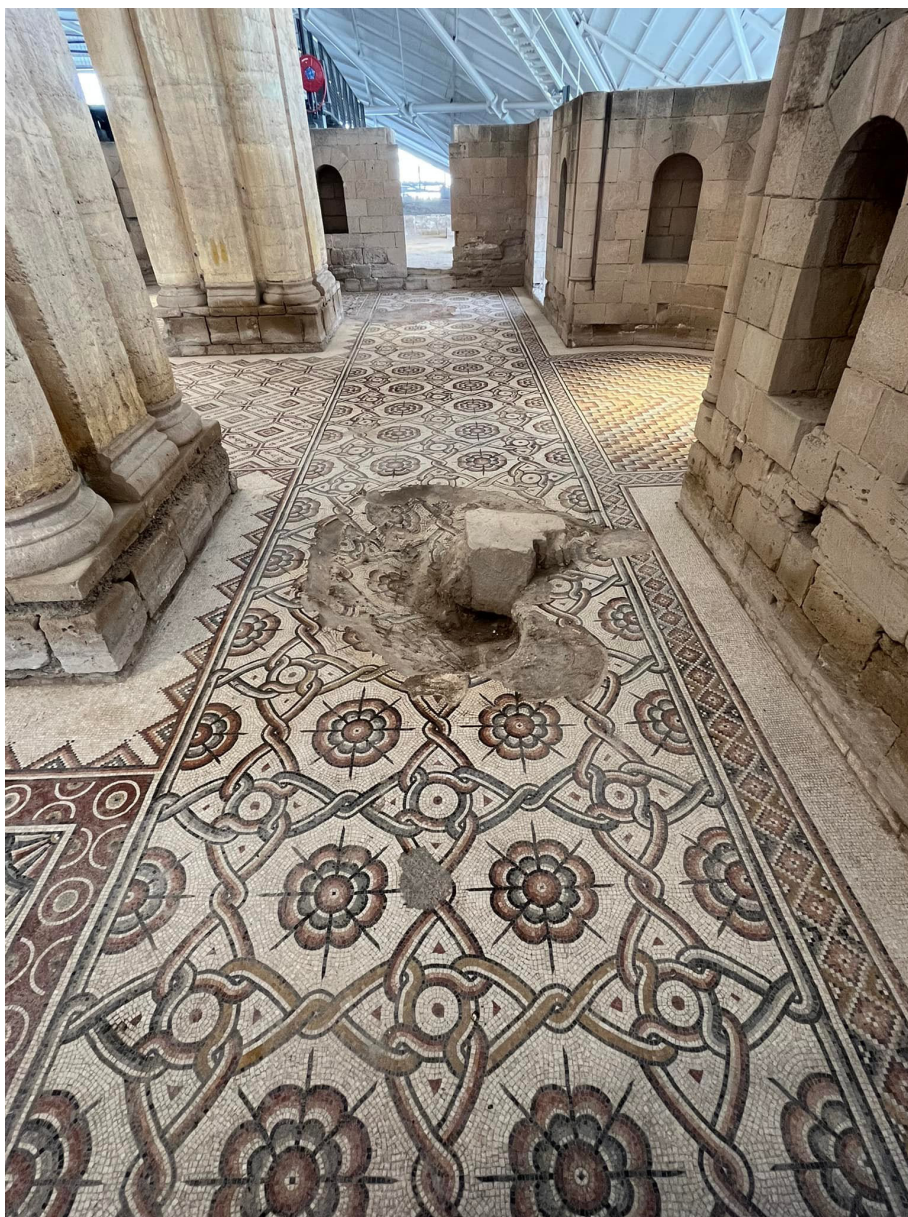

Рис. 16. Фрагмент мозаичного украшения из дворца Хишама
(Хирбат аль-Мафьяр, нач. VIII в., близ Иерихона
<https://fishki.net/3989732-v-ierihone-nashli-gigantskuju-drevnjuju-mozaiku/gallery-10026888-photo.html>

Рис. 17. Фрагмент мозаики римского времени в Амасии (II–III вв.)
<https://boldmedya.com/2020/07/20/1800-yillik-amasya-elma-mozaigi-sergileniyor/>

Рис. 18. Фрагмент мозаичного пола из церкви Алмерида на Крите (VI в.)
<https://tocrete.com/chania/cities/almyrida>

Рис. 19. Ритуальное серебряное блюдо из клада, найденного близ г. Масон (Франция).

Рис. 20. Основания колон из здания К. Самаль (Wartke, 2005. Abb. 40).

E. Y. Endoltseva

**BRAIDED RIBBON ORNAMENT IN CAUCASUS
IN THE PERIOD OF MACEDONIAN DYNASTY:
ORIGINS AND MEANING OF THE MOTIF
(EXAMPLE OF ARCHITECTURAL DECORATION)**

Abstract: the article deals with the braided ribbon ornaments in the architectural decoration of Christian churches in Caucasus with the focus on the period between 9th and 11th centuries. This ornament in different variations became widespread in Caucasus and on the territory of Byzantine empire in the period after Arab's invasion. The origin of it is in the ancient sacral culture of Asia Minor and Middle East. It appears for the first time (in form of braided band ornament with flower rosettes in the center of braided circles) in the decoration of cult building in Sam'al (10th–8th BC). Later it was used in the decoration of the floor mosaics of the Roman period and in Paleochristian churches. It is also present in the Christian art of Copts and Cappadocia. Vernacular cult stellae (10th–12th AD) from Gotsatlin settlement and the ethnographic witnesses (amulets, decoration of traditional house) prove that the braided ribbon ornament functioned as apotropeia (in Christian context as well). Its popularity in after Arab period (all around Byzantine empire) could probably be explained by a specific process of self-identification of the people from Asia Minor.

Keywords: braided ribbon ornament, architectural decoration, Caucasus, Macedonian dynasty, relief, altar barrier, mosaic, apotropaia

В. Н. Чхаидзе

ПРЕДМЕТЫ МЕЛКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ РАСКОПОК В СЕВЕРНОМ ЗЕЛЕНЧУКСКОМ ХРАМЕ (1867 Г.)¹

Резюме: в статье рассматриваются практически забытые в историографии предметы мелкой христианской пластики, происходящие с территории Алании. В 1867 г. в Нижнем Архызе, некогда столице Аланской епархии, производились раскопки в Северном Зеленчукском храме, в центральной апсиде которого были найдены два серебряных с позолотой медальона с изображениями святых, костяная иконка, а также костяная накладка на ларец. В настоящее время предметы утеряны. Раскопки проводились членами Императорского Русского археологического общества (РАО) Н. А. Нарышкиным (1839–1876) и его братом. Фотографические изображения неудовлетворительного качества этих предметов вместе с отчетом были сданы Нарышкиным в Архив РАО и забыты. Приводится описание вещей, высказывается предположение, что на первом из медальонов присутствует изображение св. Иоанна Богослова (а не св. Евангелиста Матфея), качество фотографии второго медальона не позволяет идентифицировать святого (ранее полагалось, что это Архангел Гавриил). Вероятно, медальоны использовались в качестве украшений для толстой (деревянной?) обложки напрестольного Евангелия. На костяной иконке присутствует изображение св. Иоанна Богослова. Костяная накладка на ларец – с так называемым розеточным орнаментом. Подобные ларцы и их фрагменты хорошо известны в Византии и ее провинциях. Судя по всему, вторая накладка от этой же шкатулки, была обнаружена в этом же храме при раскопках у апсиды в 1960 г. Можно полагать, что все эти предметы были изготовлены в XI–XII вв. (не позже начала XIII в.) в Византийской империи или в ее провинциальных городах, откуда и попали в Аланию. Однако, разгром города и его храмов монголами в первой трети XIII в. оказался неожиданным, вследствие чего церковная утварь в Северном Зеленчукском храме была разграблена и разбита.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Алания; Византия; историография; мелкая христианская пластика; иконография

Начиная с X в. и до первой трети XIII в. территория исторической Алании (восток Краснодарского края – северные районы Чечни) являлась

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01488 по теме «Христиане Северного Кавказа X–XIII веков: исторический, социальный и демографический портрет», <https://rscf.ru/project/22-28-01488/>.

религиозно-культурным перекрестком между Западом и Востоком. С принятием христианства в 914 г. Аланская церковь переживает расцвет (*Белецкий, Виноградов, 2011. С. 19–65*). Территория городища Нижний Архыз (Карачаево-Черкесская Республика) (название города в источниках не сохранилось) является церковной столицей Алании – здесь строятся три крупных храма (один из которых Северный Зеленчукский, вероятно, являлся кафедральным) и не менее 15 малых церквей.

Таким образом, происходящие с территории Алании предметы мелкой христианской пластики, как объекты церковной археологии, позволяют раскрыть новые данные по средневековой истории Предкавказья, так как привносят разнообразную информацию о жизни местной религиозной общины и отдельных ее членов. Так, здесь хорошо известны находки многочисленных крестов-энколпионов и крестов-тельников X–XIII вв. прежде всего, византийского провинциального, изредка древнерусского, а также местного происхождения – в том числе из раскопок в Нижнем Архызе (*Кузнецов, 1961. Л. 235–236. Рис. 15, 1–2; Чхаидзе, 2021. С. 288–298. Илл. 6–13*).

Ряд предметов мелкой пластики, имеющих византийское происхождение, непосредственно связан и с аланскими храмами. Из раскопок 1960 г. в Северном Зеленчукском храме, происходит выносной крест 1067 г. с греческой надписью (*Кузнецов, 1960. Л. 185–186; Рис. 65–66; Он же. 1964. С. 148–149; Он же. 1993. С. 218–219. Рис. 146, 1; Он же. 2017. С. 112, 282–283; Скржинская, 1961. С. 119–126. Рис. 1–2; Чхаидзе, 2021. С. 284–285. Илл. 4, 1*). В 1976 г. при раскопках внутри Сентинского храма, в гробнице 1 было найдено золотое украшение с перегородчатой эмалью – изображением птицы, относимое к XI в. (*Макарова, Марковин, 1981. С. 270–273. Рис. 3–5*). При раскопках 1986 г. возле Северного Зеленчукского храма, в одном из погребений был обнаружен серебряный с позолотой двухсторонний медальон с вероятным изображением свв. Феодора Стратилата и Феодора Тирона, датируемый XI–XII вв. (*Чхаидзе, 2022. С. 118–121. Рис. 1*).

В этом контексте, следует обратиться к практически забытым находкам, обнаруженным в 1867 г. во время первых раскопок Северного Зеленчукского храма. Здесь, в центральной апсиде были найдены два серебряных с позолотой медальона с изображениями святых, костяная иконка с изображением св. Иоанна Богослова, а также костяная накладка на ларец.

Раскопки производились членами Императорского русского археологического общества братьями Нарышкиными, которые с июня по октябрь 1867 г. совершили путешествие на Кавказ с целью изучения памятников археологии. В различных местах братьями производились

археологические раскопки, в том числе, при посещении Нижнего Архыза, в период с 25 по 27 сентября были частично раскопаны все три храма, ныне известные как Северный, Средний и Южный.

Нарышкиных сопровождал фотограф и художник М. Астафьев, который впервые сделал фотографии и снял чертежи христианских храмов в Карачае, в том числе и Северного Зеленчукского (Рис. 1, 2).

К сожалению, известно имя только старшего из братьев.

Николай Александрович Нарышкин (1839–1876) – представитель одной из ветвей дворянского рода Нарышкиных – старший сын штабс-капитана лейб-гвардейского Московского полка, Александра Михайловича Нарышкина (1801–1846) от второго брака с Анастасией Яковлевной Казариновой (1820–1872). Родился в отцовском имении – Александровском Мосальского уезда Калужской губернии. У Николая Александровича было трое младших братьев: Яков (р. 1842), кандидат прав; Кирилл (1844–1883), поручик; Михаил (1845–1916), штабс-ротмистр². В 1870 г. Николай Нарышкин в чине гвардии-поручика занимал должность Мосальского уездного предводителя дворянства; он умер в 37 лет и был похоронен в фамильном склепе при построенном в 1861 г. его матерью храме Александра Невского в селе Александровском (ныне Новоалександровское Калужской области) (Лобанов-Ростовский, 1895. С. 12, 15, 463, №№ 74, 93, 95, 96, 97; Пионтковская, 2009. С. 4).

Надо полагать, ввиду ранней смерти и забвения Н. А. Нарышкина, являвшегося членом Императорского русского археологического общества, ему не нашлось места в библиографическом словаре членов РАО (см.: Жебелёв, 2017), хотя сведения, о произведенных им совместно с братом раскопках в Карачае, скупы, но встречаются в археолого-историографической литературе (Стеганцева, Рысин, 2009. С. 663).

Написанный в Махачкале, после «Путешествия» рукописный Отчет, в январе 1868 г. был доставлен Н. А. Нарышкиным в Археологическое Общество (указания на первой и последней страницах рукописи) вместе с 24 листами планов, фотографий и рисунков. В настоящее время эти материалы находится на хранении в Архиве ИИМК РАН (Ф. 3. № 536). А спустя год после смерти Н. А. Нарышкина, Отчет, практически полностью и дословно был опубликован в Известиях Императорского русского археологического общества (1877. Том VIII. Вып. 4).

Раскопки в Северном храме, а также обнаружение находок описаны следующим образом: *«Расположившись для отдыха возле первой церкви, мы сперва занялись фотографией и составлением плана, а после полудня приступили к раскопкам внутри среднего алтаря, на том*

² Доподлинно не известно, кто именно из братьев сопровождал Н. А. Нарышкина в его «путешествии».

месте, где был прежде престол. Работая без остановки до вечера мы с большим трудом очистили небольшое пространство от слоя кизяка почти в два аршина толщиной, после чего стали попадаться камни, отвалившиеся от верха кирпича и между ними птичьи и бараньи кости, а также осколки обыкновенной глиняной посуды и стекла. На глубине двух с половиной аршин показался бывший пол церкви, устланный плитами и сверху замазанный глиною красного цвета. По осмотру пола я мог предполагать, что тут не были произведены раскопки и расхищения, и с особою осторожностью следил за ходом работ. Скоро стали попадаться металлические листки, сохранившие следы чеканных орнаментов, но металл до того подвергся окислению, что от прикосновения тотчас крошился в мелкие кусочки. Затем, выбирая землю руками и тщательно рассматривая каждую пригоршню, мы успели только очистить пространство на квадратную сажень, при этом в разных местах были найдены: 1) два небольших медальона, не более одного вершка в диаметре, из листового весьма тонкого, позолоченного серебра. На одном из них изображен Св. Евангелист Матфей, на другой Архангел Гавриил и греческие буквы. Они, вероятно, составляли часть украшений, бывших на деревянном кресте или крышке Евангелия, потому что небольшими металлическими шляпками еще держались на кусках сгнившего мягкого, как трут, дерева; 2) образок из слоновой или мамонтовой кости с резным изображением Св. Иоанна Богослова, с греческими буквами по углам. К сожалению, этот весьма хорошо сохранившийся образок не был найден в целости. Он также был прикреплен к чему-то костяными гвоздиками; 3) небольшой кусок верхней части креста из такой же кости с выпуклыми орнаментами в виде звезд; 4) несколько обломков серебряных чеканных пластинок, составлявших вероятно часть какого-нибудь складня или креста, также на полуистлевшем дереве. По тонкости своей металл почти насквозь окислился и распадался на куски; в числе этих обломков оказалась звездообразная пластинка, в которую были вставлены негранные стекла наподобие драгоценных камней. Поверхность этих камней не полирована. Все вещи лежали на самом полу, возле того места, где должен был находиться престол. Основание, на котором этот последний был утвержден, еще сохранилось в виде четырехугольной площадки, не более 8 вершков в поперечнике, сложенной из камней, связанных цементом; под ними лежала четырехугольная ровная каменная плита, а затем бут [...] принимая в соображение положение найденных мною предметов, можно думать, что церковь эта подверглась нападению и расхищению внезапно, когда еще не успели убрать церковной утвари, и вероятно, все оставшееся было сочтено негодным и не имеющим достаточной цены.

При этом пребывание похитителей было кратковременно, и только спустя долгое время люди стали посещать это место. Земля и мусор успели покрыть довольно толстым слоем предметы, хотя и малоценные, но любопытные для всякого хотя бы не археолога» (Нарышкин, 1867. Л. 55, 55об, 56, 56об³, 57; Нарышкины, 1877. Стб. 364–365).

Указанные в Отчете находки также были сфотографированы М. Астафьевым, фотографии (достаточно посредственного качества) обрезаны и наклеены на отдельный лист в альбоме, прилагаемом к Отчету (Рис. 3). Здесь присутствуют фотографии двух медальонов с изображениями святых, интерпретируемых как св. Евангелист Матфей и Архангел Гавриил, костяная иконка с изображением св. Иоанна Богослова, а также фрагмент костяной пластинки с розеточным орнаментом от ларца, которую Нарышкин принял за «кусочек верхней части креста». Впоследствии, при издании Отчета в Известиях РАО, в качестве иллюстраций были помещены только две литографии – медальона со «св. Матфеем» и иконки со св. Иоанном Богословом (Нарышкины, 1877. Табл. VII) (Рис. 4, 2, 5, 2), которые затем неоднократно переиздавались (см. далее), второй же медальон и фрагмент пластинки от ларца в последующей историографии не упоминались. В настоящее время местонахождение всех этих предметов не известно.

Точные размеры двух позолоченных серебряных медальонов не известны (вершок = ок. 4,445 см).

Фотоснимок первого медальона (Рис. 4, 1–2) из позолоченного серебра, с изображением (прорисовка с литографии) святого, интерпретированного как Евангелист Матфей; изображение переиздавалось несколько раз (Кузнецов, 1993. С. 219. Рис. 146, 3; Он же. 2002. Рис. 10, 3; Он же. 2017. С. 283).

Качество фотографии оставляет желать лучшего, однако хороша видна фигура бородатого святого в нимбе, обращенного влево с воздетыми руками и ряд букв от надписи по обеим сторонам фигуры (буквы не четкие, вероятно вследствие самого материала, на котором они исполнены). Литографу удалось воссоздать лишь те, которые справа от святого, если читать сверху вниз, то получается: О | – | – | Ψ что представляется бессмыслицей, так как обычно в начале имени святого и присутствует формула Ὁ ἁγίος. Однако, если допускать, что литограф не заметил на фотографии точку внутри О, то прочтение сверху вниз обретает формулу: Θ | Ι (горизонтально) | Ψ – вполне традиционное для Ὁ ἁγίος Ἰω(άννης) – с несколько необычной горизонтальной Ι в начале имени. В этом случае идентификация святого как Матфея представляется

³ В переплетенном в позднее время Отчете Н. А. Нарышкина, листы 55 (ранее 106) и 56 (ранее 105) перепутаны местами.

ошибочной. При этом, в иконографии положение святого, обращенного влево с воздетыми руками, характерно именно для изображения Иоанна Предтечи. Надпись слева, по фотографии практически не читается, но там вполне может уместиться, например: $\text{ΟΓΡΟΔΡΟΜ} = \acute{\omicron} \text{Πρόδρομ(ος)}$ – с различными вариантами сокращения⁴.

В историографии с рассматриваемым медальоном связана невольная мистификация. Так, в двух небольших работах Е. И. Нарожного с соавторами этот серебряный с позолотой медальон интерпретируется как костяная (!) иконка, оправленная в металлический многоугольник. Для медальона приводятся параллели – костяные иконки из Московской Руси XIV–XV вв. (с различными сюжетами). Соответственно, с опорой на “технологическое сходство” находка из Северного храма увязывается с контактами Верхнего Прикубанья и территории Руси в период Золотой Орды в XIV в. (*Емельянов, Нарожный, Солодовников, 2003. С. 29–30. Рис. 1, 1; Нарожный, 2004. С. 88–91*). Конечно, подобные выводы, равно как и интерпретацию, принять нельзя.

Второй медальон (Рис. 4, 3) из позолоченного серебра с изображением святого был интерпретирован Н. А. Нарышкиным как Архангел Гавриил. Фотография очень плохого качества (что, видимо, и воспрепятствовало снятию с нее литографии), затемнена, на ней можно проследить лишь поясное изображение святого, безбородого, с короткой прической и нимбом, облаченного в военные доспехи, держащего в правой руке копье, острием к левому плечу. По обеим сторонам виднеется надпись, прочесть которую невозможно. Таким образом, нельзя однозначно утверждать, какой именно персонаж изображен на этом медальоне. При этом изображения Гавриила достаточно редко встречаются в византийской иконографии. Так, если обратиться к примеру византийских печатей, то в отличие от архангела Михаила, архангел Гавриил появляется на них крайне редко: в XI в. и лишь дважды, в паре с архангелом Михаилом, а также в качестве одного из персонажей на 58 известных печатях с композицией Благовещения (*Cotsonis, 2020. Р. 61, 109*). Это объясняется незначительностью почитания Гавриила в Византии, что подтверждается и небольшим количеством церквей, ему посвященных (*Rohland, 1977. S. 134*).

Таким образом, достаточно проблематично однозначно приписать оба медальона тому или иному святому. По иконографии же их дата вполне укладывается в период XI–XII вв.

⁴ С большой натяжкой возможно допущение, что справа безграмотно написано: $\text{Θ} | \Gamma$ (горизонтально) | I (горизонтально) | $\text{Ω} = \text{O} \acute{\alpha} \gamma \omega (\varsigma)$. Слева же вполне может уместиться: $\text{ΜΑΤΘΕΟΣ} = \text{Ματθαῖος}$. Однако этому, помимо уже отмеченной ошибки в начальной формуле, противоречит и иконография изображения св. Матфея, который практически всегда присутствует на предметах мелкой христианской пластики, в сфрагистике и в иконописи с Евангелием в руках.

Относительно предназначения медальонов – здесь видимо следует согласиться с мнением Н. А. Нарышкина, что они (как и другие, утраченные медальоны) использовались в качестве украшений толстой (деревянной?) обложки напрестольного Евангелия, к которой крепились металлическими шляпками.

Резная костяная иконка (Рис. 5, 1–2) подквадратной формы, с изображением св. Иоанна Богослова. Размеры не известны. Изображение (прорисовка с литографии) неоднократно переиздавалось (*Кузнецов*, 1971. С. 192. Рис. 30, 5; *Он же*. 1993. С. 219. Рис. 146, 4; *Он же*. 2002. Рис. 10, 4; *Он же*. 2017. С. 283; *Науменко, Душенко*, 2019⁵. С. 231. Рис. 8, 2; *Науменко*, 2020. С. 268. Рис. 2, 2). В данном случае качество фотографии вполне оптимальное, чем у двух медальонов, это позволяет прочесть надпись, расположенную по обеим сторонам от святого: Ⓐ | ΙΩ – Ο | ΘΕΟ | ΛΟ | ΓΟ. = 'Ο ἁ(γίος) Ἰω(άννης) ὁ Θεολόγος[ς].

Св. Иоанн Богослов изображен погрудно, вполоборота (³/₄) вправо, с несколько склоненной головой, над нею – нимб, украшенный рельефным пунктиром. Двумя руками он держит открытое Евангелие, обложка которого орнаментирована ромбом и пунктирами. Правая сторона иконки обломана, по бортику присутствуют (и видны следы в месте облома) семь отверстий, которые появились уже после изготовления иконы, во вторичном использовании и предназначались для ее крепления к какой-то основе.

Ближайшей аналогией (по общности композиции, а также территориально) нашей иконке является фрагментированная иконка, обнаруженная в 2017 г. в скальной гробнице у т.н. «церкви 2015» на городище Мангуп. По археологическому контексту иконка отнесена к концу XIII – началу XIV вв. (*Науменко, Душенко*, 2019. С. 226–232. Рис. 6, 9; *Науменко*, 2020⁶. С. 263–269. Рис. 1).

В качестве параллелей иконографического образа рассматриваемой иконки можно привести несколько примеров с аналогичными композициями, присутствующими на нескольких иконках, изготовленных из стеатита. Иконка рубежа XII–XIII вв. из Киева⁷ (*Даркевич*, 1975. С. 275, № 13. Ил. 407; *Николаева*, 1983. С. 24. Табл. 7, 3; *Пескарская, Пуцко*, 1991. С. 134–135. Фото 5; *Пуцко*, 1994. С. 84. Ил. 5, 2; *Он же*. 1996. С. 379. Табл. II, 2). Иконка – вставка в реликварий XIII в. из Мдины на Мальте (*Kalavrezou-Maxeiner*, 1985. P. 180–184, no. 102. Pl. 51; *Науменко*,

⁵ В этой статье, так же как и в следующей, в качестве места находки иконки неверно указан Средний Зеленчукский храм.

⁶ В этих статьях достаточно полно проработаны иконография, прототипы и аналогии иконке (с привлечением экземпляра из Северного храма), что, в общем, избавляет от повторов в настоящей работе.

⁷ На иконку нанесена надпись Προδρόμ(ο)ς (т.е. Предтеча), противоречащая иконографическому образу – видимо, она была процарапана позже ее изготовления.

Душенко, 2019. С. 230. Рис. 7, 5). Округлая двусторонняя иконка XIII в. с Богоматерью Знамение и Иоанном Богословом из ГИМа (Николаева, 1983. С. 58–59, № 41. Табл. 10, 5).

В целом, рассмотренную иконку можно датировать XII – началом XIII в. Верхняя дата связана с разорением Северного храма.

Последняя находка (Рис. 6, I) – накладка на ларец из резной кости с т.н. розеточным орнаментом – восьмилепестковыми розетками, заключенными в круг. Судить о ней можно только по фотографии. Размеры не известны. Подобные костяные розеточные ларцы и шкатулки X–XII вв. и их фрагменты очень хорошо известны в Византии и на ее периферии, где и изготавливались (Goldsmith, Weitzmann, 1930; *Idem.* 1934; Davidson, 1952. P. 135, no. 949. Pl. 69; Даркевич, 1963. С. 413. Рис. 1, 2; Он же. 1975. С. 276–277, № 6–7. Ил. 212–215, 217, 266, 303–304, 328, 392, 394, 395, а–в, д; Банк, 1966. С. 300–301. №№ 134–139; Она же. 1978. С. 82–83. Рис. 64, 65; Она же. 1981. С. 110, 112. Рис. 3; Кузнецов, 1971. С. 192. Рис. 30, 4; Он же. 1993. С. 178. Рис. 121, 2; Искусство Византии, 1977. С. 107–108, № 600–605; Гуревич, 1986. С. 77. Рис. 8, I; *The Glory of Byzantium*, 1997. P. 228–234, 504–505, no. 152–157, 342; *Byzantium*, 2008. P. 124, 396–397, no. 65, 66; Андреева, 2008. С. 333–340. Рис. 1, 4; Чхаидзе, 2010. С. 471–475. Рис. 1–2; Он же. 2012. Л. 13, 32, № 20. Рис. 138, II (Рис. 6, 3); *Наследие*, 2011. С. 298, 598. № 355; Пуцко, 2011. С. 47–48; Майко, 2014. С. 155. Рис. 189, 4; и др.).

Надо полагать, фрагмент этой же шкатулки, был обнаружен спустя 93 года, при раскопках в 1960 г. у апсидальной части Северного храма (Рис. 6, 2). На лицевой стороне фрагмента вырезаны те же восьмилепестковые розетки, заключенные в круг. На оборотной стороне пластинки сохранились три костяных гвоздика для крепления к деревянной основе. Длина фрагмента – 5,7 см, ширина (видимо, как и фрагмента, найденного в 1867 г.) – 3,5 см (Кузнецов, 1960⁸. Л. 147–148. Рис. 51; Он же. 1963. С. 88; Он же. 1971. С. 192. Рис. 30, 3; Он же. 1993. С. 178. Рис. 121, I; Он же. 2017. С. 211, 238; Даркевич, 1975. С. 276, № 4; Банк, 1978. С. 82–83. Рис. 63).

Учитывая место находки двух костяных фрагментов ларца, можно сделать вывод, что некогда он, наряду с медальонами, входил в число церковных аксессуаров Северного храма. Помимо этого, возможно, что иконка с изображением св. Иоанна Богослова, наряду с другими, утраченными, крепилась к этому же ларцу.

По высокой технике исполнения все рассмотренные предметы были изготовлены в XI–XII вв. (не позже начала XIII в.) на территории Византии

⁸ В настоящее время эта накладка находится на хранении в Государственном Карачаево-Черкесском историко-культурном и природном музее-заповеднике (г. Черкесск).

или ее провинций и попали в Аланию с духовенством, присылаемым сюда из митрополии. К сожалению, как это и указал Н. А. Нарышкин, разгром Северного Зеленчукского храма оказался неожиданным, вследствие чего церковная утварь была разграблена и разбита, все, что сохранилось – это прецессионный крест с надписью, два медальона, костяная иконка и два фрагмента ларца. Вероятнее всего, эти события произошли в первой трети XIII в., когда город, как и его храмы, был опустошен монголами.

Литература

- Андреева О. А.* Резные костяные пластины от шкатулки: попытка реконструкции и толкования // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 333–344.
- Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М.: Изд-во «Советский художник», 1966. 392 с.
- Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. М.: Наука, 1978. 312 с.
- Банк А. В.* Некоторые сходные памятники средневековой мелкой пластики, найденные в Константинополе, Херсонесе и в Болгарии // *Byzantinobulgarica*. VII. Bulgaria Pontica Medii Aevi. I. Sofia, 1981. С. 109–122.
- Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М.: Индрик, 2011. 392 с.
- Гуревич Ф. Д.* Византийский импорт в городах Западной Руси в XII–XIII вв. // ВВ. 1986. Том 47. С. 65–81.
- Даркевич В. П.* О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре // Славяне и Русь. М.: Наука, 1963. С. 410–419.
- Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: «Искусство», 1975. 352 с.
- Емельянов О. Б., Нарожный Е. И., Солодовников Я. А.* Об одной иконке с Нижне-Архызского городища // Десятые чтения по археологии Средней Кубани. (Краткое содержание докладов). Армавир: Изд-во АГПУ, 2003. С. 29–30.
- Жебелёв С. А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Приложение: библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступит статья И. В. Тункиной [Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5]. М.: «Индрик», 2017. 672 с.
- Искусство Византии в собраниях СССР. 2. Каталог выставки. Искусство эпохи иконоборчества. Искусство IX–XII веков. Под ред. А. В. Банк и О. С. Поповой. М.: Советский художник, 1977. 156 с.
- Кузнецов В. А.* Отчет о работе Зеленчукского отряда Северокавказской экспедиции Института археологии Академии наук СССР в 1960 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 2183, 2183б.

- Кузнецов В. А. Археологические исследования в Карачаево-Черкесской АО в 1961 году. Нижне-Архызское городище // Полный научный отчет о работах Объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ), проведенной летом 1961 года. М. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2320, 2320г.
- Кузнецов В. А. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960–1961 гг.) // КСИА. 1963. Вып. 96. С. 86–93.
- Кузнецов В. А. Северный Зеленчукский храм X века // СА. 1964. № 4. С. 136–150.
- Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: «Ир», 1971. 198 с.
- Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: «Кавказская библиотека», 1993. 464 с.
- Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Владикавказ: «Ир», 2002. 159 с.
- Кузнецов В. А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск: СНЕГ, 2017. 320 с.
- Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Том второй. Издание второе. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1895. 481 с.
- Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. Киев: Крымский филиал ИА НАНУ, 2014. 467 с.
- Макарова Т. И., Марковин В. И. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма // СА. 1981. № 3. С. 268–274.
- Нарожный Е. И. Еще раз о костяной иконке с Нижнего Архыза (Карачаево-Черкесия) // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 1. Краснодар: «Кубанькино». 2004. С. 88–91.
- Нарышкин Н. А. Отчет братьев Нарышкиных 1867 года о путешествии на Кавказ и альбом к нему // Архив ИИМК РАН. Ф. 3. № 536 / № 273.
- Нарышкины: Отчет, гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью, в 1867 году // Известия Императорского русского археологического общества. Том VIII. Вып. 4. СПб.: Типография Императорской АН, 1877. Стб. 325–368.
- Наследие византийского Херсона. Сост. Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев. Севастополь; Остин: Телескоп, 2011. 708 с.
- Науменко В. Е. Некоторые проблемы датировки памятников византийского прикладного искусства с помощью методов археологии и искусствоведения (на примере иконки св. Иоанна Богослова из раскопок Мангупа) // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь; Керчь: ЦАИ БФ «Деметра», 2020. С. 262–272.
- Науменко В. Е., Душенко А. А. Уникальная византийская костяная иконка из раскопок Мангупского городища // МАИЭТ. 2019. Том XXIV. С. 217–249.
- Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / САИ. 1983. Вып. Е1–60.
- Пескарская Л. В., Пуцко В. Г. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия. Киев: Наукова Думка, 1991. С. 131–138.
- Пионтовская Е. Ю. Последний приют дворян Нарышкиных // Весть. № 322. Калуга: ГП «Облиздат», 2009. С. 4.

- Пуцко В. Г. Византийские мастера XIII в. на Руси // *Byzantinorussica*. № 1. М.: Скрипторий, 1994. С. 76–97.
- Пуцко В. Г. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII–XIII вв. // *ByzSlav*. 1996. Tome LVII. Fasc. 2. С. 376–390.
- Пуцко В. Г. Візантійське пластичне мистецтво середньовічного Криму // *Археологія*. 2011. № 4. С. 45–59.
- Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из средневековой Алании (Северный Кавказ) // *ВВ*. 1961. Том 21. С. 119–126.
- Стеганцева В. Я., Рысин М. Б. Императорская археологическая комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 661–782.
- Чхаидзе В. Н. Костяные пластины с изображением грифонов из раскопок Таманского городища // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь: Крымское отделение ИВ НАНУ, 2010. С. 471–481.
- Чхаидзе В. Н. Отчет об исследовании на Территории Таманского городища (Гермонасса–Тмутаракань). Раскоп «Нагорный» (ст. Тамань Темрюкского р-на Краснодарского края) в 2012 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 35813.
- Чхаидзе В. Н. Кресты Алании (X–XIII вв.) // Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. 2-е издание, исправленное. М.: ИВ РАН, 2021. С. 282–298.
- Чхаидзе В. Н. Серебряный медальон XI–XII вв. из Нижнего Архыза // *АДСВ*. 2022. Вып. 50. С. 116–122.
- Byzantium 330–1453*. Edited by R. Cormack and M. Vassilaki. London: Royal Academy of Arts, 2008. 496 p.
- Cotsonis J. A. The Religious Figural Imagery of Byzantine Lead Seals II. Studies on Images of the Saints and on Personal Piety*. London; New York: Rout edge, 2020. xxiv + 326 p.
- Davidson G. R. Corinth*. Vol. XII. The Minor Objects. Princeton: The American School of Classical Studies in Athens, 1952. xvi + 366 p., ill., 148 pl.
- Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinsculpturen des X.–XIII. Jahrhunderts*. Bd. I: Kärsten. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1930. 75 s., ill., LXXVI pl.
- Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinsculpturen des X.–XIII. Jahrhunderts*. Bd. II: Reliefs. Berlin: Bruno Cassirer. 1934. 96 s. ill., LXXX pl.
- Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite [Byzantina Vindobonensia. Bd. XV]*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985. 252 p.
- Rohland J. P. Der Erzengel Michael, Arzt und Feldherr: Zwei Aspekte des vor-und frühbyzantinischen Michaelskultes*. Leiden: E. J. Brill, 1977. 156 s.
- The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A. D. 843–1261*. Edited by Helen C. Evans and William D. Wixon. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. 574 p.

Рис. 1. Северный Зеленчукский храм. Вид с юго-востока.
Фото М. Астафьева, 1867 г. (Архив ИИМК РАН. Р-1. № 273, лист 15).

Рис. 2. Северный Зеленчукский храм. Вид с юго-запада.
Фото М. Астафьева, 1867 г. (Архив ИИМК РАН. Р-1. № 273, лист 16).

Рис. 3. Северный Зеленчукский храм. Вещи найденные при раскопках.
Фото М. Астафьева, 1867 г. (Архив ИИМК РАН. Р-1. № 273, лист 17).

Рис. 4. Серебряный позолоченный медальон с изображением святого (Иоанн Предтеча?): 1 – фото; 2 – литография.
Серебряный позолоченный медальон с изображением неизвестного святого (Гавриил?): 3 – фото.

Рис. 5. Костяная иконка с изображением св. Иоанна Богослова:
1 – фото; 2 – литография.

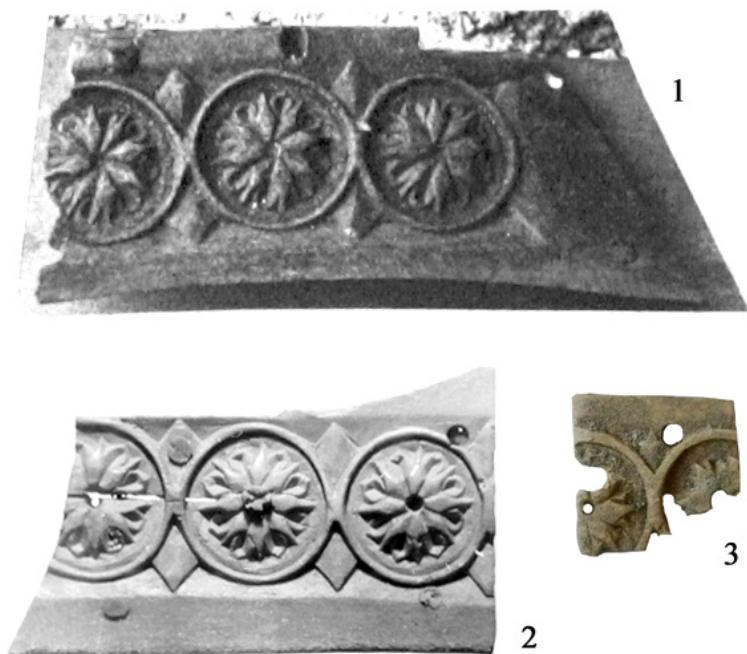

Рис. 6. Костяные накладки на ларец. Северный Зеленчукский храм:
1 – раскопки 1867 г.; 2 – раскопки 1960 г.
Таманское городище: 3 – раскопки 2012 г. (Нагорный, пл. Г24, яма 4).

V. N. Chkhaidze

**SMALL CHRISTIAN PLASTIC OBJECTS
FROM EXCAVATIONS
IN THE NORTHERN ZELENCHUK CHURCH (1867)**

Abstract: the article deals with the objects of small Christian plastic art, almost forgotten in historiography, originating from the territory of Alanya. In 1867, in Nizhny Arkhyz, once the capital of the Alan diocese, excavations were carried out in the Northern Zelenchuk church, in the central apse of which two silver-gilded medallions with images of saints, a bone icon, and a bone overlay on the casket were found. The items are currently lost. The excavations were carried out by members of the Imperial Russian Archaeological Society (RAO) N. A. Naryshkin (1839–1876) and his brother. Photographic images of unsatisfactory quality of these items, together with the report, were handed over by Naryshkin to the RAO Archive and forgotten. The description of things is given, it is suggested that on the first of the medallions there is an image of St. John the Baptist (and neither St. Matthew the Evangelist), the quality of the photo of the second medallion does not allow identifying the saint (previously it was believed that this was the Archangel Gabriel). Probably, the medallions were used as decorations for the thick (wooden?) the covers of the altar Gospel. On the bone icon there is an image of St. John the Theologian. The bone overlay on the casket is with the so-called rosette ornament. Similar caskets and their fragments are well known in Byzantium and its provinces. Apparently, the second overlay from the same casket was found in the same temple, during excavations at the apse in 1960. It can be assumed that all these items were made in the 11th–12th centuries (no later than the beginning of the 13th century) in the Byzantine Empire or in its provincial cities, from where they came to Alanya. However, the defeat of the city and its temples by the Mongols in the first third of the 13th century. It was unexpected, as a result of which the church utensils in the Northern Zelenchuk church were looted and smashed.

Keywords: North Caucasus; Alania; Byzantium; historiography; small Christian objects; iconography

Е. И. Нарожный

К ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИДАРЬЯЛЯ

Резюме: опираясь на выводы своих предшественников, автор вполне разделяет их основные тезисы о специфике системы религиозных представлений средневекового населения Восточного Придарьяля. Система эта обозначена ими как «синкретическая», как симбиоз дохристианских и христианских норм» и как «этнизованное христианство», что вполне отражает интересующие нас особенности. Их мы дополняем сведениями «брата Журдена» (XIV в.) о «христианах» из «Каспийских гор», приносящих «на кресте в жертву овец». Созвучными им являются описания И. Шильтбергером деятельности миссионеров из ордена кармелитов в «гористой стране Джулат». На этом фоне интерес вызывает и уже опубликованная коллекция «крестов с восемью медальонами на концах». Такие предметы – с парными медальонами – не совсем удачно обозначены как «псевдоэнколпионы» или «имитации энколпионов». Два «полных» их образца – в Змейском в Северной Осетии и Келийском могильниках в горной Ингушетии – дают повод рассматривать другие предметы как створки от энколпионов. Микротопография нахождения предметов в трех захоронениях (Даргавс, Змейский и Келийский могильник) указывают на возможность восприятия их владельцев при их жизни как местных священнослужителей (?). Размытость изображений, особенно в медальонах на концах створок – реальные свидетельства для их восприятия как ремесленных реплик-копий, по всей видимости, тиражировавшихся по оттиску с имевшейся копии. Длительное использование таких изделий на компактной территории Предкавказья позволяет строить и иные версии по интересующему нас поводу, но связывать их происхождение в неразрывной связи с Аланской епархией и, возможно, столицей Алании – городом Магас (территория т.н. «Нижне-Джулатского» городища в Кабардино-Балкарской Республике).

Ключевые слова: Северный Кавказ, кресты, энколпионы и их подражания с парными медальонами на концах, Аланская епархия, византийско-кавказские отношения

Среди предметов мелкой христианской пластики (Рис. 1) их подборку открывает находка двустворчатого энколпиона, в 1987 г. обнаруженного среди погребального инвентаря одного из каменных ящиков Келийского могильника, ныне – Джейраховский район горной Ингушетии с захоронением в нем взрослой женщины. (Нарожный, 1989). Предмет находился под

нижней челюстью погребенной, обе створки энколпиона лежали одна над другой, рельефным изображением Распятия вверх. По обе стороны от верхней части энколпиона отмечены два разных фрагмента бронзовых цепочек, относящихся к предмету. Энколпион, насколько можно судить, лежал поверх средней части низки украшений из нескольких стеклянных и каменных бусин вперемешку с раковинами каури. Эта низка составляла ожерелье погребенной, изначально располагавшегося чуть выше энколпиона. По другим предметам погребального инвентаря – двум серьгам и двум подвескам в виде знака вопроса с «виноградной гроздью»¹ на нижней части стержня, находившихся по разные стороны от черепа, синхронен им и пластинчатый перстень со стеклянной вставкой – захоронение, как и основная масса исследованных в 1987–1988 гг. других погребений могильника, было датировано XIII–XIV вв. (Виноградов, Нарожный, 1994. С. 69–91; Нарожный, 2012; и др.), чему не противоречат и несколько нумизматических находок из нескольких захоронений Келийского некрополя (Виноградов, Нарожный, 1988. С. 44–46; Нарожный, Нарожная, 2011. С. 190–196; Они же. 2012. С. 66–73). Погребение с энколпионом на территории раскопанной части Келийского могильника не единственное, в своем инвентаре содержавшее предметы мелкой христианской пластики или иные предметы, использовавшиеся в литургии. В двух захоронениях могильника была встречена новгородская иконка с Георгием Победоносцем²; еще в одном – литейная реплика

¹ В свое время Е. И. Крупнов такие украшения рассматривал как следствие эволюционного их развития кобанских прототипов, предположение разделили С. Ц. Умаров и М. Б. Мужухоев. Версия критически была рассмотрена Р. А. Даутовой, не исключившей того, что реальными прототипами этого типа украшений могли стать такие же серьги из горной Чечни. Позднее В. А. Кузнецов, ссылаясь на серьги в виде знака вопроса с «виноградной гроздью» из погребального инвентаря могильника Недьсалаш в Венгрии, предложил их рассматривать как северокавказские образцы, занесенные туда аланами-мигрантами (обзор версий см.: Нарожный, 2020. С. 72). Г.В. Владимиров приводит такие же серьги из Сербии, Косова, Болгарии и др. (Владимиров, 2018. С. 23, 31. Рис. 13, 4, 21, 4–5, 14, 1–3; также см.: Он же. 2019). Логически находки эти расширяют географию предполагаемой В. А. Кузнецовым европейской миграции северокавказских алан, если, конечно, на этот счет будут приведены серьезные и надежные аргументы, которых пока нет. Сегодня такие же серьги хорошо известны и среди раскопного материала с территории разных золотоордынских городищ и захоронений могильников, никак не связанных с северокавказскими аланами.

² Есть все основания полагать, что вторая такая же иконка в свое время хранилась в осетинском святилище Реком (Нарожный, Нарожный, 2011. С. 223–229). Появление таких предметов в регионе заманчиво связывать с активной деятельностью новгородских ушкуйников, как известно, на своих ушкуях добивавшихся до Нижней Волге, во время таких передвижений они не «брезговали» даже торговлей своими новгородскими сородичами. Возможно, кто-то из таких «новгородцев» вполне уже в качестве рабов (?) золотоордынского населения мог оказаться в северокавказских владениях Золотой Орды вблизи высокогорья Восточного Придарьяля, как известно, так и не оказавшегося в системе политико-экономического диктата Золотой Орды. На факт возможного укрытия

с обратной стороны двустороннего змеевика также новгородского происхождения (*Нарожный*, 1991. С. 40–45). В погребальном инвентаре еще одного каменного ящика этого же могильника (*Савенко*, 2017. С. 104–117) присутствовал железный крест т.н. «византийско-кавказского типа», хотя другие авторы относят их к числу сугубо «византийских» (*Тесленко*, *Мусин*, 2016. С. 204–219).

Максимально полная сводка подобных крестов в свое время была собрана и опубликована М. Н. Ложкиным и С. Н. Малаховым, сделавших основной упор на такие предметы с территории Ильичевского городища в Отрадненском районе Краснодарского края и его округи, хотя параллельно в ту же сводку были включены и сведения о таких же крестах с территории других археологических объектов региона (*Ложкин*, *Малахов*, 1996. С. 202–209). Между тем, коллекция подобных предметов ныне увеличилась статистически и расширилась географически (*Нарожный*, 2010. С. 85–87; *Малахов*, *Рудницкий*, 2012. С. 135–138; *Василиненко*, *Пьянков*, 2013. С. 265–274; *Савенко*, 2017. С. 104–117; *Нарожный*, 2022в. С. 137. Рис. 1, 5), в т.ч. и за пределами Северного Кавказа, где такой крест также был обнаружен в захоронении (*Ельников*, 2010. С. 427–434); известны такие же кресты и на южном берегу Крыма (*Мастыкова*, 2019. С. 64–80).

При характеристике известных погребальных комплексов X–XIV вв. из высокогорной зоны региона определенный исторический фон следует рассматривать в контексте длительной и неоднозначной динамики процесса христианизации региона (*Белецкий*, *Виноградов*, 2021). Однако уже длительное время возникают споры о специфике конфессиональной принадлежности погребенных в высокогорье Придарья. Одни авторы, обращая внимание на наличие в захоронениях разного количества погребального инвентаря и невзирая на встречающиеся в них предметы христианского культа, настаивали на сугубо «языческом» их характере. Другие исследователи, несмотря на наличие в захоронениях сопутствующего инвентаря, упор делали на то, что «в период средневековья на традиционные верования и культы ... заметное

части зависимого от Золотой Орды населения в неподвластном ей высокогорье указывает русский летописец. Он, описывая канун гибели в Предкавказье М.Я. Тверского, несмотря на существующую разность в локализации места развития трагических событий (исчерпывающий обзор историографический версий на этот счет см.: *Виноградов*, 1996. С. 62–71; *Богданов*, 2018. С. 119–142), свидетельствовал о том, что окружение тверского князя предложило ему укрыться в горах, сообщив: «Княже! Кони и люди готовы, бежим в горы». Тверской князь отказался, предпочтя смерть «за други своя». На основе других, известных находок предметов мелкой христианской пластики из высокогорья, включая и упомянутую выше новгородскую иконку (*Виноградов*, *Нарожный*, *Голованова*, 1991. С. 4–11), эта часть предметов связывается с той частью беглых пленников, бежавших из Золотой Орды в горы.

влияние оказало христианство. В горные районы края оно проникало неоднократно: в IX–XIV вв. преимущественно из Грузии» (*Великая, Виноградов*, 1989. С. 39). В результате наиболее общепринятыми стали такие характеристики этноконфессиональной ситуации, как «симбиоз религиозных представлений», их «синкретизм» и «этнизованное христианство» (*Бараниченко*, 1985), когда, «распространяясь по Кавказу, христианство воспринимало и адаптировало часть местных, «языческих» (точнее, дополитеистических и политеистических) религиозных традиций (а позднее, ислам – местных и христианских воззрений). В результате, возник симбиоз, с одной стороны, христианства и его кавказской подосновы, а с другой – ислама, христианства и «язычества». Внутри этих этнизированных систем продолжали жить и развиваться многие древние воззрения и культы, синкретизм элементов которых с мировыми религиями оставлял специфику кавказского варианта «народного христианства» (хорошо известного в средние века в Западной Европе) и местного ислама» (*Великая, Дударев, Ктиторов, Цыбульникова*, 2015. С. 7). Такую специфику хорошо проиллюстрировал, например, «брат Журден», католический миссионер XIV в. Описывая современную ему конфессиональную обстановку в «Каспийских горах», этот «брат Журден» отмечал: *«Скажу о Каспийских горах, что там на кресте приносят в жертву овец, и делают это люди, называющие себя христианами, хотя вовсе они не христиане. Ничего не смыслят они в вере»* (*Чудеса*, 1968. С. 156). Не менее любопытно и чуть более позднее по времени свидетельство бывшего участника одного из последних крестовых походов И. Шильтбергера. Попав в плен и после службы у османского султана, он, возвращаясь в Европу на свою родину, оставил интересные записи о своем путешествии. В них есть и совсем не бесспорные упоминания, связываемые некоторыми исследователями то с «Верхним Джулатом» в Северной Осетии, или же «Нижним Джулатом» в Кабардино-Балкарии (об этом см.: *Нарожный*, 2022в. С. 136–146), но в них речь идет о присутствии там, «в гористой стране Джулат» активно проповедовавших миссионеров-католиков из ордена кармелитов. Священники из их числа *«не знают по-латыни, но молятся и поют по-татарски* [т.е. на местном говоре – Е. Н.] *для того, чтобы их прихожане были тверды в своей вере. При том многие язычники принимают святое крещение, так как понимают то, что священники читают и поют»* (*Путешествие*, 1867. С. 30).

Подобного рода характеристики определяют некоторые сложности, затрудняя при этом процесс объективной и беспристрастной оценки имеющегося в распоряжении археологического материала, в т.ч. не только из раскопок Келийского могильника³, поскольку там, причем и в его погребениях

³ Территория этого могильника расположена практически у подножия скалистого хребта Цей-Лам, усыпанного крупными валунами и скальными обломками. Однако

с предметами христианского культа, как правило, существуют сопутствующие им археологические материал⁴; захоронения с обильным и с не очень обильным погребальным инвентарем внутри, совсем не обязательно «языческие», поскольку в условиях характерного для горной зоны конфессионального синкретизма они могут трактоваться и как христианские, одновременно являясь при этом захоронениями представителей различных социально-элитарных групп местного горского населения. В этом смысле такими же «социально-престижными» могут быть и те погребения Келийского могильника, в которых были встречены и предметы мелкой христианской пластики; заслуживает внимания и упоминавшееся выше захоронение с железным крестом в инвентаре, которое, как справедливо полагает С. Н. Савенко, заманчиво рассматривать как погребение местного священнослужителя. Наоборот сугубо безынвентарные захоронения не обязательно сразу же атрибутировать только как «христианские», т.к. одновременно они могли относиться и к погребальным объектам представителей социальных низов горского общества.

В 2000 г., предприняв обзор периодичности и результатов христианского воздействия преимущественно на население высокогорья Северного Кавказа, по-прежнему отдавая приоритет в такой деятельности грузинским христианским миссионерам (*Нарожный*, 2000. С. 38–42), В.Б. Виноградов заметил, что мы совершенно напрасно не стали рассматривать возможность такого воздействия со стороны всем известной Аланской епархии Константинопольского патриархата (*Виноградов*, 2000. С. 21), место локализации которой почти единодушно связывают с территорией Нижне-Архызского городища в Карачаево-Черкесии. По всей вероятности, замечание это хотя бы отчасти заслуживает внимания, но применительно к «домонгольскому» времени

территория самого некрополя намеренно и заметно очищена от них (*Кочкаров, Мамаев, Нарожный, Нарожный*, 2021. С. 942, прим. 7). В центре верхней части расчищенной от камней территории могильника находился сильно склоненный к земле каменный крест со сбитой верхушкой. Его наличие само по себе является маркером конфессиональной принадлежности погребенных на могильнике.

⁴ В погребении № 9 Келийского могильника с новгородской иконкой находился, например, светлоглиняный сосуд, некоторое количество таких же керамических изделий, в ряде случаев, со следами дополнительной их раскраски по внешней поверхности органическими красителями черного и коричневого цветов. Они отмечены в нескольких захоронениях Келийского могильника. Эта группа керамики могильника из высокогорной Ингушетии, впрочем, как и некоторые иные предметы, на которые уже указывалось в литературе (*Нарожный, Тищенко*, 2020. С. 691), имеют прямые аналогии среди погребального инвентаря захоронений, например, могильника Накалакари (*Джорбенадзе*, 1991. С. 12. Рис. 3, 10), связываемого с населением соседнего Жинвальского средневекового городища в Восточной Грузии, располагавшегося по другую, грузинскую, сторону Дарьяльского горного прохода.

и не ко всей части высокогорья. На это указывает не только существующая оценка историко-культурной обстановки внутри Аланской епархии XIII–XIV вв., которая не всегда понятна и представляется последовательно. В свое время В. А. Кузнецов писал по этому поводу: *«Вряд ли мы ошибемся, полагая, что примерно с середины XIII века контроль Константинополя над Аланской епархией значительно ослабел, хотя и продолжал существовать. Аланское духовенство оказалось слугой не двух, а трех господ: византийских патриархов, золотоордынских ханов и местных владельцев»*, а под «духовной властью аланского митрополита оказалась огромная территория от побережья Абхазии до столицы Золотой Орды» (Кузнецов, 1977. С. 23), что также следовало бы оговаривать. Вероятно под этот контроль высокогорье Восточного Придарьяля с Келийским могильником на его территории не подпадало. Здесь определенный интерес представляет давно известный специалистам и исследователям акт № 132 Константинопольского патриархата, отражающий неординарность важных событий, происходивших в системе Аланской епархии Константинопольского патриархата, включая равнинные и предгорные территории Северного Кавказа. В акте, хотя и лаконично, речь идет о самовольных действиях трапезундского грека Симеона, сначала получившего от Золотой Орды ярлык, что, по известным аналогиям, должно было означать непрерываемое признание им властей Золотой Орды с последующим подчинением ей на определенных условиях. Затем Симеон незаконно «самолично» рукополагает архиереев на Кавказскую митрополию и в г.ч. в столице Золотой Орде – Сарае⁵, при этом подчинив себе и приход Танаиса⁶

⁵ С. Н. Малахов пишет о некоем «притоке верующих из Алании и Зизии во владения епископа сарайского и подонского Феогноста», руководившего, кстати и «кочующей епархией», связывая все это с последствиями вторжения монголо-татар (Малахов, 1992. С. 160). «Некие христиане из Аланской епархии жили в 1276 г. и в Сарае» (Белецкий, Виноградов, 2021. С. 39).

⁶ «Танаис» византийских источников – это территория не только Подонья. В предыдущей ссылке мы уже указывали на случаи миграции алан в т.ч. в Подонье. Другие византийские авторы какие миграции туда выводили «из Каспийских гор», в результате, аланы освоили пространство «почти всей Скифию и и «Сарматии», а также «у Меотиды и Танаиса»; уже в первой трети XIII в. они обитали вплоть до пределов «Иверии» (Бибииков, 1980. С. 136–139). Вероятно, «приход Танаиса» мог состоять из нескольких территориальных групп аланов Подонья. На этом фоне любопытным становится давний обмен мнениями И. В. Волкова и А. Н. Масловского, но связанный с другим поводом. Анализируя керамический материал золотоордынского Азака, оба автора выделили в ней группы керамического материала, технологически связанного с аланскими технологическими приемами. Однако спор вызывал у них лишь вопрос о том, являлись ли эти аланы потомками их донского населения, сохранившегося здесь еще домонгольского времени, или же – это были переселенцы, например с Кубани или из Закубанья (об этом см: Мамаев, Нарожный, 2014. С. 51, прим. 8). Вполне вероятно то, что Азак – это территория, на которой находилась некая группа аланского

в Подонье (*Древние акты*, 1888. С. 419–439). Комментируя эти данные, В. А. Кузнецов отметил: «Следует обратить внимание на то, что аланская кафедра продолжает свое существование при татарах, когда значительная часть Алании оказалась завоеванной ими и включенной в Золотую Орду. Видимо татаро-монголы считались с влиянием аланских епископов и, сохраняя кафедру, стремились использовать ее в своих интересах» (*Кузнецов*, 1977. С. 22). По всей вероятности данная характеристика, кстати говоря, требующая дополнительных комментариев, все равно не распространяется на указанные выше территории высокогорного Придарья, поскольку они, как считается, так и не подпали под политико-экономический диктат Золотой Орды. Определенную ясность здесь вносят разъяснения Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова: комментируя решение об обратном присоединении Сотириуполя к Алании в 134 г., в котором содержится «жалоба Аланского митрополита, что без Сотириуполя Аланская епархия лишена кафедрального города так как сами аланы – народ пастушеский. Из дела 1350–1365 гг. Аланского митрополита Симеона, выходца из Трапезунда, низложенного за канонические преступления (притеснение клириков Таны и закрытие их церквей, поставление женатого священника в епископы, к тому же, на не подчинявшуюся Симеону Кавкасийскую кафедру), известно, что Аланский иерарх проживал в основном в Тане на Нижнем Дону, получал ярлык от хана в Орде и поставлял епископа в Сарай и что Аланская митрополия кроме земель «вокруг Алании, Кавкасии и Ахохии, владела церквями Богородицы Утешения [...] в Трапезунте и Богородицы Афиниотиссы в Сотириуполе, а также деревнями в Понте» (Белецкий, Виноградов, 2021. С. 40).

Не совсем ясно, например, со спецификой ситуации в предгорьях этого микрорегиона, включая и непосредственную округу самого Нижнего Архыза (*Нарожный*, 2020. С. 31–32). В определенном смысле это же демонстрирует и более поздняя позиция В. А. Кузнецова по поводу мнения М. Д. Полубояриновой о ее атрибуции нескольких верхнекубанских находок (кресты-энколпионы из станицы Махошевская и из «ст. Карачаевской» (ныне г. Карачаевска))⁷, кавказовед отметил: «На наш взгляд М. Д. Полубояринова напрасно связывает эти находки с татаро-монгольским нашествием и пребыванием здесь русских пленников» и далее: «помимо находок из Махошевской и Карачаевска, Нижнеархызские энколпионы найдены в сходных ландшафтных условиях (особенно из г. Карачаевска) и с таким же успехом могут населения, также составлявшего часть «прихода Танаис».

⁷ М. Д. Полубояринова писала о них: «Мы уже приводили основания для датировки таких энколпионов временем, близким к татаро-монгольскому нашествию» (*Полубояринова*, 1978. С.127).

быть приписаны русским пленникам Золотой Орды. Но мы вынуждены вновь заметить, что в распоряжении науки сколько-нибудь серьезных данных ни о пребывании татар в XIII–XIV вв. в районе Карачаевска – Нижнего Архыза, ни о пребывании там русских пленников сведений нет» (Кузнецов, 1993. С. 217). Но и эта оценка ситуации довольно дискуссионна (Нарожный, 2022а. С. 151–162).

Воздействующее влияние Аланской епархии с центром на Нижнем Архызе, к примеру, на население высокогорья Ингушетии не только в эпоху Золотой Орды не представляется определяющим, в интересующем нас контексте внимание необходимо обращать на другое.

В последнее время появилась серия интересных публикаций, введших в научный оборот несколько, в основном, раннесредневековых, крестов с парными медальонами на их концах (их называют еще крестами с 8-ю медальонами). Среди этих публикаций – попытка сводного их рассмотрения, предпринятая А. А. Цуциевым (Цуциев, 2017а. С. 179–183; 2017б. С. 233–242), приведшая к появлению еще одной, наиболее полной, сводки таких находок, опубликованной В. Н. Чхаидзе (Чхаидзе, 2018. С. 127–133. Рис. 1), для удобства работы с которой мы ее воспроизводим ниже с незначительными дополнениями.

Сводка находок крестов-энколпионов с парными медальонами на концах:

№ 1. Две створки одного энколпиона с остатками двух различных фрагментов бронзовых цепочек от него. Были обнаружены в одиночном погребении взрослой женщины Келийского могильника (ныне – Джейраховский район Республики Ингушетия) (Рис. 1, 1). На одной створке изображение Распятия, на другой – Богородицы с младенцем на руках. Из-за отсутствия прямых или даже близких аналогий предмету находка была включена в серию других находок предметов мелкой христианской пластики с территории Северного Кавказа (Виноградов, Нарожный, Голованова, 1990. С. 7, 9–10. Рис. 1, а-б; Цуциев, 2017а. С. 180. Рис. 6; Он же. 2017б. С. 239. Рис. 6; Чхаидзе, 2018. С. 128). Находка отнесена к XIII–XIV вв. По мнению В. Н. Чхаидзе, рассматриваемый предмет, якобы, «*неверно называют двустворчатым энколпионом*» (Чхаидзе, 2018. С. 128, прим. 4), что вызывает явное недоумение.

№ 2. Створка креста с Распятием и парными медальонами происходит из материалов, судя по всему, многослойного Развальского городища близ Железноводска Ставропольского края⁸ (Рис. 1, 2) (Kouznetsov, Lebedynsky, 1999. Р. 49; Кузнецов, 2002. С. 79. Рис. 5, 5; Цуциев, 2017а,

⁸ Судя по аналогиям другого бытового памятника – «Козьи скалы», Развальское городище, скорее сего, погибло также в конце 1230-х гг. (Нарожный, 2022б. С. 161–167), что, хотя бы теоретически, позволяет и рассматриваемую нами находку створки включать в рамки хронологического периода с X–XI вв. по конец 1230-х гг.

С. 180–181. Рис. 7; *Он же*. 2017б. С. 240. Рис. 7; *Чхаидзе*, 2018. С. 128, прим. 5).

№№ 3-4. Две створки крестов – частично фрагментированный крест (утрачена верхняя часть) с Распятием и парными медальонами на концах. Размеры сохранившейся части – 48×35 мм.; второй крест полной сохранности с изображением Богородицы имеет размеры 58×40 мм, происходят с Калежского городища близ с. Каменноостское (Кабардино-Балкария) (Рис. 1, 3-4) (*Малахов, Рудницкий*, 2012. С. 127. Рис. 6а, 11; *Малахов*, 2012. С. 272. Рис. 6а, 11; *Цуцев*, 2017а. С. 180. Рис. 4–5; *Он же*. 2017б. С. 237–239. Рис. 4–5; *Туаллагов*, 2017. С. 317. Рис. 10; *Чхаидзе*, 2018. С. 128). Находки «происходят из грабительских раскопок» на Калежском городище у горы Калеж, на правом берегу р. Малка, примерно «в 500 м от въезда в с. Каменноостское Зольского района Кабардино-Балкарии. На протяжении нескольких лет «черными копателями» с территории городища было изъято «от 2 тыс. до 3 тыс. христианских крестов и других предметов культовой пластики» (*Малахов, Рудницкий*, 2012. С. 119, 127. Рис. 6а, 11; *Цуцев*, 2017а. С. 180. Рис. 4–5; *Он же*. 2017б. С. 237–239. Рис. 4–5; *Туаллагов*, 2017. С. 317. Рис. 10); *Чхаидзе*, 2018. С. 128–129. Рис. 1. 3–4).

№ 5. Крест, как подчеркивает В. Н. Чхаидзе, «имитирующий энколпион» и состоящий из двух склепанных односторонних крестов, был открыт в катакомбе № 15 раскопа 1 Змейского катакомбного могильника (далее – ЗКМ (Северная Осетия), раскопки М. А. Бакушева) (Рис. 1, 5) (*Цуцев*, 2017а. С. 180. Рис. 2; *Он же*. 2017б. С. 235–236. Рис. 2; *Туаллагов*, 2017. С. 318. Рис. 11; *Чхаидзе*, 2018. С. 130; *Бакушев, Леонтьева*, 2020. Рис. 8). Позднее находка была исследована и вновь опубликована Н. В. Ениосовой (*Ениосова*, 2020. С. 401–403). В силу необходимости эту створку мы воспроизводим ниже. По центру одной створки Распятие, по другой – Богородицы Одигитрии.

№ 6. Еще один односторонний крест был обнаружен в одной из катакомб Даргавского могильника (Северная Осетия) (Рис. 1, 6) (*Цуцев*, 2017а. С. 179–180. Рис. 1; *Он же*. 2017б. С. 233–234. Рис. 1; *Туаллагов*, 2017. С. 316. Рис. 9; *Он же*. 2018. С. 496. Рис. 1; *Чхаидзе*, 2018. С. 130). Крест с изображением Богородицы, размерами – 69×45 мм.

№№ 7-8. Еще два односторонних креста с изображением Богородицы происходят из грабительских раскопок: на территории Северного Кавказа. Первый крест: (Рис. 1, 7) (*Цуцев*, 2017а. С. 180. Рис. 8; 2017б. С. 240–241. Рис. 8; *Туаллагов*, 2017. С. 318. Рис. 13; *Чхаидзе*, 2018. С. 130), размером 62×43 мм. Второй: также с территории Ставропольского края (?) (Рис. 1, 8) (*Туаллагов*, 2017. С. 318. Рис. 12; *Чхаидзе*, 2018. С. 130), размером 57×43 мм. Таким образом, накопившаяся к настоящему

времени коллекция предметов христианской пластики с парными медальонами на концах представлена 8-ю предметами, из которых два – с изображением Распятия и гладкой оборотной стороной (№№ 2, 3); четыре предмета с изображением Богородицы (№№ 4, 6, 7-8) также с гладкой оборотной поверхностью. Еще две находки – из катакомбы № 15 ЗКМ и из Келийского могильника представлены «полными» энколпионами (с Распятием на одной створке и Богородицей на другой).

По предварительной и достаточно условной атрибуции интересующих нас предметов мелкой христианской пластики из вышеотмеченной сводки А. А. Цуциев назвал их «псевдоэнколпионами»; В. Н. Чхаидзе – «крестами, имитирующими византийские или древнерусские энколпионы», хорошо известные в Предкавказье», хотя эти, «известные в Предкавказье» образцы, всетаки немногочисленны, при этом справедливо отмечая, что «подобная форма крестов-энколпионов с восемью медальонами на перекладинах неизвестна» (Чхаидзе, 2018. С. 130). С. Н. Малахов, к примеру, речь ведет о тех же предметах как о «односторонних подражаниях энколпионам» (Малахов, 2015. С. 300). На этом фоне (и это следует отметить отдельно) обозначение их как «псевдоэнколпионов» или же как «имитаций энколпионов» не совсем удачные, поскольку «энколпионы или кресты-мощевики, кресты-складни служили вместилищами священных реликвий» (Энколпионы, 1999. С. 2). Судя по «полному» энколпиону из катакомбы № 15 ЗКМ, впрочем, как и по более позднему энколпиону из Келийского могильника, они состояли из двух створок – одна с изображением Распятия, вторая с изображением Богородицы. Створки крепились между собой при помощи тонких вертикальных выступов в верхней части оборотной стороны – на одной створке один выступ, на второй два, в пространство между которыми входил первый. В результате створки, удерживаясь в верхней части при помощи такого шарнира, при необходимости «расходились» в нижней части энколпиона (у Келийского энколпиона его створки скреплялись и в нижней части). Судя по наличию на верхних частях оборотной стороны имеющих крестов, они имели такие же крепления вверх, как у энколпиона из катакомбы 15 ЗКМ, что позволяет все эти предметы рассматривать как *отдельные створки* энколпионов.

Все наши предшественники справедливо отмечали тот факт, что рельефные изображения внутри парных медальонов следует идентифицировать с изображениями ликов известных святых, но определить, кто конкретно из них там изображен, практически невозможно, что позволяет расценивать все интересующие нас предметы рассматривать как *литейные реплики* с какого-то оригинала или, что более вероятно, с каких-то оригиналов. Если же сравнивать размеры этих

предметов, приводимые нашими предшественниками, складывается впечатление того, что подобные реплики создавались по принципу: копия с копии. Причем каждая из таких копий имела достаточно длительной промежуток времени их использования в повседневной практике. Как отмечают специалисты, *«образцовой для массового производства становилась продукция литейщиков ключевых центров культурной жизни этого периода, для которых мастер-моделью служили резные кресты из кости или дерева, в ряде случаев, возможно, специально изготовленные для литейщиков. [...] Такая продукция отличается высоким качеством исполнения и отливалась по восковым моделям»* (Спасенных, 2012. С. 10). Судя по рассматриваемым нами экземплярам, абсолютное их большинство демонстрирует явную размытость ликов или других деталей, нередко определяющих лишь общий их контур. Аналогичная ситуация отмечена и у «полного» энколпиона из катакомбы № 15 ЗКМ: *«Рельеф на обеих створках низкий, изображения фигур – оплывшие и сглаженные, лики в медальонах полностью утратили иконографические признаки, превратившись в каплевидные выступы»* (Ениосова, 2020. С. 401). Характеристика, в принципе, отражает особенности почти всех рассматриваемых нами предметов.

Интересно сравнить размеры имеющихся в нашем распоряжении створок (см.: Табл. 1).

Таблица 1. Размеры створок энколпионов с парными медальонами

№ п/п	Высота в мм	Ширина в мм	№ створки в «Сводке ...»
1	(?) 48	35	№ 3
2	58	40	№ 4
3	63	44	№ 5 (Бакушев, Леонтьева, 2020. С. 28. Рис. 47, 1)
4	69	45	№ 6
5	62	43	№ 7
6	57	43	№ 8

Учет размеров интересующих нас находок, в принципе, ничего не дает. С другой стороны, заметная разность размеров сравниваемых створок и энколпионов дает основание для предположения о том, что все они отливались по оттискам с *разных* прототипов и в *разное* время. Любопытно, что известны нам другие примеры подобного «тиражирования» предметов мелкой христианской пластики на основе использования, вероятно, восковых моделей, причем, копии с которых быстро становились предметом для дальнейшего копирования с уже отлитых копий. Как правило такое тиражирование приводило не только к некоторой утрате прежнего

качества, но и к некоторому, хотя и незначительному увеличению размеров получившегося изделия. По крайней мере, как это было зафиксировано на нескольких предметах мелкой христианской пластики из чеченского сел. Майртуп, разница в размерах была минимальной (Виноградов, Куза, Магомадова, 1984. С. 84–95). Этого нельзя сказать о створках-репликах, рассматриваемых в публикации.

О предполагаемом достаточно длительном по времени использовании рассматриваемых створок энколпионов с парными медальонами свидетельствуют не только створка со Ставрополя (Рис. 1, 8), у которой, вероятно, после утраты крепления в верхней части предмета было устроено сквозное отверстие овальной формы. У энколпиона из катакомбы № 15 ЗКМ, из-за длительности его повседневного использования есть следы явного «ремонта» частично утраченной системы крепления створок (Ениосова, 2020. С. 401–403).

Существование многих труднообъяснимых аспектов, связанных с историей интересующей нас группы энколпионов и отдельных створок от таковых с парными медальонами на концах, объяснимо отчасти полным отсутствием всего спектра необходимых данных. И связано это, прежде всего с характером их обнаружения: В. Н. Чхаидзе пишет, что два таких предмета (Рис. 1, 7–8) «из грабительских раскопок». Однако и в других случаях, за исключением раскопок в Даргавсе, на территории ЗКМ и Келийского могильника, где два энколпиона и створка от еще одного зафиксированы археологически, в других случаях мы так ничего не знаем ни об авторстве раскопок, условиях обнаружения таких предметов, стратиграфии их расположения в культурном слое и пр., нет и соответствующих итоговых, научных отчетов о таких раскопках, если, конечно, они там проводились. В результате, много из неясного продолжает оставаться не только в отношении происхождения таких энколпионов, но и их реальной датировки. Если брать в расчет предложенную Ю. А. Прокопенко этапность появления и распространения на Северном Кавказе предметов мелкой христианской пластики (Прокопенко, 2015а. С. 79–87; *Он же*. 2015б. С. 150–154), то интересующие нас находки «подходят» сразу к нескольким выделенным им этапам. Однако определяющими для нас, все-таки, являются данные археологии.

Находка створки энколпиона в катакомбе Даргавса по другим, сопутствующим материалам, если учитывать начало активной христианизации Алании в X в., и датировка В. Н. Чхаидзе нижней даты этой створки энколпиона в пределах XI в.⁹ вполне приемлема,

⁹ С этого времени, как отмечают Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов: «Алания появляется и в *Notitia episcopatus* Константинопольской церкви. Она занимает обычно не слишком высокое место на границе второй и третьей трети митрополий, что интересно – сразу после митрополии Руси, которая была учреждена позже. Последнее может свидетельствовать

впрочем, как и верхняя предложенная им дата в пределах XIII в. Интересны и наблюдения, сделанные при изучении энколпиона из катакомбы 15 ЗКМ. Анализ состава его металла показал: «Металл относится к сплавам на медной основе, в его составе содержится цинк, олово и свинец в невысоких концентрациях ... По составу легирующих компонентов такой сплав относится к многокомпонентным латуням с низким содержанием цинка и, вероятнее всего, является продуктом многократных переплавок латунного и бронзового лома ...». Сравнение химического состава этого энколпиона с составом цветных металлов других изделий мелкой христианской пластики позволило считать: «Применение многокомпонентных сплавов для отливки энколпионов зафиксировано для изделий византийского происхождения и находок из дунайской Болгарии. Для византийских проб в целом характерно более высокое ($> 10\%$) содержание цинка, чем для древнерусских. В Древней Руси мощевники из многокомпонентных сплавов изготавливают до рубежа XII–XIII столетий. Начиная с XII в., возрастает число энколпионов из оловянных и оловянно-свинцовых бронз» (Ениосова, 2020. С. 402–503).

Любопытна и микрофотография расположения интересующих нас предметов внутри трех захоронений (см.: Табл. 2).

Таблица 2.

Сведения о микрофотографии нахождения предметов христианской пластики в погребении

№ п/п	Могильник	Погребение	Микрофотография
1	Келийский могильник	Погребение	Под подбородком
2	Даргавский могильник	Катакомба № 92	Скелет плохой сохранности, головой на юг. Створка энколпиона отмечена в районе пояса погребенного
3	Змейский катакомбный могильник	Катакомба № 15	Скелет № 2 – «мужчина старше 55 лет», энколпион находился возле левой плечевой кости скелета.

Микрофотография демонстрирует следующее: нахождение створки энколпиона в катакомбе № 96 Даргавска (пол и возраст его обладателя не фиксировался) показывает, что в повседневном обиходе или же в погребальной практике, в принципе, мог использоваться не «полный» энколпион, а только одна его створка. Нахождение в данной катакомбе створки в районе пояса скелета, на наш взгляд, может свидетельствовать и о том, что изначально створка могла находиться на длинном шейном шнуре, обеспечивавшем нахождение створки примерно в средней части грудной

об упадке интереса империи к аланам» (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 48).

клетки. После того, как истлели не только ткани скелета, а также и шнур, створка могла соскользнуть вниз и в любую сторону от первоначального своего положения, оказавшись в конечном счете там, где она и была обнаружена. Противоречием такой постановке вопроса и возможному отождествлению погребенного со статусом «священнослужителя» может показаться, например, ориентировка этого погребенного головой на юг, т.е. явно не по-христианскому обряду. Однако в условиях господства уже упоминавшегося выше т.н. этнизованного христианства подобное «отклонения от правил» в средневековой повседневности могло являться вполне обычным делом¹⁰. На аналогичное восприятие скелета взрослого мужчины из катакомбы № 15 ЗКМ и женщины из Келийского могильника с энколпионом указывает находка энколпиона у левого плеча (катакомба № 15) и под подбородком (Табл. 2, 3).

К сожалению, сегодня нет возможности достоверно свидетельствовать об истоках рассматриваемого типа предметов христианской пластики. В. Н. Чхаидзе прав отмечая: *«Прототипом аланских крестов-энколпионов с восемью медальонами [т.е. с парными медальонами на концах – Е. Н.] могли выступить изображения крестов в «абрисах», известных по каппадокийским росписям XI в. Подобный крест сохранился на северной стороне апсиды Сентинского храма (второй этап росписи храма) – одной из главных христианских святынь Алании. В целом можно констатировать, что находки крестов на территории Алании, как византийских провинциальных, так и «сирийского типа», а также древнерусских свидетельствуют о тесных этнокультурных, религиозных и торговых контактах населения Северного Кавказа с малоазийскими и ближневосточными провинциями Византии, с Крымом и Русью»* (Чхаидзе, 2018. С. 130–133). На отмеченном фоне стоит обратить внимание и на то, что вся сегодня

¹⁰ С подобным проявлением этнизованного христианства в погребальной практике, например, высокогорной Ингушетии мы сталкивались неоднократно. Наиболее ярким примером тому можно указать на раскопочные материалы Шуанского могильника «Мохде». Там, наряду с «христианскими» каменными ящиками находится несколько сот подземных, полуподземных и наземных склепов. Подземные погребальные камеры абсолютного большинства из них длинными осями располагались в различных направлениях, что создавало иллюзию и значительной вариабельности погребальных обрядов в них предусматривало достаточно широкую вариабельность ориентировок погребенных в них и различными ориентировками погребенных. Однако внимательный анализ ситуации показал, что подобное «разнообразие» объясняется тем что в центральной части территории некрополя расположены два возвышения естественного происхождения с остатками культового сооружения на нем, воспринимаемого различно – как остатки святилища или церкви. Но все погребальные сооружения, расположенные по всему периметру территории могильника вокруг отмеченного всхолмления устроены так, что все погребенные в них, во всех случаях обязательно головами ориентированы именно на указанное строение.

известная коллекция створок энколпионов и «полных» энколпионов с парными медальонами на концах с географической точки зрения довольно компактна. Это находки, напомним, с территории двух точек на Ставрополье и с двух в КБР, из двух могильников в Северной Осетии и один предмет из высокогорной Ингушетии. Конечно же, не проверенная археологически информация о нахождении, естественно, при помощи металлодетекторов на нескольких бытовых памятниках КБР «2-х или 3-х тысяч» предметов мелкой христианской пластики, включая и две створки интересующего нас типа, заставляют считать: во-первых, приведенные цифры – явное преувеличение. Тем не менее, опубликованная их часть отсюда все равно непривычно огромная. В любом случае, задаваясь неизбежно возникающим вопросом: что же было все-таки уничтожено «черными копателями» – одна или несколько ремесленных мастерских, специализировавшихся на производстве предметов мелкой христианской пластики или довольно большое количество захоронений. Авторы публикации этих предметов настаивают на их происхождении *«вне погребений»*, главным образом из *«культурных слоев»* нескольких *«селищ и городищ, время существования которых обычно датируется в широком диапазоне»* (Малахов, Рудницкий, 2012. С. 119). Вне зависимости от этого серия «селищ и городищ», с которыми связана опубликованная С. Н. Малаховым и Р. Р. Рудницким коллекция разнотипных и разновременных предметов христианской пластики, в их числе и две створки с парными медальонами, заставляет думать, что где-то вблизи, или же на одном из тех поселений, селищ и городищ КБР, мог находиться крупный центр христианского воздействия, напрямую связанный и подчиненный христианскому центру на Нижнем Архызе (?), или другим, осуществлявшим прямое или опосредованное его влияние.

В этой связи представляется необходимым обратить внимание на точку зрения бельгийского исследователя – J. E. Latham-Sprinkle. Изучая проблему локализации возможного местонахождения столичного центра Алании X в. – «потерянного» города Магаса, исследователь главный упор делает на то, что этот город являлся не только административным центром, но, после принятия в Алании христианства, полагает J. E. Latham-Sprinkle, Магас также должен был быть стать средоточием христианских памятников¹¹, хотя это не обязательно так. Исходя из предположения указанный автор и предложил на роль исторического Магаса Ильичевское городище в Отрадненском районе Краснодарского края (Latham-Sprinkle, 2020. Р. 452–453). Несмотря на то, что это Ильичевское городище, действительно, представляло собой

¹¹ Судя по наблюдениям Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова процесс христианизации в этот период проходил достаточно сложно (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 32–38).

крупный христианский центр в регионе (*Цокур*, 2001. С. 227–232 + табл.; *Соколова*, 2017. С. 66–68; *Чхаидзе*, 2019. С. 282–298; *Он же*. 2020. С. 252–259; и др.), на роль Магаса данное городище по разным причинам «подходит» плохо (*Нарожный*, 2021а. С. 144–147). Вряд ли на это может претендовать, несмотря на обилие разнотипных крестов оттуда, и какой-либо из бытовых памятников близ Каменноостского. Тем не менее, сегодня с определенной долей уверенности с остатками Магаса можно отождествлять другой археологический объект в КБР, в первой пол. XIX в. необоснованно получивший искусственное название «Нижний Джулат» (*Нарожный*, 2021б. С. 39–50; *Он же*. 2021в. С. 141–153; *Он же*. 2022в. С. 136–146). При такой постановке вопроса, как представляется, становится понятной роль указанного городища, ставшего, скорее всего, центром христианского воздействия, из которого распространились интересующие нас энколпионы с парными медальонами, «разойдясь» вместе с их владельцами – священнослужителями по ближайшей периферии. Трудно объяснять причины того, почему эти предметы периодически только копировались; возможно, это могло быть вызвано наследственным (?) характером передачи полномочий местных священнослужителей, вместе с которыми, не исключено, передавалась и новая копия энколпиона со старого оригинала. Коллекция предметов христианской пластики из Нижнего Архыза, как представляется, не дает убедительных оснований для того, чтобы утверждать о массовом производстве таких предметов на этом городище. Географическая удаленность Нижнего Архыза от Константинополя, вероятно, являлась одним из факторов подобно копирования и обеспечения священнослужителей примерно одного церковного ранга подобными предметами. И эта традиция продолжала существовать, как показывает, например, находка из катакомбы 15 ЗКМ, вплоть до начала татаро-монгольского времени. Судя по находке из энколпиона в материалах Келийского могильника в горной Ингушетии, в церковной иерархии равнинной и предгорной частях Алании этого периода, как это и должно было быть в соответствии с существующими правилами, аланское православие включало в своем составе представителей разного церковного ранга и статуса, что демонстрирует сравнительная характеристика двух наиболее поздних находок энколпионов – из катакомбы 15 ЗКМ и из горной Ингуштии. Имея одинаковую стилистику и характер оформления, горноингушский предмет имеет существенные отличия. Он не только крупнее по своим размерам. В верхней и нижней частях вертикальной оси обе его створки дополнительно украшены декором, отсутствующим на других экземплярах. Декор этот, фактически, скрывает систему скрепления створок энколпиона. Во всех других случаях оборотные стороны створок энколпионов гладкие. На оборотных

сторонах обеих створок энколпиона из Ингушетии по вертикали помещены углубления подпрямоугольной формы, что также отличает данный экземпляр от других, предполагая, что это изделие изначально являлось деталью церковного облачения священнослужителя более высокого ранга, нежели владельцы, но в высокогорье Ингушетии этот энколпион попал вряд ли в процессе христианизации местного населения.

Вероятно, еще до его попадания вглубь горной зоны, он мог являться деталью церковного облачения кого-то из аланских священнослужителей, находившихся на равнине или же в предгорной зоне, но вряд ли это было связано, например, со следами попыток миссионерской деятельности представителей в приграничье Аланской епархии в горах. Тем более, что в приграничье предгорий Восточного Придарьяля с высокогорьем, насколько можно судить об этом по другим находкам предметов христианского культа – из погребений ЗКМ, погребений христианского могильника у церкви № 1 и культурного слоя т.н. «Верхнего Джулата»¹², здесь, помимо энколпиона с парными медальонами из катакомбы 15 и створки энколпиона другого типа с городища, как полагают некоторые специалисты, христианство «массово распространилось в период с конца XII – начала XIII вв.»¹³ (Бакушев, Леонтьева, 2020, с. 322; Ениосова,

¹² Здесь, как известно, в разное время было исследовано четыре или пять христианских храмов, один из которых (№ 1) сопровождался и христианским могильником золотоордынского времени. Несмотря на существование разных точек зрения относительно датировки и определения их архитектурных истоков, хотя их отнесение к золотоордынскому времени наиболее реально (Белецкий, Виноградов, 2021. С. 48–49 и др.). Однако, указанные проблемы, как представляется, еще требуют к себе пристального внимания. И здесь интересно то, что т.н. «ограда и «придел церкви № 1 «Верхнего Джулата» – архитектурные детали совсем иного порядка, имея аналогии, например, в более поздней церковной архитектуре русского Севера, своими корнями связанной «с московской церковной архитектурой». Другая церковь того же городища – с находками черепиц и керамики с грузинской эпиграфикой. Находки эти позволяют нам полностью солидаризироваться с теми авторами, которые справедливо считают, что «в генезисе *х форм здешних* [верхнеджулатских – Е. Н.] *построек полностью отрицать грузинский элемент нельзя*» (Белецкий, Виноградов, 2021. С. 51). Более того, указанные артефакты позволяют ставить эту церковь в один ряд с возможной миграцией части населения Восточной Грузии, которое произошло, скорее всего, сразу же после присоединения к Золотой Орде, хотя и не на очень продолжительное время, ханом Джанибеком некоторых ильханских территорий, включая и зависевшую от них Грузию. Еще в одной церкви «Верхнего Джулата» выявлены захоронения с кирпичными конструкциями, прямые аналогии которым указаны в публикации В. Ф. Баллода. Однако на поверку, указанные аналогии оказались погребениями с мусульманских некрополей Нижнего Поволжья и Маджара, на что мы уже указывали (Нарожный, 2020. С. 31–32).

¹³ Однако утверждение о том, что на «Верхнем Джулате», «вероятное время строительства церкви № 1 и возникновение вокруг нее обширного кладбища следует относить к концу XII – началу XIII в.» (Ениосова, Леонтьева, 2021. С. 91), как мы уже отмечали выше, требует отдельного и специального, в т.ч. и стратиграфического изучения, поскольку оно противоречит уже существующим точкам зрения.

Леонтьева, 2021. С. 91). Находки т.н. «петлеконечных» проволочных крестов отсюда (Леонтьева, 2019. С.145-147) более поздние и, помимо «Верхнего Джулата» и нескольких таких же предметов из ЗКМ, известны также в материалах золотоордынского времени в высокогорье Ингушетии и в захоронениях в некрополях золотоордынского Подонья, а также в других регионах Золотой Орды (Голованова, Нарожный, 2004. С. 13–15).

На этом фоне остается предполагать: после разгрома Магаса войсками Чингисидов, вероятно, оставивших от него «только имя его», некоторая часть оставшихся в живых представителей прежней аланской администрации и элиты города по принуждению или же по собственной воле перемещается в т.н. «Верхний Джулат» у Эльхотовых ворот. По-крайней мере, именно там грузинский «Хронограф» XIV в. фиксирует не только «царствующую особу» по «имени Лимачав»¹⁴ с ее малолетними сыновьями и ее окружением из князей и т.д. (Цулая, 1980. С. 198–200). Допустимо предполагать, что в том же окружении были и представители аланского духовенства. Основанием для подобных предположений служит то, что эти сведения «Хронографа» отчасти перекликаются с лаконичным свидетельством ал-Омари (XIV в.) о том, что после окончания завоевательной кампании конца 1230-х – начала 1240-х гг. на Северном Кавказе, монголы оставили на части покоренных территорий «царей черкесов, аланов и русских»¹⁵. Лимачав, скорее всего, одна из представителей аланской аристократии, некоторое время опосредовавшей власть Золотой Орды в Придарьялье, но, вплоть до начала 1260-х гг., когда она, вместе со своими сыновьями и частью своего окружения, с войсками Хулагуидов, незадолго до этого вторгшимися на Северный Кавказ, покидает регион. Источник сообщает, что после этого, представ перед самим Хулагу-ханом, она была принята им и получила от него даже «вознаграждение за службу». А зависимый от хулагуидов грузинский царь определил для аланских переселенцев несколько мест в Восточной Грузии для поселения (Цулая, 1980. С. 198–202). Вполне вероятно, что часть придарьяльских алан не ушла с Лимачав, а укрылась от Золотой Орды в горах Придарьялья. Факт подобных перемещений части алан в высокогорье Ингушетии¹⁶ подтверждается не только

¹⁴ Любопытно, что во всех случаях упоминания этой особы, нет ни имени ее супруга, ни даже намек на его судьбу. Вероятно он погиб при обороне Магаса? Немного сведений и о «малолетних сыновьях» - Бакатаре и Пареджане, уведенных ее в Грузию. Вероятно, что именно с указанным «овским князем Бакатаром» и были связаны события со «взятием в 1291 г. города Гори» и удерживавшегося вплоть «до 1326 г.» (Белецкий, Виноградов, 2021. С. 38).

¹⁵ Подробнее об этом см.: Нарожный, 2021в. С. 141–153.

¹⁶ Х. М. Мамаев миграции датирует временем «30-70-х гг. XIII в. (Мамаев, 1984. С. 91, прим. 53). С. Н. Малахов сослался на сведения епископа Феодора в том, что аланы «возлюбили посылать некие многолюдные высылки, так что наполнили почти

археологическими материалами Келийского могильника (*Нарожный, Нарожный*, 2006. С. 142–143). Подтверждают их и результаты изучения большой выборки антропологического материала оттуда же (*Герасимова*, 2006. С. 53–55). Заманчиво в контексте данной миграции рассматривать и подмеченное С. Н. Малаховым факт «депопуляции и дезурбанизации» на территории Алании (*Малахов*, 1992. С. 160), в результате чего в высокогорье был привнесен не только интересующий нас энколпион с парными медальонами, впоследствии оказавшегося в захоронении женщины на Келийском могильнике.

Литература

- Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. 1888. Том. XVI. С. 419–439.
- Путешествие Иоанна Шилльбергера по Европе, Азии и Африке с 1384 по 1427 г. / Перевод с нем. Ф. Брун // Записки Императорского Новороссийского университета. Том. 1. Вып. 1. Одесса: Типография Н. Литче, 1867. С. 1–49.
- Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженце Северяка и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. Перевод с латинского и староитальянского языков, введение и примечания Я. М. Света М.: Наука, 1968. С. 136–169.
- Бакушев М. А., Леонтьева А. С. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Том. I. М.: ИА РАН, 2020. 407 с.
- Бараниченко (Великая) Н. Н. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1985. 24 с.
- Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М.: Таус, 2011. 392 с.
- Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. 2-е изд., исправленное. М.: ИВ РАН. 2021. 440 с.
- Бибииков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб: Алетейя, 2001. 314 с.
- Богданов С. В. Где погиб Тверской князь Михаил Ярославич? (По поводу одной краеведческой книжки) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2018. № 3. С. 119–142.

всю Скифию и Сарматию», т.е. «речь идет, безусловно, о массовом выселении алан из Предкавказья в закубанские и донские степи». Указанные миграции, продолжает тот же автор, «даже стали предметом обсуждения в Константинополе на соборе в августе 1276 г.» (*Малахов*, 1992. С. 150). Вполне вероятно, что ситуация в Придарьяле усугубилась, например, в связи с событиями 1278 г., разыгравшимися вокруг «славного яского города Дедакова», вновь «вытолкнув» очередную часть аланского населения вглубь ущелий Восточного Придарья.

- Василиненко Д. Э., Пьянков А. В. Середньовічні залізни плстинчасті хрести з фондів музеїв Північно-Західного Кавказу і Північно-Східного Причорномор'я // Софійські читання: матеріали VI міжнар. наук.-практ. конф. «Християнські святині – скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання». Київ: АДЕФ-Україна, 2013. С. 265–274.
- Виноградов В. Б. Ещё раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горестъ» и «Славном граде ясском Деякове» // Тверская старина. № 14-15. Тверь: Тверское кн. изд-во, 1996. С. 62–71.
- Виноградов В. Б. К оценке парадигмы православия в истории Северного Кавказа (до XVIII в.) // Православие, традиционная культура, просвещение. Краснодар: Изд-во Крайбибколлектор, 2000. С. 21–26.
- Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Русские кресты XII–XV вв. из селения Майргуп (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушский ГУ. 1984. С. 84–95.
- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // Научная конференция: «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (В свете археологических данных)». Тбилиси: «Мецниереба», 1988. С. 44–46.
- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Погребения Келийского могильника (горная Ингушетия) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во Куб.ГУ, 1994. С. 69–91.
- Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Голованова С. А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный: ЧИГУ, 1990. С. 5–15.
- Великая Н. Н., Виноградов В. Б. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // СЭ. 1989. № 3. С. 39–48.
- Великая Н. Н., Дударев С. Л., Ктиторов С. Н., Цыбулькикова А. А. Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века. Армавир: Дизайн-студия Б, 2015. 262 с
- Владимиров Г. В. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. Казань: ИА АН РТ, 2018. 128 с.
- Владимиров Г. В. Обещи сформа на въпросителен знак от средновековна България (XIII–XIV в.). За материалните следи от куманите Златната Ордаи в културата на Второто Българско царство. София: Уникард, 2019. 88 с.
- Герасимова М. М. К вопросу о происхождении ингушей // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик: КБГУ, 2006. С. 53–55.
- Голованова С. А., Нарожный Е. И. О находках крестообразных подвесок XIII–XIV вв. // Одиннадцатые чтения по археологии Средней Кубани (Краткое содержание докладов). Армавир: АГПИ, 2004. С. 13–15.
- Джорбенадзе В. А. Могильники развитого средневековья в Арагвском ущелье. Препринт. Тбилиси: ЦАИ, 1991. 12 с.

- Сльников М. В. Речі християнського культу з пам'яток степового Подніпров'я часів Золотої Орди // Софійські читання: матеріали V міжнар. наук.-практ. конф. «Духовний потенціал та історичний контекст християнського мистецтва»: присвячено 75-річчю Нац. заповідника «Софія Київська». Київ: Нац. заповідник «Софія Київська», Горобець, 2010. С. 427–434.
- Ениосова Н. В. Энколпион из катакомбы 15 Раскопа I Змейского катакомбного могильника // Бакушев М. А., Леонтьева А. С. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. Том. I. М.: ИА РАН, 2020. С. 401–403.
- Ениосова Н. В., Леонтьева А. С. Черновой энколпион с городища Верхний Джулат в Северной Осетии // ПА. 2021. № 4 (38). С. 81–93.
- Кочкаров У. Ю. Мамаев Р. Х., Нарожный В. Е., Нарожный Е. И. Погребение № 121 Келийского могильника XIII–XIV вв. (Горная Ингушетия) // История, археология и этнография Кавказа. Том 17. № 4. Махачкала: Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021. С. 938–956.
- Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: Ир, 1977. 176 с.
- Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X–XII вв. К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь: «Кавказская библиотека», 1993. 464 с.
- Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.
- Леонтьева А. С. Петлеконечные кресты из раскопок Змейского могильника в 2013–2014 гг. // Донские древности. Вып. 12. Азак и мир вокруг него. Материалы Международной научной конференции Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2019. С. 145–147.
- Ложкин М. Н., Малахов С. Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отраденского музея // ИАА. 1996. Вып. 2. С. 202–209.
- Малахов С. Н. К вопросу о локализации епархиального центра в Алании в XII–XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия (Alanica I). Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гуманитарных исслед., 1992. С. 149–179.
- Малахов С. Н. Энколпионы и нателные кресты как источник по истории христианизации Алании // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник памяти профессора В. В. Кучмы. Волгоград: ВолГУ, 2012. С. 259–294.
- Малахов С. Н. Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. Избранные статьи. М.: СЕМ, 2015. 372 с.
- Малахов С. Н., Рудницкий Р. Р. Новые предметы средневековой христианской пластики из Кабардино-Балкарии // ИАА. 2012. Вып. 11. С. 119–139.
- Мамаев Х. М. Из истории изучения средневековых городов Центрального Предкавказья // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧИНИИСФ, 1984. С. 79–94.
- Мамаев Х. М., Нарожный Е. И. Новые археологические памятники золотоордынского времени в Чечне // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2014. № 3 (24). С. 43–55.
- Мастыкова А. В. О находках металлических крестов на средневековом могильнике Горзувиты (южный берег Крыма) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Том. 24. № 6. С. 64–80.

- Нарожный В. Е.* Население высокогорной Ингушетии в XIII–XV веках. Автореф. дис. канд. истор. наук. Ставрополь, 2012. 24 с.
- Нарожный В. Е., Нарожный Е. И.* Новгородские иконки с изображением Георгия Победоносца из Восточного Придариля // II Всероссийские «Миллеровские чтения». Кавказоведение в XXI веке: проблемы, идеи, решения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. С. 223–229.
- Нарожный Е. И.* Отчет об охранных археологических исследованиях Келийского могильника (Назрановский район ЧИАССР) в 1987 году. Грозный, 1989. Том. 1. 280 с. + альбом 3 (Том 4) // Архив ИА РАН. Р-1. № 13181, 13184.
- Нарожный Е. И.* Два погребения с древнерусскими предметами мелкой христианской пластики с территории Келийского могильника // Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 40–45.
- Нарожный Е. И.* Северный Кавказ в 2000-летней истории христианства // Христианству – 2000 лет: Тезисы докладов региональной конференции. Армавир: АГПИ, 2000. С.38–42.
- Нарожный Е. И.* Новые находки металлических крестов из высокогорной Ингушетии // Археологический журнал. № III-IV. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2010. С. 85–87.
- Нарожный Е. И.* Золотоордынский период Восточного Придариля (Археолого-историческая версия) // Труды VI (XXII) Всероссийского Археологического съезда в Самаре. Том. III. Самара: Изд-во Самарского государственного социально-педагогического университета. 2020. С. 31–32.
- Нарожный Е. И.* О «новом предложении» локализации столицы средневековой Алании – «потерянного» города Магаса: (Версия J.E. Latham-Sprinkle. Lathan-SpriInkle, University of Ghent, Бельгии) // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2021а. С.144–147.
- Нарожный Е. И.* Где же находился город Магас? // Магас древний и современный. Материалы международной научно-практической конференции. Магас: ИнгНИИ, 2021б. С. 39–50.
- Нарожный Е. И.* События 1230-1240-х годов на Северном Кавказе и о «потерянном» Магасе // Золотоордынское наследие. Вып. 4. Сборник статей Международной научной конференции, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сарай и заседаний триптиха. Казань, 2021в. С.141–153.
- Нарожный Е. И.* Археологические памятники XII–XIV вв. Карачаево-Черкесии в историко-культурном контексте эпохи // Средневековая этническая история Кавказа: контактные зоны и торговые пути. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 100-летию известного археолога-кавказоведа, профессора Евгении Павловны Алексеевой. Карачаевск: КЧГУ, 2022а. С. 151–163.
- Нарожный Е. И.* Средневековое поселение «Козьи скалы» в Пятигорье и опыт его историко-культурной оценки // Кубанские исторические чтения. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации, 2022б. С. 161–167.

- Нарожный Е. И.* Городище «Нижний Джулат» в Кабпрдино-Балкарии // Археология евразийских степей. № 4. Казань: Ин-т археологии АН Республики Татарстан, 2022в. С. 136–146.
- Нарожный Е. И., Нарожный В. Е.* Об аланском этнокомпоненте Келийского могильника XIII–XIV вв. (Горная Ингушетия) // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик: КБГУ, 2006. С. 142–143.
- Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б.* Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию Б.Н. Воронова. Сухум: Абхазский ГУ, 2011. С. 190–196.
- Нарожный Е. И., Нарожная Ф. Б.* Нумизматические материалы XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Нумизматика Золотой Орды. № 2. Казань: «ФАН», 2012. С. 66–73.
- Нарожный Е. И., Тищенко И. Б.* Два захоронения могильника XIII–XV вв. поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края) // История археология и этнография Кавказа. Том 16. № 3. Махачкала: Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020. С. 682–713.
- Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука. 1978. 133 с.
- Прокопенко Ю. А.* Этапы распространения предметов христианской символики в Центральном Предкавказье // Археология и этнология Северного Кавказа. № 5. Нальчик: ФГОБУН «Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского НЦ РАН, 2015а. С. 79–87.
- Прокопенко Ю. А.* Поступления предметов христианской символики в Центральное Предкавказье в VI–XIII вв. (К вопросу о периодизации) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Часть. II. № 9 (59). Тамбов: «Грамота», 2015б. С. 150–154.
- Савенко С. Н.* Погребение XIII–XIV вв. с железным крестом в горной Ингушетии: вопросы интерпретации // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 9. Ставрополь: Изд-во: ООО «Печатный двор», 2017. С. 104–117.
- Соколова Ю. А.* Ильичевское городище: забытый памятник христианской культуры // Исторические исследования. Материалы V Международной научной конференции. Самара: ООО «Изд-во АСГАРД», 2017. С. 66–68.
- Тесленко И. Б., Мусин А. Е.* Железные кресты средневековых памятников: «византийско-кавказские» или византийские ? // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого. М.: ИА РАН, 2016. С. 204–219.
- Туаллагов А. А.* Образ волшебного колеса в осетинском эпосе и истории // Alanica. Сборник избранных статей д-ра ист. наук А. А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. 563 с.
- Туаллагов А. А.* К изучению христианской символики Алании // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск: КЧГУ-ИА РАН, 2018. С. 499–503.

- Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. Вып. VII. М.: Изд-во: «Наука», 1980. С. 193–208.
- Цокур И. В. О реставрации фундаментов христианских храмов у х. Ильич в Отрадненском районе // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 227–232.
- Цуциев А. А. Новые находки из Даргавского катакомбного могильника (христианский крест и его аналогии) // Археология и история Юга России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора исторических наук, профессора Мусы Хароновича Багаева. Грозный: ЧГУ, 2017а. С. 179–183.
- Цуциев А. А. Христианский крест из Даргавского катакомбного могильника и его аналогии // Скифо-аланское наследие Кавказа. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017б. С. 233–242.
- Чхаидзе В. Н. Аланские имитации византийских крестов-энколпионов (XI – начало XIII вв.) // АДСВ. 2018. Вып. 46. С. 127–133.
- Чхаидзе В. Н. Кресты Алании (X–XIII вв.) // Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. История и искусство христианской Алании. М.: Таус, 2019. С. 282–298.
- Чхаидзе В. Н. Новые находки аланских нательных крестов на Ильичевском городище // МИАСК. 2020. Вып. 18. С. 252–259.
- Энколпионы и кресты-тельники XI–XVI вв. из археологических коллекций музея. Каталог / Автор-составитель А. Н. Муравьева. Научный консультант М. В. Седова. Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 1999. 27 с.
- Latham-Sprinkle J. E. A new proposal regarding the location of the Alan capital Magas // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию «Крупновских чтений» и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала: Мараевъ, 2020. С. 452–453.
- Kouznetsov V., Lebedynsky I. Les chretiens disparus du Caucase: Histoire et archéologie du christianisme au Caucase du Nord et en Crimée. Paris: Errance, 1999. 12 s.

Электронные ресурсы

- Спасенных А. Н. Литые кресты-энколпионы XV–XVI вв. с килевидным окончанием. Интернет-издание. Издание 4-е, исправленное и дополненное. 2012 (<chrome-extension://mhjfbmdgcfjbbpaeojofohoeufigehjai/index.html>)

Рис. 1. Ремесленные реплики створок и энколпионы византийского происхождения из Предкавказья XI –XIV вв.

1 – Келийский могильник в высокогорной Ингушетии;

2 – Развальское городище на Кавминводах,

3–4 – с. Каменноостское в КБР;

5 – Змейский катакомбный могильник, катакомба №15,

6 – Даргавский катакомбный могильник;

7–8 – из грабительских раскопок

(Чхаидзе, 2018. Рис. 1)

E. I. Narozhny

ON THE HISTORY OF CHRISTIANIZATION OF THE MEDIEVAL POPULATION OF THE EASTERN PRIDARYALE

Abstract: based on the conclusions of his predecessors, the author fully shares their main theses about the specifics of the system of religious beliefs of the medieval population of the Eastern Pridaryalie. This system is designated by them as “syncretic”, as a symbiosis of pre-Christian and Christian norms” and as “ethnized Christianity”, which fully reflects the features of interest to us. We supplement them with information from “Brother Jourdain” (14th century) about “Christians” from the “Caspian Mountains” who sacrifice sheep on the cross. The descriptions of AND are consonant with them. Schiltberger of the activities of missionaries from the Carmelite Order in the “mountainous country of Julat”. Against this background, the already published collection of “crosses with eight medallions at the ends” is of interest. Such items – with paired medallions – are not quite aptly designated as “pseudo-encolpions” or “imitation encolpions”. Two “complete” samples of them – in the Zmeisky in North Ossetia and the Keli burial grounds in mountainous Ingushetia – give reason to consider other objects as shutters from encolpions. The microtopography of the objects found in three burials (Dargavs, Zmeisky and Keliysky burial ground) indicate the possibility of perceiving their owners during their lifetime as local priests (?). The blurring of images, especially in medallions at the ends of the flaps, is real evidence for their perception as craft replicas–copies, apparently replicated by the impression from the existing copy. The long-term use of such products in the compact territory of the Pre-Caucasus allows us to build other versions on the occasion we are interested in, but to link their origin in inextricable connection with the Alan diocese and, possibly, the capital of Alanya – the city of Magas (the territory of the so-called “Nizhne-Julatsky” settlement in the Kabardino-Balkarian Republic).

Keywords: North Caucasus, crosses, encolpions and their imitations with paired medallions at the ends, Alan diocese, Byzantine-Caucasian relations

И. А. Дружинина

МАМЛЮКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ в XIV – начале XVI вв.

Резюме: в статье представлена новая научная концепция истории взаимоотношений мамлюков Египта и Сирии и родственных племен Закубанья XIV–XVI вв., в которой отражено многостороннее культурное и политическое влияние Султаната на черкесов, выявлены формы этого взаимодействия и динамика его развития, обусловленная политическими и социальными процессами, протекавшими в Улусе Джучи и Султанате и во многом определившими особый выбор исторического пути адыгских народов. Впервые для изучения данной темы, помимо сведений письменных источников, были привлечены материалы археологии. Этот пласт источников, полученный в ходе раскопок погребальных памятников Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья XIV–XVI вв., отражают не только особенности культурно-исторического развития этого региона как части огромной империи – Золотой Орды, но также и разноплановые процессы, явления и события в истории Мамлюкского султаната.

Ключевые слова: археология, Белореченские курганы, Мамлюкский Султанат, Египет, Сирия, Кавказ, Золотая Орда

Изучение мамлюков – военных рабов, вывозившихся в Египет и Сирию из Причерноморских степей и предгорий Кавказа¹, и возглавляемого ими арабского государства – одно из самых перспективных и бурно развивающихся направлений востоковедных исследований, которое активно разрабатывается специалистами нескольких научных центров, прежде всего США, Израиля, Германии, Бельгии, Японии, Египта и других стран. В отечественной исторической науке эта тема не столь популярна, хотя с именами советских и российских ученых связаны классические работы по мамлюкам и Мамлюкскому султанату (Закиров, 1966; Семенова, 1966; Хасанов, 1974; Зеленов, 2007; Илюшина, 2022; и др.).

И в российской, и в зарубежной науке история мамлюков освещается обычно в ракурсе истории ближневосточной (Аль-Холи, 2002; Хотко, 1993; обзор историографии см.: Илюшина, 2022). Вопросы, связанные с северокавказским этапом их жизни, в основном, ограничены темами

¹ А также других регионов Востока, в настоящей работе не рассматриваемых. Ал-Макризи упоминает торговцев, возвращавшихся в Каир с мамлюками из Узбекистана, Тебриза, Рума и Багдада.

по истории работорговли на Черном море (*Карпов*, 2018. С. 128–142; *Barker*, 2014; и др.). Периодически поднимаются вопросы о «степных» и «горских» элементах культуры, которые вошли в быт мамлюков султаната (*Аль-Холи*, 2002. С. 32–42; *Amitai*, 2016. Р. 261–270; и др.). В этих работах традиции народов (половцев, кыпчаков, черкесов и др.) рассматриваются по сведениям, отраженным в арабских источниках, однако современные авторы не делают попыток ознакомиться с богатейшим опытом изучения степных и кавказских культур эпохи Золотой Орды, накопленным советскими и российскими учеными, что неизбежно обуславливает весьма поверхностный взгляд на проблему при ее несомненной научной перспективности и актуальности.

В отечественных исследованиях северокавказская мамлюкская тематика косвенно затрагивается в работах, посвященных изучению торговых отношений Улуса Джучи и Мамлюкского Султаната, при этом фокус этого рассмотрения ограничивается анализом отдельных категорий импортных товаров, поступавших на Северный Кавказ и соседние регионы: вооружение (*Горелик*, 2008; *Кулешов*, 2010; и др.), торевтика (*Ракитина*, 1940; *Крамаровский*, 1985; *Притула*, 1990; и др.), ткани (*Певзнер*, 2015; и др.). Публикации, посвященные памятникам самих мамлюков на Северном Кавказе, представляют собой единичные исключения (*Голубев*, 2002; *Садофеев*, 2017).

Такое состояние историографии объясняется, прежде всего, отсутствием собственной средневековой письменной традиции у адыгских народов, являвшихся основными поставщиками мамлюков в т.н. «бурджитский» период, наряду с аланами, грузинами, абхазами, греками, армянами и представителями других народов, населявших Кавказ и отправлявшихся в Султанат в качестве военных рабов, а также фокусировкой арабских, персидских, западноевропейских средневековых источников на событиях и процессах, происходивших в самом султанате и на его непосредственном пограничье.

Второе важное обстоятельство связано с тем, что вплоть до недавнего времени среди исследователей было принято за аксиому представление о том, что мальчики, юноши и молодые мужчины, ставшие мамлюками, навсегда отрывались от своих семей, и эти разорванные родственные связи заменялись новыми псевдосемейными, такими, как отношения между хозяином и его мамлюками, имитировавшие узы между отцом и сыновьями, и связи между мамлюками, принадлежавшими одному хозяину (*хушдашия*, *khushdashiyu*), имитировавшие братские отношения. При этом прибывавшие в Египет военные рабы учили турецкий язык, получали турецкие мена, обращались в ислам. Таким образом, создавалась новая идентичность, которая никакими нитями –

ни родственными, ни языковыми, ни культурными, ни религиозными – не была связана с их родной землей и родными племенами (*Ayalon*, 1951. Р. 1–66).

Однако, как показывают исследования последних лет, значение кровных уз, этнической идентичности и солидарности у мамлюков оказалось недооцененным (*Broadbridge*, 2011; *Koby*, 2012b; 2013. Р. 32; *Barker*, 2015). Письменные источники содержат не только примеры успешного сохранения связей между родственниками, прибывшими в Египет в качестве рабов, в том числе и в разное время, но и сведения о прямых контактах мамлюков с родными племенами, оставшимися в Степи, на Кавказе или в Причерноморье.

Кроме того, как минимум современ султана Аль-Малика аль-Мансура Сайф ад-Дин Калауна (1279–1290) мамлюки в султанате на государственном уровне, на уровне общественного и даже культурного восприятия, разделялись, в первую очередь, именно по признаку своего этнического происхождения (*Koby*, 2013. Р. 37–42).

Прибывавших в султанат военных рабов распределяли по корпусам, сформированным из их соотечественников и, что не менее важно – бывших единоверцев. Члены разных этнических групп отличались друг от друга своими чинами и занимаемыми должностями, и даже тюркские имена присваивались им из определенного для каждой из групп списка (*Koby*, 2013. Р. 32).

Все это способствовало не только сохранению этнической идентичности, но и использованию ее в качестве инструмента политической борьбы, а это, в свою очередь, *требовало* сохранения связей с родной землей, с родными племенами.

Важно подчеркнуть, что национальная идентичность не была столь принципиальна, пока мамлюки занимались решением внешнеполитических проблем. С победой над монголами при Айн Джалуте в 659/1260 и походом на Акру в 690/1291 основные внешние угрозы Султаната были устранены. И как только границы государства оказались в относительной безопасности, этническая идентичность и солидарность в рамках мамлюкской корпорации «была поднята на щит» и использовалась как средство внутриполитической борьбы. Достаточно отметить то обстоятельство, что подавляющее большинство попыток переворотов при Бахритах были инициированы не-тюрками против тюркских правителей и фракций (*Koby*, 2012a. Р. 397).

Созданное тюрками государство мамлюков, принявшее наследственный принцип передачи власти в рамках одной тюркской династии – Калаунидов, тем не менее, с 80-х гг. XIV в. переходит под власть династии черкесской – Бурджитов. Этому способствовал целый комплекс

причин. Последствия эпидемии чумы, поразившей кочевые племена степей Предкавказья, Азово-Черноморья и Крыма², и практически обошедшей стороной жителей предгорий Северо-Западного Кавказа, безусловно, должны были переориентировать региональные рынки рабов на поставку людей из более «благополучных» регионов. Развал Ильханата, а затем и Великая Замятня в Золотой Орде для султаната обернулись тем, что в прежнем объеме перестали поступать монгольские и тюркские мамлюки, а следовательно, возникла потребность возместить этот недостаток человеческих ресурсов (*Poliak*, 1942. Р. 864–867; *Ayalon*, 1949).

Безусловно, усиление партии Бурджи в Султанате, в свою очередь, еще более форсировало поставку из черноморских портов, а также и сухопутными путями их единоплеменников, что не могло не оставить следов в жизни северокавказских черкесов.

Письменные источники не содержат конкретных сведений об этом, но проследить опосредованное отражение данных процессов и явлений, а в ряде случаев и прямые свидетельства присутствия мамлюков на Северном Кавказе, позволяют источники археологические – массовые, объективные, яркие, и – парадоксально – до сих пор в «мамлюкском» контексте *системно* не рассматривавшиеся.

Археологические памятники, о которых пойдет речь ниже, известны с конца XIX в. и изучаются многие десятилетия поколениями исследователей. Прежде всего, это материалы элитарных курганных могильников XIV – начала XVI в., исследованных Н. И. Веселовским в 1896–1897, 1906–1907 гг. в окрестностях станицы Белореченская, синхронные материалы раскопок погребений в окрестностях Геленджика (раскопки 1911 г. К. ф.-Мерса), а также недавние исследования погребений «белореченского круга» у ст. Фарс (*Днепровский, Носкова*, 1991) и могильника Приреченский-2 (раскопки Л. Э. Голубева 2022 г.), Уникальное погребение мамлюка исследовано у ст. Старокорсунская под Краснодаром (*Голубев*, 2002. С. 142–146).

От остальных синхронных погребальных памятников Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья Белореченская группа

² В 747 году [24 апреля 1346 — 12 апреля 1347 г.] приключилась в землях Узбековых чума, [от которой] обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно по 1000 трупов, или около того, как мне рассказывал об этом заслуживающий доверия купец. Затем чума перешла в Рум, где погибло [много] народу. Сообщал мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, что кади Крымский рассказывал [следующее]: «Сосчитали мы умерших от чумы и оказалось их 85 000 тысяч, не считая тех, которых мы не знаем. В настоящее время чума на о. Кипре, да голод великий также». ... В месяце реджебе 749 года [25 сентября — 24 октября 1348 г.] чума перешла в Хaleb — да устранил Аллах от нас зло ее!» (*СМИЗО. Ибн ал-Варди*. С. 237).

курганных могильников отличается присутствием значительного числа изделий западноевропейских и золотоордынских мастеров, но, прежде всего, беспрецедентным не только для Северного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья, но также и для Крыма, Приазовья, Предкавказья, количеством импортов из Сирии и Египта, а также Малой Азии. Кроме того, в Белореченских курганах выявлены специфичные погребальные сооружения и целый ряд особенностей обряда, не имеющих корней в местных традициях.

В научной литературе сформировались два взгляда на природу этих памятников. Согласно первому, феномен Белореченских курганов интерпретируется как явление местного порядка, результат развития местной этнической материальной и духовной культуры. Как крайнее выражение этой точки зрения следует указать на попытки выделения самостоятельной археологической «Белореченской культуры» (см.: *Чхаидзе, Дружинина*, 2018. С. 507–509). В рамках второго подхода, в качестве причины своеобразия данных памятников рассматривается поликультурный состав населения их оставившего, и соответственно смешение погребальных традиций и практик различных народов и племен, совместно проживавших в рамках огромного полиэтнического государства – Золотой Орды.

Однако ни первый, ни второй подход не объясняют целый ряд особенностей Белореченских курганов и обстоятельств, обусловивших их появление. Прежде всего, остается без ответа вопрос, почему самые богатые, самые представительные по содержанию вещей, привезенных из Мамлюкского султаната, памятники находятся в стороне от сухопутных торговых путей и портов, прежде всего – главных рынков рабов Каффы и Азака. Не находит объяснения сосредоточение египетских и сирийских импортов в курганах, расположенных в бассейне р Бела́я, в основном, на ее правом берегу, тогда как в синхронных памятниках Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья их на порядок меньше или нет вовсе. Не предложены убедительные объяснения нахождению в Белореченских погребениях целого пласта материалов, связанных с исламом, и т.д.

Все эти вопросы теряют актуальность, если рассматривать памятники белореченского круга как феномен, который возник в результате явного политического, культурного, религиозного влияния двух государств – Золотой Орды и Мамлюкского султаната. Причем степень этого влияния изменялась во времени, была взаимозависимой и обратно пропорциональной: в белореченских материалах XIV в. прослеживается господствующее влияние традиций Золотой Орды – в особенностях погребальных обрядов и в материальной культуре населения, оставившего эти памятники. Однако уже на этом этапе выделяются археологические

комплексы, по материалам которых прослеживается причастность высшей белореченской знати к организации поставок черкесов в Каир. С рубежа XIV–XV вв., напротив, усиливается влияние Египта, так, что на протяжении XV в., по крайней мере, в бытовой повседневной культуре черкесской знати Закубанья это влияние становится преобладающим.

В данной связи была обозначена необходимость изучения вопроса происхождения памятников белореченского круга в контексте влияния «мамлюкского фактора» (Дружинина, 2019. С. 328).

Прежде всего отметим, что хронология Белореченских курганов, отражает основные этапы функционирования трафика поставки военных рабов с территории Улуса Джучи в Мамлюкский султанат.

Дипломатические отношения между Золотой Ордой и Египтом были установлены в начале 60-х гг. XIII в., при султানে Бейбарсе I (1260–1277) и хане Берке (1209–1266) (СМИЗО. С. 275; Закиров, 1966. С. 39).

Главной общей стратегической целью этого союза было объединенное противостояние Хулагуидам. Помимо того, каждая из сторон решала свои важнейшие задачи, которые для Египта состояли в пополнение корпуса мамлюков, а для Золотой Орды – в поставках оружия (СМИЗО. С. 324–325; Кулешов, 2010).

Практическая реализация этих договоренностей напрямую затрагивала население Северо-Восточного Причерноморья, Закубанья, степей Азово-Черноморья и Предкавказья, отражалась на материальной культуре народов региона, их демографической структуре, этническом составе, религиозных верованиях, социально-политической организации, что не могло не отразиться в материалах памятников археологии.

В бахритский период (1250–1382) основной контингент военных рабов, вывозимых с территории юга Восточной Европы, составляли кочевники-тюрки – половцы, кыпчаки и др. Вывоз осуществлялся через Крым, где находились крупнейшие центры работорговли – Каффа и Солдайя. В Каффе торговцы из Сирии и Каира (Jeremichali of Syria, Hassan of Syria, Yaqūb of Cairo и др.) владели домами (Barker, 2014. P. 169), здесь же упоминает мусульманских купцов (наряду с аланскими и франкскими) и Рукн-ад-Дин Бейбарсом ал-Мансури ал-Мысри (ум. 1325) (СМИЗО. С. 61). Главным портом для мамлюкской торговли в регионе выступала Солдайя (Barker, 2014. P. 169), а центром дипломатии – региональная «столица» Джучидов – Солхат (СМИЗО. С. 46).

Археологические материалы из памятников Предкавказья – степной полосы Прикубанья и Ставрополя, которые с большой долей вероятности можно связывать с поставками юношей и молодых мужчин в Султанат для пополнения корпуса мамлюков, представлены серией элитарных воинских погребений XIII в. (Чхаидзе, Дружинина, 2010.

С. 110–125). Эти комплексы отличает наличие полного комплекта вооружения. Безусловно, при их интерпретации следует, прежде всего, учитывать то, что на Ставрополье располагалась зимняя ставка хана (СМИЗО. *Ибн Батутта*. С. 289), что подразумевало присутствие высшей военной и гражданской аристократии, однако, даже с учетом этого факта, на фоне синхронных материалов Крыма, Дона, Волги, Урала – такая концентрация погребений воинов в дорогах dospexax и во всеоружии не типична.

Значительная часть этого престижного вооружения, безусловно, связана с поставками из Мамлюкского султаната³, при этом представители кочевой знати Азово-Черноморских и Предкавказских степей являлись конечными адресатами этих поставок – в основной своей массе египетское вооружение не выходило за пределы Прикубанья и Предкавказья. Распределение на карте региона комплексов с полным комплектом оборонительного и наступательного вооружения (Чхаидзе, 2018. С. 506), позволяет увидеть в них реализованные статьи договоров между участниками антихулагуидского союза, а также вознаграждение джучидских поставщиков, агентов, распорядителей, отвечавших за бесперебойное функционирование торговли рабами для пополнения корпуса мамлюков.

³ *Источники содержат красноречивые свидетельства оптовых отправок оружия бахритами джучидам: «Султан обласкал послов Берке и послов Ласкариса, прибывших вместе с ними, и изготовил для Берке в подарок всяческие прекрасные вещи, как то: писание священное, писанное, как говорят, [халифом] Османом, сыном Аффана, разноцветные подушки и ковры для [совершения] молитвы; венецианские материи и левантские платья; ковры из кож с навесами и из шкур; мечи калджурские с насечками; позолоченные булавы; франкские шлемы и позолоченные латы; крытые фонари; шандалы; механизмы [органы ?] с футлярами, светильники двойные с планкированными подставками; седла харезмские; коврики для совершения намаза; уздечки — все это с инкрустацией из золота и серебра; луки с кольцами, луки для метания ядер и луки для метания нефти; копыа камышовые и дротики; стрелы в ящиках; котлы из змеевика; позолоченные лампады на серебряных позолоченных цепочках; черных служителей и прислужниц-поварих; быстроногих арабских коней и нубийских верблюдиц; ходких вьючных животных; обезьян, попугаев и разные другие предметы. Он облачил послов в одежду рыцарства и в месяце рамазана того же года [9 июля — 7 августа 1263 г.] отпустил их восвояси»* Рукн-ад-Дин Бейбарсом ал-Мансури ал-Мысри (ум. 1325) (СМИЗО. С. 53). *«Послы Узбека явились к высочайшему двору, представили свою грамоту и поднесли свой подарок. Подарок Узбека состоял из 3 соколов и 6 невольников, из кольчуги, булатного шлема и меча. Никто из царей их прежде этого не присылал ничего подобного, потому что у них в обычае бережливость; такой размер был лишь вследствие уважения, [оказанного] султаном ему самому, [ибо] султан уже [прежде] послал ему 200 полных вооружений из лат и шлемов, попоны, целый исподний халат из шитого золотом атласа, белую кисею для чалмы, верхнюю накидку, открытую, шитую золотом, с золотой каймой, золотую шапочку, золотой пояс, оседланного коня с золотой уздечкой, меч с золотой насечкой и по части коней [другую] лошадь, у которой седло и уздечка были украшены драгоценными камнями»* (СМИЗО. *Ибн Дукмак*. С. 152)

Безусловно, все, что касалось этой сверхдоходной торговли с Египтом (торговые операции, объемы поставок, доходы, персонал и т.д.), находилось под непосредственным контролем и вниманием золотоордынских ханов. Монгольскими ханами поставки невольников использовались в качестве рычага воздействия на Султанат, в том числе в их стремлении вынудить Египет организовать военный поход на Хулагуидов. К подобной мере воздействия на султана ал-Малика ан-Насира прибегнул хан Узбек, когда султан отказался отправить войска против хлагуидского хана Абу Саида (1316–1335), о чем мы узнаем из письма султана, доставленного ко двору хана Узбека египетским послом Баха ад-дин Каракушем аз-Захири: *«Я заключил мир с царем Абу Саидом только ради мусульманства его и вступления его с находящимися при нем лицами в правоверие; нельзя запретить ему паломничество [в Мекку]; это один из столпов ислама, и он будет пособником в победе веры и мира. Что же касается того, что царь запретил купцам [нашим] покупать [у вас] рабов, то – хвала Аллаху – мы не нуждаемся в рабах. Если вы желаете продолжать любовь и дружбу [с нами], то вы будете товарищами. Прощай!»* (СМИЗО. Ибн Дукмак. С. 321, 329).

Периодически омрачавшиеся отношения между государствами, отягощаемые историями с неблагополучным браком родственницы Узбека Тулунбии и ал-Малика ан-Насира (СМИЗО. С. 264, 268–269, 326–327), а также отказом египетской стороны на сватовство Узбека к одной из дочерей султана (СМИЗО. С. 262–263), по-видимому, также привело к тому, что сын Узбека Джанибек *«повелел всем Татарам (или старшинам?) надеть чалмы и ферязи и приказал не возить (более) рабов в Египет»* (СМИЗО. С. 263).

Без сомнения, функционирование трафика военных рабов, поставлявшихся в Султанат, требовало его отлаженной работы, подразумевающей как минимум наличие местных^{4,5} и международных

⁴ Работоторговцы редко отправлялись в глубинку, чтобы лично захватить или купить рабов. Вместо этого они выходили на региональные рынки, куда местные торговцы, а также успешные воины и бедные семьи приводили невольников (Barker, 2014. Р. 213). По всей видимости, один из таких рынков функционировал в Геленджикской бухте, где локализовалась генуэзская колония Мавролако. Археологическим подтверждением этому являются резко выделяющиеся на общем фоне могильников погребения белореченского круга (подкурганные, со срубами, в составе инвентаря мужских погребений – предметы мамлюкского импорта, а также наборные пояса), исследованные К. фон Мерсом в начале XX в. в районе Геленджика (*ф.-Мерс*, 1911. Л. 82–84).

⁵ Как указывает Х. Баркер, абхазские и мингрельские рабы, а также черкесы продавались через порты Севастополя, Батума и Фасос в устье реки Риони. Севастополь – единственный из кавказских портов, для которого сохранилось современное описание работоторговли. В 1330 году английский францисканец по имени Питер, назначенный епископом Севастополя, написал письмо своим коллегам на родине в Англии, в котором описал условия своего нового престола. Он жаловался, что в то время как Латинские

(прежде всего, Кафа, Солдайя и Тана) рынков, а также персонала (торговых агентов⁶, купцов⁷, дипломатов⁸, контролеров, охраны⁹ и т.д.).

В контексте рассмотрения этапов функционирования трафика черкесских военных рабов в Султанат интересен ранний хронологический пласт материалов Белореченских курганов, возникновение которого хронологически соответствует Бахритской династии (1250–1382). Эта серия комплексов XIV в., фиксирует погребальные традиции, характерные не только для местных оседлых племен (ингумационные

христиане проводили свое время в праздности на Западе: *«На востоке владения христиан уменьшаются и попираются ежедневно и сарацины ежедневно и злобно попирают их, совершая то предательства, то обещания, то мучения, то подношения, то войны на суше и на море, то продажу христиан за бесценок в базарные дни, когда их тащат на веревке, привязанной к шее лошади за хвост, продаваемых, потому что нет никого, кто бы помог. Скорее это праздный город, в который я, хотя и недостойный, был назначен по воле верховного понтифика, где по слухам, сто христиан проданы сарацинам и уведены в землю сарацин и сделаны сарацинами. Поэтому я выступаю против гнусного дела всеми силами. Тем не менее, те, кто здесь правит, хотя они и христиане, не повинуются мне ни в этом, ни в другом, потому что в отношении раскола они из греков»* (Barker, 2014. Р. 211).

⁶ Источники упоминают мусульманских купцов в Каффе (СМИЗО. С. 61; Barker, 2014. Р. 169).

⁷ Хотя несколько генуэзских торговцев действительно участвовали в работорговле, арабские источники ясно показывают, что большинство работорговцев на рынке мамлюков были мусульманами мамлюкского, анатолийского или крымского происхождения. Показательно, что возивший в начале XIV в. рабов из Крыма в Египет генуэзский купец Сегурано Сальвайго (Segurano-Sakran Salvaugo) «вывешивал флаг мамлюкских султанов» (Amitai, 2008. Р. 355). Известно, что работорговец Маджд аль-Дин часто путешествовал между Каиром и Тебризом, используя почтовых лошадей. Когда он посещал двор Ильханидов, он оставался там два или три года. По тому же пути, проходившему к северу от Тебриза, доставлял черкесских рабов в Каир другой знаменитый работорговец Фахр аль-Дин, прославившийся тем, что привез в Египет будущего султана Баркука (Tsugitaka Sato, 2006. Р. 144).

⁸ Поставка мамлюков, безусловно, требовала и дипломатической работы. Со времени установления династии Ильханидов в 654/1256 году враждебные отношения между мамлюками и Ильханидами продолжались до конца правления хана Газана (694–713 / 1295–1304). Поскольку Маджд ад-Дин пользовался доверием как султана ан-Насира, так и племянника Газана Абу Саида (716–36/1316–35), он выступал посредником между ними, несколько раз ездил в Тебриз к султану с письмами и подарками. В 722/1322 году амир Айтамиш аль-Мухаммад был послан к Абу Саиду для заключения мирного договора, который действовал в течение десяти лет и десяти дней и гарантировал, что дороги между двумя странами будут открыты, что позволит всем торговцам свободно путешествовать и совершать паломничества (о роли дипломатии в организации и функционировании торговли мамлюками, а также основная библиография вопроса см.: Закиров, 1966; Amitai, 2008).

⁹ О необходимости такой охраны свидетельствуют упоминающиеся в источниках случаи нападения на работорговцев. Так в 1290 г. франки напали на караван, остановившийся в порту Акры, убили торговцев и захватили мамлюков и остальное добро (Amitai, 2008. Р. 355). Известно об охраняемых пеших караванах.

погребения с западной ориентировкой), прослеживаемые по памятникам XII–XIII вв. (могильники Убинский, Казазово и др.), но и кочевников (в обряде: ориентировка – восточная, северная, южная, ямы с заплечиками, в инвентаре: колчаны с костяными обкладками, металлическое зеркало, дутые полые спиральные кольца, серебряные витые браслеты со стеклами). В материалах этих погребений местная знать предстает как часть элиты золотоордынской, в том числе соответствует общеимперским образцам и в костюме, и в прическе, и в вооружении (*Горелик, 2007*).

Одной из самых ранних является курганный комплекс к северу от ст. Белореченская, исследованный Н. И. Веселовским в 1907 г. (хроноиндикаторами здесь выступают колчан с костяными накладками (курган 2), металлическое зеркало (курган 4), сабля с серебряной гравировкой под рукоятью). В самом большом кургане (высотой 4 м) был похоронен человек, ориентированный головой на восток. Погребальный инвентарь соответствует набору вещей элитарных золотоордынских воинских комплексов (железная сабля и остатки колчана со стрелами, пояс с богатым серебряным набором, золотая чаша, золотая серьга).

В группе курганов к югу от ст. Белореченская, исследованной в 1897 и 1906 гг., в южной поле насыпи кургана 9 (1906), выявлено погребение. Под головой погребенного – золотая чашка, выше головы – еще два серебряных разломавшихся сосуда. На погребенном был пояс с серебряным набором, справа у пояса – кожаная сумка и 12-шипная булава-моргенштерн с золотой гравировкой, за ней – наконечники стрел. Наискось над скелетом лежала сабля (*ОАК за 1906 г. С. 98–99. Рис. 126–128*).

Эти элитарные воинские комплексы отличает от погребений тюркской золотоордынской знати только отсутствие сопровождающего захоронения лошади, а в инвентаре – предметов конской упряжи, и, наоборот, присутствие в составе вещевого набора в погребениях двух–трех чаш и ковшей из золота и серебра – тогда как в захоронениях кочевников количество этих предметов в редких случаях больше одного (*Чхаидзе, 2017*).

Однако на этом общем фоне выделяется комплекс кургана 53 (1896). Размеры насыпи и погребальная обстановка определенно указывают на элитарность погребения. Высота кургана – более 4 м, погребение совершено в яме. Под локтями покойного находились две серебряные плоские чаши, у колена – серебряный ковш, два серебряных проволочных кольца, поперек ног у колен – железная сабля, у левого бока – железный нож и кресало с кремнем, справа и слева от скелета – железные наконечники стрел (ранние, XIII в.¹⁰), бляхи и пряжки, золотая пластинчатая серьга,

¹⁰ Аналогии с территории Предкавказья: погребения середины XIII в. у с. Раздольное; первой половины XIV в. Коллекторский – 2/14, 1983 г. (*Чхаидзе, Дружинина, 2010. С. 122–123. Рис. 6, 9*).

серебряные с позолотой пуговицы, пояс с серебряным позолоченным набором, в ногах – стеклянная ваза с гербами султана Бейбарса (1260–1277) и изображением пирующих фигур (*ОАК за 1896*. С. 26, 28–30. Рис. 153–164). Мамлюкская ваза датирована 1270-ми гг. (*Крамаровский*, 2019. С. 336), она, без сомнения, представляет собой изготовленный на заказ продукт работы сирийских стеклоделов и эмальеров. Чашу с гербом султана Бейбарса нельзя рассматривать в качестве товара импортной торговли: как показали обзоры находок сирийского элитарного стекла подобного ранга, их нет ни на территории Руси (выявлен лишь один (!) декантер в ходе археологических раскопок (*Кузина*, 2017. С. 101), но их нет даже в Крыму (*Голофаст*, 2022. С. 112–122).

Погребение из кургана 53 (1896) – самое престижное в ранней серии белореченских захоронений. Чашу с гербами султана Бейбарса, не покупную, а, несомненно, наградную вещь высочайшего ранга, ее хозяин мог получить в качестве дара, являясь членом дипломатического посольства, которым на приеме у султана жаловали престижные одежды, золотые пояса и другие предметы роскоши (например: *СМИЗО*. С. 120), или в качестве награды, как представитель интересов султана на Северо-Западном Кавказе.

Следующий хронологический и исторический период – период Великой замятни в Орде (1359–1380), которая кардинально изменила не только расстановку сил в самом Улусе Джучи, но прямо или косвенно повлияла на смену династий в Султанате.

Дипломатические связи между двумя государствами практически замерли. Последняя инициатива, исходившая от хана Золотой Орды, связана с письмом хана Джанибека египетскому султану о победе над азербайджанским правителем Маликом Ашрафом (1357). Попытку наладить дипломатические отношения с Султанатом (и укрепить свое положение) предпринимал темник Мамай, однако неудачную. Посольство от хана в Египет отправится уже только при Тохтамыше (*СМИЗО. Ибн Дукмак*. С. 153), после окончания Замятни, спустя тридцать лет. В эти годы султанат изыскивал возможности сохранить функционирование канала поставок военных рабов. Так, в 765 г. х. (1363/1364) арабские историки сообщают о переписке канцелярии султана Египта с неким Ходжой Алибеком «визирь царства канского» «в землях Узбековых» (*СМИЗО*. С. 257, 293). Но, видимо, и эта попытка не возымела успеха. Весомой (и увесистой – по количеству золотых предметов) точкой «крымского периода» в истории функционирования международного трафика по поставке военных рабов в Султанат, как представляется, следует рассматривать Симферопольский клад (*Крамаровский*, 2000. С. 288–335). Погнутая пайцза хана Кельдибека (? – 1362), погибшего

всего за 2 года до дипломатической переписки султаната с Ходжой Алибеком, также вошла в состав клада, две трети которого составляло мамлюкское золото.

Археологические материалы Северо-Восточного Причерноморья, Предкавказья и Закубанья периода Замятни демонстрируют постепенное ослабление власти монгольских ханов в регионе. В степи исчезли элитарные кочевнические комплексы. В предгорьях Северного Кавказа – уменьшается количество признаков кочевнического обряда в курганах и самих комплексов, связанных со степняками.

В это время в Закубанье появляется особая серия погребений в медных гробах, в том числе и в Белореченском кургане 1 (1897) (Горелик, Дружинина, 2010; Дружинина, 2014; Абрамова, Дружинина, 2022). Все погребенные принадлежат представителям местной воинской элиты, состоявшей на службе у Джучидов. Происхождение этой яркой погребальной традиции пока не ясно, возможно, ее появление связано с усилением влияния в регионе Султаната. Во всяком случае, медные гробы XIV в., как и первые деревянные гробы в погребальной практике черкесов, появляются именно в Белореченских курганах. От большинства этих конструкций сохранились фрагменты досок, иногда обитых шелком или парчой, железные гвозди и скобы (Левашева, 1953. С. 169).

И в этом отношении примечательно, что адыгское слово пхъэмбей/пхъэмбай, обозначающее собственно ‘гроб’, образовано из адыгского пхъэ – ‘дерево’ и второй части бей/бай – несомненно, иноязычного происхождения: возможно, из арабского bait ‘дом’, ‘комната’, ‘помещение’, ‘сооружение’; ‘ящик’, ‘сундук’, ‘коробка’; ‘покрышка’, ‘чехол’, ‘обшивка’, ‘облицовка’, откуда казахское бейіт – ‘могила’, киргизское бейит – ‘могила (вместе с надмогильным сооружением)’ (Шагиров, 1977. С. 22–23).

Третья хронологическая группа Белореченских курганов приходится на время правления хана Тохтамыша (1380–1395), которому при помощи могущественного покровительства Тамерлана удалось закончить смуту в Орде и восстановить единое государство. Возобновляются дипломатические отношения с Султанатом, во главе которого новая династия Бурджи.

В Белореченском кургане 1 (1896) погребен человек по обряду, характерному для мусульманских захоронений Поволжья (в яме с заплечиками, перекрытой сырцовым кирпичом), в составе погребального инвентаря выявлено навершие монгольской шапки-орбелге, колчан, обложенный орнаментированными костяными пластинками, поливная чаша, великолепный мамлюкский стеклянный декантер. Сложно представить более красноречивый набор артефактов, характеризующих

деятельность джучидского нойона, отвечающего за поставки горцев Северо-Западного Кавказа в Египет для пополнения корпуса мамлюков.

Однако период благоденствия Тохтамыша продлился не долго. Он заключил антитамерлановский союз с османами и мамлюками (на деле так и не реализованный). Можно только предполагать, являлась ли судьба земель Северо-Западного Кавказа, где проживали родственники бурджитских султанов и эмиров, предметом переговоров, но как факт – с конца XIV в. организация поставок подростков, юношей и молодых мужчин с Северного Кавказа в Египет теперь находилась в руках единоплеменников будущих мамлюков. Беспрецедентное обилие египетской и сирийской роскоши в Белореченских курганах конца XIV и весь XV вв. недвусмысленно указывает на то, куда из Крыма переместился центр торговли черкесскими невольниками и невольницами. Разгром Тохтамыша Тамерланом в 1395 г. поставил окончательную точку подчинения черкесов Золотой Орде и контроля над торговлей военными рабами.

С конца XIV в. источники содержат многочисленные свидетельства того, как султаны Бурджи перевозят свою черкесскую родню и сотнями вербуют мамлюков.

Белореченские захоронения конца XIV–XV в. заполнены мамлюкской роскошью, которая не менее красноречиво, чем это сделали бы письменные источники, демонстрирует прямое участие этих людей в делах Мамлюкского султаната.

В бурджитскую эпоху – известны многочисленные случаи организации покупки родственников султанами и эмирами. За родственниками своей жены Джулубан на Северный Кавказ отправил агента султан ал-Ашраф Барсбай (1422–1438). Эта миссия окончилась успешно: в Каир прибыли мать Джулубан, вторая жена ее отца, ее братья и сестры, сводные братья и сестры, а также члены их семей (*Barker, 2015. Р. 100*). Доставка такого количества людей, безусловно, требовала сложной организации и определенно – персонала различной специализации. Один из братьев Джулубан к тому времени уже был мамлюком в Египте (*Barker, 2015. Р. 100*). Не лишено логики предположение, что он сам мог быть в составе этой миссии. Такой же сценарий, возможно, произошел с Кансухом, братом умм-валад султана ал-Ашрафа Каитбея (1468–1496) Усуи-бей (*Barker, 2015*).

Но пожалуй, наиболее интересным в этом плане является миссия Усмана – первого из отправленных за родней знатного мамлюка (в данном случае – командующего египетской армией и будущего султана Баркука (1382–1389, 1390–1399) на Северный Кавказ и успешно ее доставившего в Каир. В состав делегации входили престарелый отец

Баркука – Анаш, по меньшей мере, две сестры Баркука, несколько его племянников, а также множество других родственников, чьи точные отношения с Баркуком неизвестны.

Особенно важно, что эта миссия приходилась на время, когда Баркук еще не стал султаном. Как справедливо отмечает Х. Баркер, для успешного выполнения задания *«посланник должен был иметь с ними (родственниками Баркука – И.Д.) прямые и достаточно дружеские отношения в прошлом»* (Barker, 2015. Р. 91).

Коммуникации и связь, разумеется, не были обычным делом, доступным любому, о чем в том числе свидетельствует множество историй о случайных встречах родственников на территории султаната. Показателен пример с двумя братьями из Черкесии – Джаркисом и Жакмаком (будущим султаном), старший брат был продан султану, младший – через несколько лет – эмиру. Встреча братьев была неожиданной, по крайней мере, для старшего брата Джаркиса. Он сумел убедить султана выкупить Жакмака для королевского корпуса мамлюков, чем открыл младшему брату блестящую карьеру (Barker, 2015).

Источники позволяют проследить различные сценария вывоза рабов-родственников с Северо-Западного Кавказа, а это подразумевает и высокую степень осведомленности о том, как сложились судьбы увезенных в Египет единоплеменников, и о доверии к купцу или агенту.

Археологические материалы XV в. также впервые предоставляют достоверные свидетельства пребывания мамлюков на Северном Кавказе. К началу XV в. относится уникальное погребение мамлюка, выявленное в 1997 г. под Краснодаром у ст. Старокорсунская В. Н. Каминским. Воин был похоронен по языческому обряду – под курганной насыпью, на горизонте, вытянуто на спине, лицо было обращено на север. При погребенном находилась сабля и другие предметы погребального инвентаря, среди которых были выявлены два мамлюкских ранка – медальоны из шелка и войлока на деревянной основе с изображением мамлюкских геральдических знаков (Голубев, 2002. С. 142–146.).

К концу XV в. относится воинское погребение из белореченского кургана 2 (1896), в котором в составе погребального инвентаря был выявлен замт – головной убор типа папахи, являющийся специфичным элементом экипировки египетских мамлюков, а также навершие рукояти сабли, аналогии которому известны на рукоятях мамлюкских клинков последней трети XV в.

Белореченские курганы XV в. насыщены предметами роскоши из Египта и Сирии. Их изобилие заставляет искать источник их поступления не только в торговых операциях (Левашева, 1953. С. 208–212), ограблении караванов (Крамаровский, 2012. С. 334), но, главным

образом, в прямых и целенаправленных поставках предметов роскоши из дворцов мамлюкского султаната в дома их родственников в качестве подарков, а также в качестве вознаграждения местных северокавказских агентов и купцов, обеспечивающих доставку черкесов в султанат.

В этих материалах в контексте нашей темы следует выделить три категории вещей из числа мамлюкского импорта.

Предметы, демонстрирующие власть мамлюков – ***символы и атрибуты власти***. Безусловно, их считанные единицы. В первую очередь, следует упомянуть выявленные у ст. Старокорсунская в погребении мамлюка ранки – медальоны из шелка и войлока на деревянной основе с изображением мамлюкских геральдических знаков: в верхнем поле – пенала, в среднем поле – двух чаш, нижнее поле повреждено (Голубев, 2002. С. 142–146). Д. В. Садофеев пришел к выводу, что геральдические элементы обнаруженных медальонов имеют наибольшее сходство со знаком мамлюка султана Баркука Сайф ад-Дин Уздамура. Во время правления султана Шайха Уздамур стал эмиром сотни, а в 1421 году был арестован султаном Татаром и скончался в том же году (Садофеев, 2017. С. 83–84). Появление ранка Уздамура и, соответственно, использование этого знака его мамлюками, можно отнести к началу XV в. Археологические находки из погребения мамлюка у ст. Старокорсунская также не противоречат этой датировке.

В ст. Чамлыкской полковник Н. Каменев раскопал богатое подкурганное погребение, совершенное в гробнице сложенной из квадратного жженого кирпича на извести. Погребенный лежал головой на запад, при нем были обнаружены золотой поясной набор, золотая чаша и обломки серебряной чаши, различные золотые украшений и детали костюма, полный набор вооружения (наконечники стрел, фрагменты лука, меч (сабля-?), навершие булавы, нож), а также костяной калам в серебряном пенале (Каменев, 1870). Вещи не сохранились. Калам и пенал из богатейшего комплекса у ст. Чамлыкской лишь гипотетически могут рассматриваться в качестве признака мамлюкского погребения, тем не менее, следовало отметить эти уникальные находки, которые в султанате являлись профессиональными атрибутами мамлюкской придворной должности давадара.

Вторая категория находок – это предметы моды (или образцы материальной культуры) султаната: детали костюма, предметы интерьера, быта и, безусловно, воинской экипировки и вооружения. Эти предметы, подчеркивающие статус и богатство владельцев, не только выделяли их на фоне остального населения, но также выводили их из пространства джучидской культуры.

Помимо подарков, поступавших из Султаната, это были личные вещи, которые привозили мамлюки и члены их семей, приезжавшие (в т.ч. и возвращавшиеся) на Кавказ.

Стеклянные сосуды с росписью золотом и цветными эмалями производства сирийских мастерских (Ракка, Хама, Алеппо, Дамаск) являются, пожалуй, одной из наиболее показательных категорий находок в контексте изучения темы мамлюкского присутствия на Северном Кавказе. Речь идет не о стеклянных расписных стаканах, фрагменты которых являются едва ли не обычной находкой на памятниках XIII–XIV вв. Северо-Восточного Причерноморья, Крыма, Приазовья, Руси и других территорий. В Закубанье, в материалах белореченского круга, выявлено беспрецедентное не только для Северного Кавказа, но и для археологии Крыма (*Голофаст*, 2021. С. 112–122), Руси (*Кузина*, 2017. С. 101), Золотой Орды – количество декантеров – винных сосудов для торжественных застолий, а также других форм элитарного исламского стекла (бутыли, ваза), которые являлись предметами роскоши, а то и вовсе производились только на заказ и не были предметами торговли. С территории Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья и именно из погребений белореченского круга происходят не менее шести декантеров (5 целых, 1 во фрагментах) (*Дружинина*, 2019. С. 260–261) – сосудов с высоким тонким горлом, объемным округлым туловом и широкой поллой ножкой; на небольшом расстоянии от венчика горло снабжено упором для пальцев в виде кольца (*Кузина*, 2017. С. 102, 106–107): 1. из кургана 1 у станицы Белореченская (раскопки Н. И. Веселовского, 1896) (*ОАК за 1896 г.* С. 18–20. Рис. 98а,б; *Кузина*, 2017. С. 102, 106. Рис. 8), высота 32,5 см декорирован растительным орнаментом, арабскими надписями и фигурами всадников, скачущих по кругу; 2. декантер, сохранившийся на высоту 31,5 см, обнаружен в окрестностях станицы Каменноостская, орнаментирован арабскими надписями, сидящими мужскими фигурами в чалмах и халатах, горло сосуда покрыто арабесками синего, белого, красного цвета и позолотой (*Кузина*, 2017. С. 102, 10. Рис. 9); 3. из кургана 1 могильника Носовцева поляна 1 (окрестности Сочи), высотой около 32 см, расписан золотом и цветными эмалями (*Василиненко*, 2007. С. 247, 252. Рис. 5, 7; *Кузина*, 2017. С. 102, 106. Рис. 7); 4. приобретен в Майкопе в 1901 г., украшен росписью цветными эмалями, находит прямые аналогии сосуду начала XIV в. из Музея Метрополитен в Нью Йорке (*Vernoit*, 1998. Р. 210. Fig. 25, 7; *Кузина*, 2017. С. 106. Рис. 6); 5. из кургана к северу от ст. Кужорская, высота сосуда – ок. 31 см, верхняя половина и горло декантера сохранили следы орнаментации краской: «беловатой, в которую положена розовая, с переходами до коричневатой, желтоватой и синеватой», узор состоит из геометрических линий и цветков, выше этого узора, «около самого горлышка» – арабская надпись (*ОАК за 1895 г.* С. 161–162. Рис. 355). Помимо декантеров, близ станицы Псебайская обнаружена стеклянная бутылка, с эмалевой росписью,

найдена, из полупрозрачного стекла, с шарообразным туловом на вогнутом дне, с высоким горлом, заканчивающимся грушевидным расширением, украшена пятью фризами декора, выполненными синей, красной и белой эмалями (*Крамаровский*, 2015. С. 160–161). Особый интерес представляет стеклянная ваза с изображениями среди растений и пирующих человеческих фигур гербов султана Бейбарса (1260–1277) в виде шести кругов, в каждом из которых помещен на красном фоне идущий влево лев, расписанный белой эмалью. Под этими изображениями – полоса с арабской надписью, ниже – арабески и летящие птицы, а на полосе, которая украшала ножку, изображены несколько человеческих фигур с кубками в руках. Ваза обнаружена в к. 53 близ ст. Белореченская (раскопки Н.И. Веселовского 1896 г.) (*ОАК за 1896 г.* С. 28–30. Рис. 154).

Нижнюю хронологическую дату производства стеклоделия Сирии определяет нашествие Тамерлана около 1400 г. (*Голофаст*, 2021. С. 115), что не только позволяет датировать белореченские комплексы, содержащие изделия мамлюкских стеклоделов (с определенным «допуском» на время бытования предмета), но и маркирует определенный период функционирования трафика поставок в Египет военных рабов с Северо-Западного Кавказа.

Деревянные шкатулки в форме прямоугольного ящика с внутренним замком и ручкой-скобой обнаружены в девяти женских белореченских погребениях (№№ 4, 10, 12, 20, 33, 41 – раскопки 1896 г., № 7 – раскопки 1897 г., №№ 8-9 – раскопки 1907 г.), в том числе две шкатулки выявлены в кургане – 20 (1896). Поверхности шкатулок украшены глубокой резьбой. Основным элементом орнамента являются шести- и двенадцатилучевые звезды, составляющие бесконечный узор. Одна из шкатулок была украшена резными изображениями растений, животных и людей. Шкатулка из кургана 41 (1896) инкрустирована костяными накладками.

Украшение сплошной геометрической резьбой поверхностей стен, михрабов, а также мебели, предметов интерьера, книжных художественных изделий – характерная и хорошо узнаваемая черта мамлюкского искусства периода его расцвета XIV–XV вв. Как правило, комбинации из звезд являются наиболее заметным, повторяющимся элементом бесконечного узора. Панели с резным орнаментом, в том числе инкрустированные пластинами из слоновой кости, нигде не нашли такого богатого применения, как в мамлюкском Египте, резчики которого во многом задавали направления развития так называемого кассетного стиля (*Kühnel*, 1950. Р. 55).

Отметим, что детали железных замков и скоб от шкатулок выявлены в синхронных женских подкурганых погребениях либо на территории Адыгеи: у ст. Ханская (*ОАК за 1906 г.* С. 102. Рис. 133), в мог. Пшиш,

Шенджий, Ленинохабль (*Носкова*, 2005. С 192), либо в курганных погребениях конца XV–XVII вв. более восточных районов (*Дружинина*, 2019. С. 387, 394 и др.): у хут. Важный, Байтал-Чапкан, Бесленей – на территории Карачаево-Черкесии, в могильниках на территории Кабардино-Балкарии: у сел. Нижний Черек, Чегем II, Шалушка (*Нагоев*, 2000. С 69), при этом резные деревянные панели, аналогичные белореченским, более нигде не зафиксированы. В ряду редких исключений – находка деталей шкатулки (железного запора) в женском грунтовом погребении 87 могильника Псебепс-3, в котором также была обнаружена поясная цепь, аналогичная находкам в кургане 10 у ст. Белореченская (1896), серебряная с позолотой накладка и колпачок от тумара (*Красильникова*, 2017. Рис. 972–980).

Поясные наборы. Говоря о находках серебряных и золотых деталей поясных гарнитур в погребениях XIV–XV вв. на Северо-Западном Кавказе и Северо-Восточном Причерноморье, в первую очередь, следует подчеркнуть, что они являются маркирующей особенностью памятников белореченского круга. За пределами зоны распространения подкурганных погребений в бассейне р. Белая рассматриваемого хронологического периода поясные наборы выявлены только в одном из плитовых подкурганных погребений могильниках у ст. Натухаевская (*Сизов*, 1889. С. 87–89. Таб. XIV, 12–13; Таб. XV, 34), в одном погребении грунтового могильника на пос. Жукова (*Нечипорук*, Рис. 842, 7–11), в погребениях 102, 12, 13 могильника Псебепс-3 (*Красильникова*, 2017. Рис. 912, 14, 925, 6–7, 1012, 4–7), одна серебряная бляшка обнаружена в погребении 37 могильника у ст. Гостагаевская. Поясная цепь, аналогичная белореченским (курган 10 (1896), курганы 19 и 22 у ст. Ханская (1906 г. раскопок), обнаружена в кочевническом погребении Ахтырский Лиман I-33 (*Армарчук*, *Сорокина*, С. 203).

На фоне этих единичных находок серебряных поясных наборов в общей массе многих сотен исследованных комплексов XIV–XV вв., обнаружение десятков поясов в Белореченских курганах, в том числе в четырех погребениях по 2 и даже по 3 набора в одном комплексе (*ОАК за 1896*. С. 8), причем как в мужских, так и в женских захоронениях (*Левашева*, 1953. С. 194–195), выглядит не стандартно и очень показательно. К этому же кругу древностей должны быть отнесены находки серебряных деталей поясной гарнитуры на черноморском побережье Кавказа, в том числе в погребениях, исследованных Карлом фон Мерсом под Геленджиком (генуэзская колония и порт Мавролако), в которых были выявлены аналогичные белореченским срубы.

Среди поясов, выявленных в погребениях Белореченских курганов, выделяется изделия западноевропейских и золотоордынских мастеров, но самая большая группа представлена поясами малоазийских и ближневосточных мастерских (*Крамаровский*, 1985).

Отдельной научной задачей, которая еще ждет своего решения, является объяснение значительного числа находок малоазийского происхождения, и прежде всего, предметов поясной гарнитуры. М. Г. Крамаровский связывает их появление с мастерами, прибывшими в Крым в свите иконийского султана Изз-ад-дина Кей-Кавуса II (1246–1257), которому на правах ленного владения монгольскими ханами был передан Солхат и Судак. Как указывает сам исследователь, «никаких прямых данных о работе малоазийских мастеров, обслуживающих интересы семьи иконийского султана, у нас нет» (Крамаровский, 2012. С. 160). Однако, в Крыму, в составе Симферопольского клада и в погребении в Мангупской базилики, были выявлены два поясных набора, прямой и ближайшей аналогией которых является пояс из Белореченского кургана № 8 (1896). Установив малоазийское происхождение всех трех находок, учитывая массовость близких по формам поясных украшений, обнаруженных в Белореченских и в отдельных погребениях кабардинских курганов, М. Г. Крамаровский пришел к выводу, что в Крыму популярность «сельджукского стиля» была кратковременной и вся эта продукция из крымских мастерских (предпочтительно – из Солхата-Крыма) поступала на Кавказ (Крамаровский, 2012. С. 162). Соглашаясь с малоазийской атрибуцией находок, принять версию о локализации в Крыму производственных центров, удовлетворяющих высокий спрос на пояса «сельджукского стиля» северо-кавказской элиты, сложно, хотя бы по причине малочисленности подобных находок в Крыму, не говоря о производственном браке или обнаружении самих мастерских.

Представляется, что появление значительной серии вещей «сельджукского стиля» в Белореченских курганах объясняется тем, что регион Малой Азии (или отдельные его провинции) попадал в сферу влияния султаната. Так, южная и восточная Анатолия на протяжении большей части XV в. оставалась зоной влияния, конфликтов, соперничества, взаимодействия мамлюков, османов, тимуридов (см.: *Adriaenssens, Steenbergen*, 2016. P. 591–630).

Отмеченное М. Г. Крамаровским ухудшение качества этой продукции, по-видимому, может объясняться «девальвацией символов», которыми при ранних бахритах (а также еще в первой половине XIV в.) являлись пояса с серебряными и золотыми гарнитурами. Следует особо подчеркнуть, у мамлюков дорогой пояс *hiyâşa* являлся атрибутом высшей военной аристократии. Как указывает Л. А. Маер, эти пояса изготавливались из драгоценного металла, иногда они были сделаны из золота и украшены нефритом (яшмой) – такой пояс мог быть *только подарен султаном высшим эмирам* (Mayer, 1952. P. 25–26). Рядовые мамлюки и офицеры низшего сословия носили матерчатые пояса типа кушака без украшения.

Социальный кризис, постигший султанат после третьего правления ан-Насира ибн Калауна (1309–1341), созданный пролетаризацией армии и приходом к власти определенных слоев гражданского населения, отражался в искусстве, в моде, в материальной культуре в целом (Levanoni, 1990; Walker, 2004. Р. 5–6). Поясные наборы из драгоценных металлов стали доступны более широким социальным слоям, утратили статус элитарности, что неизбежно должно было сказаться на качестве их выделки – последствия этих процессов, видимо, и демонстрируют белореченские материалы.

Предметы мамлюкского вооружения, как было показано выше в приведенных цитатах из арабских источников, поступали на территорию Золотой Орды, в том числе и на Северный Кавказ. Мы не ставим перед собой задачу в данной работе рассмотреть весь комплекс вооружения. Тем более, часть этой работы уже проделана исследователями ранее. Здесь хотелось бы обратить внимание коллег на то, что «мамлюкский ракурс» рассмотрения белореченских и шире – северокавказских материалов, существенно и результативно расширяет базу аналогий. Приведу самый показательный пример, который касается изучения сабель: типы перекрестий из Белореченских и более поздних – кабардинских курганов находят прямые аналогии в образцах мамлюкского клинкового оружия. В музее Топкапы хранятся именные сабли мамлюкских султанов, сопоставление которых с северокавказскими материалами позволит существенно уточнить датировку отдельных типов сабельных клинков.

Остановимся также на одной белореченской находке из кургана № 2 (1896) – наверший рукояти, несомненно, мамлюкского образца клинкового оружия (лезвие не сохранилось или не получило должного музейного номера и не идентифицируется). Его характерная восьмигранная в плане форма, а также стиль орнаментации находят прямые аналогии в оформлении наверший рукоятей мамлюкских клинков XV в. из собрания Топкапы (Топкарі Sarayı Museum), в частности – навершие сабли с выгравированным на клинке именем султана Каитбая (1468–1496). Однотипное навершие имеет еще одна мамлюкская сабля XV в. (Alexander, 2006. Р. 31. Fig. 15–16). Для этих клинков характерна и особая схема заклепок на рукояти. Так, рукоять сабли султана Каитбая украшена тремя декоративными заклепками из позолоченного серебра в виде розеток, образованных переплетенными петлями, в виде солнечной спирали и в виде звезды, лучи которой разделены точками и растительными завитками. Эти элементы орнамента находят аналогии в материалах могильника Каррас (Пятигорье), а также в белореченских материалах – на поясных пряжках из кургана 38 (1896) (ОАК за 1896 г. С. 20–22).

И, пожалуй, наиболее важная в контексте изучения предмета настоящего исследования, третья категория находок из Белореченских курганов – это *вещи, связанные с исламом*. К ним относится серия тумаров – футляров для хранения фрагментов священных текстов, филактерии, а также поясные накладки с изречениями из Корана.

Тумары иногда неверно интерпретируются как «туалетные приборы», «несессеры», «цилиндрические флакончики», в которых «хранились краска и стреженек для сурмления бровей» (*Левашева*, 1953. С. 184–185) и как «игольник» (*Лесков*, 1985. С. 47). Всего в памятниках белореченского круга таких находок выявлено не менее десяти: в Белореченских курганах выявлено не менее 7 тумаров, в 2022 г. в кургане могильника Приречный-2 близ Белореченска Л. Э. Голубевым выявлен тумар, еще один происходит из женского погребения в могильнике Шенджий (*Носкова*, 2015). Вне круга Белореченских курганов в синхронных памятниках Северо-Западного Кавказа тумары обнаружены в погребении XIV – начала XV вв.: у ст. Натухаевская, в погребениях 102 и 34 могильника Псебепс-3 (*Красильникова*, 2017. Рис. 912, 11, 1624, 1), один тумар происходит из могильника Каррас конца XV–XVI вв.

Помимо того, в двух белореченских погребениях выявлены две коробочки–филактерии, аналоги которым в памятниках Северо-Западного Кавказа нам не известны. Показательно, что ближайшие крымские аналогии белореченским тумарам и филактериям входят в состав Симферопольскогоклада.

Обратим также внимание на значительное число находок поясных накладок и ременных наконечников с изречениями из Корана, с именем Аллаха, выявленных в курганах на р. Белая. Пояс – единственный предмет одежды, который, согласно мусульманской теологической интерпретации, можно было делать из серебра или золота (*Mayer*, 1952. Р. 26).

При интерпретации этих вещей не следует упускать из внимания тот факт, что в XIII–XV вв. существовала мода на «арабский стиль»: стеклянные стаканы с арабскими благопожелательными надписями археологи находят в культурном слое памятников вплоть до Северной Европы (*Голофаст*, 2021), китайский шелк адаптировался для рынка мамлюков и украшался вышивками с текстами из Корана и именами султанов (*Mackie*, 1984. Р. 141), в тюркестане сформировался особый венецианско-мамлюкский стиль и т.д. Однако, представляется, что находки в Белореченских курганах предметов, связанных с исламом, отражают не модные тенденции, а влияние ислама на мировоззрение и верования черкесов Закубанья.

Интересная находка была сделана Н. И. Веселовским в самом богатом женском белореченском погребении (курган 10, 1896). У пояса покойной был обнаружен маленький, украшенный шитьем, шелковый мешочек, в котором была зашита глинистая земля, как указывает Н.И. Веселовский, «взятая, может быть, на память посещения Мекки или какой-нибудь другой мусульманской святыни». В этом же комплексе находилась деревянная украшенная резьбой шкатулка, золотой пояс-цепь с арабской надписью, фигурной формы амулетница и другие предметы роскошной погребальной обстановки.

О паломничестве мусульман (в том числе с семьями) Золотой Орды в Хиджаз и в другие святые места¹¹ сообщает жизнеописание Египетского султана ал-Малика ан-Насира ибн Калауна. Один из послов хана Токты остался в Египте *«для совершения священного паломничества (в Мекку), потому что он и жены его прибыли туда с этим намерением. Владыка наш султан [аль Малик ан Насир ибн Калаун] помог ему (в этом) оказанием ему милости, попечением о нем и содействием ему к достижению этого желания»* (СМИЗО. С. 262). В 1340 в Мекку отправился «Сейфеддин Солгат, прибывший из Крыма. Это был зять Меликтемира, наместника Крымского» (СМИЗО. С. 269).

Устраивавшиеся регулярно паломничества старших жен султанов в Мекку являлись мероприятиями государственной важности, демонстрировавшими величие Султаната, прочность власти мамлюков и их приверженность исламу (Johnson, 2000. Р. 107–131). Не исключено, что черкесы Закубанья – состоятельные родственники знатных мамлюков, могли прибывать в султанат специально для участия в этих паломничествах.

Письменные источники содержат информацию об обращении родственников знатных Бурджитов в ислам после переселения в султанат. Ислам принял отец Баркука. Все прибывшие родственники Джулубан, жены султана ал-Ашрафа Барсбая (1422–1438), совершили с ней хадж в 1431 г. (Barker, 2015. Р. 100).

Насколько глубока была вера новообращенных, показывают примеры самих султанов. Источники восхваляют лишь некоторых черкесских султанов за то, что они религиозны и набожны.

Одним из наиболее образованных и глубоко верующих Тагрибирди называет Барсбая (1422–1438), а наиболее благочестивыми названы

¹¹ Знаменитые кладбища Каира и Фустата, прежде всего аль-Карафа, под священной горой Мукат, и прежде всего, их знаменитые мавзолеи (Imam al-Shafi), навещали как египтяне, так паломники и путешественники из-за пределов Египта, эта традиция почитания святых – зиарат (ziyarah) представляла огромный культурный пласт, культурное явление (Ohtoshi Tetsuya, 2006. Р. 86).

султан Жакмак¹² (824/1438–857/1453) и Ашраф Кайтбай¹³ (1468–1496). О султанае Хушкадаме (1461–1467), греке по происхождению, говорили, что его арабский язык был «близок к правильному», что он и его жена очень любили суфийский образ жизни и султан даже приказал прикрыть свои носилки залатанным платьем суфии (*Schimmel*, 1965. Р. 355–360).

Напротив, в случае султана Инала (1453–1461) источники показывают¹⁴, *«насколько велики были трудности, с которыми приходилось сталкиваться этим иностранцам, и как мало они иногда заботились о том, чтобы узнать что-то большее, чем внешние позы во время молитвы»* (*Schimmel*, 1965. Р. 361).

Сочинения Макризи, Тагрибирди, Ибн Йаса и других историков исполнены критики и порицания нравов простых мамлюков и их отношения к исламу. При Бурджитах длительное обучение исламу, являвшееся при ранних Бахритах необходимой частью программы подготовки мамлюков, стало не обязательным (*Levanoni*, 1990).

В целом же следует подчеркнуть, что султаны мамлюки, несмотря на свой иногда довольно нечестивый образ жизни, всегда считали себя защитниками истинной веры. Присутствие халифа при их дворе давало им неоспоримое превосходство над другими мусульманскими правителями того времени. Мамлюки, безусловно, считались воинами ислама. И свои войны они объявляли джихадом (как, например, кампанию против Тамерлана). Так что одним из факторов, который рассматривается исследователями в качестве причины поражения мамлюков в последней войне с османами 1516–1517 гг., называют то, что они утратили инициативу объявления священной войны мусульман.

¹² Он женился на дочери одного из ведущих кади аль-Баризи, и его набожность достигла такой степени, что эмиры, которые в противном случае предлагали бы ему подарки наличными и товарами, чтобы завоевать его благосклонность, теперь пытались угодить ему, совершая паломничество, или путем строительства мечетей и медресе. Джакмак старался избегать всего, что противоречило шариату или сунне (*Schimmel*, 1965. С. 358, 359).

¹³ Вопреки общей практике мамлюков, он никогда не пил вина и не принимал никаких наркотиков. У него была только одна жена, и он следовал пути суфи. Он даже прочитал много книг и, поскольку верил в факиров, сам составил ряд аурадов и азкаров, которые, по словам Ибн Йаса, долгое время использовались в мечетях. Кайтбай особенно известен как великий основатель и реставратор культовых сооружений. Его мечеть и медресе в Каире принадлежат к красивейшим образцам мамлюкской архитектуры. Он отремонтировал гробницу Пророка в Медине и построил медресе в Мекке, Иерусалиме и других местах (*Ибн Йас*. 2022. С. 375–376; *Schimmel*, 1965. С. 362)..

¹⁴ Ибн Тагрибирди о молитве Инала: «Кроме того, султан не мог даже написать свое имя ... он не мог хорошо произнести ни Фатиху, ни любую другую часть Священного Корана, а его ритуальная молитва была подобна клюву петуха. Да не позаботится об этом Бог! – и, несмотря на эту странную молитву, он не любил ни умоляющего, ни продления дуа после ритуальных молитв, но иногда мешал молящимся людям продолжать его (*Schimmel*, 1965. Р. 361).

И это сильнейшее идеологическое оружие было использовано турками против них самих.

Иноземцы в арабском мире, большинство из которых плохо говорило по-арабски или вообще не знало его, мамлюки не могли выделиться только своими воинственными качествами. Мамлюки и бахритской, и бурджитской династий позиционировали себя как главных защитников ислама и мусульман, а потому – как самых достойных претендентов на управление государством (*Berriah*, 2019. Р. 234). Ислам был тем основанием, которое легитимизировало иностранцев-мамлюков в качестве правителей в арабском мире.

Погребения представителей высшей мамлюкской знати совершались в памятниках монументальной погребальной архитектуры – мавзолеях (*Kenney*, 2017). Что касается рядового населения, в том числе и мамлюков, их погребальные практики уже хорошо изучены по материалам археологии. К настоящему времени раскопано большое количество мусульманских кладбищ мамлюкского времени (*Yannai*, 2008; *Gorzalczany*, 2014) и кладбищ мамлюков (*Nagar, Arbel*, 2017) на территории Султаната.

В Яффе раскопано 46 погребений мамлюков, они похоронены в грунтовых ямах, обычно перекрытых каменными плитами, в положении на правом боку, череп на правом виске (лицо в сторону Кыблы), все погребения одиночные и безынвентарные (*Nagar, Arbel*, 2017. Р. 239–240).

Особый интерес представляют результаты археологических раскопок мусульманского кладбища Баб эль-Гурэйб второй половины XIV в. – конца XV в. на востоке Каира (*Pradines*, 2021. Р. 120). Для погребальных практик мусульман Каира времени черкесских мамлюков характерна ориентировка тела на север-юг лицом к юго-востоку, в направлении Мекки. Погребения совершались в узких ямах глубиной 1–1,5 метра. В обычных мусульманских погребальных практиках деревянные гробы использовались только для транспортировки *тел на кладбище*. *Тела были завернуты в саваны (кафан)*, один или два куса хлопка, обычно белого, но иногда зеленого цвета. На поверхности могилы были отмечены надгробиями, расположенными в изголовье, ещё одна вертикальная плита располагалась у ног. Надгробие иногда содержит имя, дату и некоторые стихи из Корана. Отдельные надгробия – в виде стел, увенчанных тюбанами. Несколько редких предметов, найденных в погребениях, представлены ювелирными изделиями: браслетами, кольцами и бусами. Во время раскопок зафиксировались каменные блоки и толстостенная керамика в погребальных ямах, которые обычно помещали вдоль нижних конечностей, чтобы зафиксировать тело в боковом положении (*Pradines*, 2021. Р. 120–122)¹⁵.

¹⁵ При этом кладбище Баб эль-Гурэйб содержит многочисленные погребения людей,

Идентифицируются ли по обряду мусульманские погребения в черкесских могильниках Закубанья XIV – начала XVI вв.?

Определенно мусульманским является белореченское погребение мужчины из кургана 6 (1906): безынвентарное, в простой могильной яме, с западной ориентировкой погребенного, череп на правом виске. И здесь чрезвычайно важно подчеркнуть то обстоятельство, что мусульманин был погребен с соблюдением канона, иначе говоря, обряд проводили мусульмане.

С другой стороны, единственное пока достоверно известное на Кубани погребение мамлюка, а значит, мусульманина, было совершено по местному языческому обряду. И это само по себе ставит методическую проблему – различия мусульман в немусульманском обществе. Два этих случая позволяют сделать определенный вывод: в обществе, оставившем Белореченские курганы, присутствовал определенный процент мусульман, и приверженцев ислама здесь было больше, чем это может показать количество погребений, совершенных по канонам ислама.

Возможно, к числу мусульманских относится и «самое бедное мужское погребение» (*Веселовский*, 1897. С. 30) в кургане 29, совершенное в грунтовой яме, из вещей – холщевый мешочек с кресалом, железные наконечники стрел и сабля. Хотя в равной степени этот комплекс можно отнести как к числу погребений христиан, так и язычников.

С определенной долей вероятности можно связывать с исламом погребенную в кургане № 8 (1896), несмотря на то, что это одно из самых богатых женских захоронений. В инвентаре этого комплекса, помимо двух золотых пластинчатых перстней и золотого пластинчатого браслета, золотых проволочных серег в виде знака вопроса, остатков кожаных сапог и золотой пластинки от ножных повязок, находился «роскошный серебряный, густо вызолоченный» (*ОАК за 1896 г.* С. 48) пояс работы малоазийских мастеров, с бляхой-розеткой, на одной стороне которой изображен человек, раздирающий пасть льва, на другой – летящий феникс, а также с другими деталями гарнитуры, украшенными зооморфным и растительным орнаментом и арабскими надписями, в том числе четырежды повторенным именем «Аллах». На мусульманский характер погребения указывает обмазка стен могилы

умерших во время эпидемий чумы (с 1349 до 1365, затем с 1469 по 1513 гг.), унесших жизни сотен тысяч горожан. Эти погребения часто совершались с нарушением исламских погребальных канонов. Прежде всего, это связано с совершением коллективных погребений. Некоторые могилы содержали от двух до пяти особей в одной яме, кости имели обесцвечивание, показывающее, что они подвергались воздействию огня. Следы извести также были обнаружены в некоторых могилах, что показывает, что могли быть использованы различные процессы сжигания или очистки (*Pradines*, 2021. Р. 123-124).

глиняной штукатуркой, и подсыпка дна желтым песком, а также особое перекрытие могилы из досок с железными наугольниками. Помимо того, на досках была зафиксирована позолота от текстильного изделия, в котором можно усматривать погребальный покров.

Завершая этот сюжет, необходимо коротко остановиться на одном очень выразительном элементе обряда черкесов Закубанья, который демонстрируют Белореченские курганы и который не имеет корней ни в местной культуре, ни в языческих культах кочевников Золотой Орды. Речь идет о сооружении деревянных срубов (*Левашева*, 1953). По своей форме – прямоугольная в плане камера под сводчатым перекрытием – они находят аналогии в мусульманских каменных гробницах, в том числе хорошо известных по средневековым кладбищам Каира.

Погребения XIV в. в подобных срубах выявлены в Азаке, а также в кургане, известном как «Мамайское старое кладбище», на окраине Старого Крыма (Солхата). Последнее погребение в срубе особенно интересно, поскольку было совершено по мусульманскому обряду – безынвентарное, поворот лица погребенного к югу (*Крамаровский*, 1996. С. 39–41).

Важно подчеркнуть, что подавляющее большинство Белореченских курганов, в которых выявлены срубы, относятся не к периоду расцвета Золотой Орды (а, следовательно, не связаны с ее традициями), а ко времени распада Улуса Джучи и одновременно – к периоду Бурджитской династии мамлюков.

Еще одним веским аргументом в пользу концепции о прямом или опосредованном мамлюкском участии в судьбах населения Северо-Западного Кавказа, и как одного из проявлений этого участия – в формировании памятников Белореченского круга – является то обстоятельство, что феномен курганов на р. Белая исчезает одновременно с Султанатом Бурджи.

Рассмотренные в данной статье археологические материалы из черкесских курганов Закубанья представлены предметами роскоши, достойными дворцов султанов, элементами костюма и быта, характерными для жителей средневековых арабских городов, серией находок, связанных с исламской религиозной традицией. Они попадали на Северо-Западный Кавказ не только в качестве товаров, но и как дары родственникам, жалование торговым агентам, дипломатам и другим представителям Султаната, проживавшим на землях черкесов, личные вещи мамлюков, прибывавших в родные земли с различными миссиями. Важнейший пласт археологической информации отражает бытование в XIV – начале XVI в. у черкесов Закубанья особых черт погребального обряда, не имеющих местных корней и находящих аналогии в погребальных практиках

мусульманского Востока, что, в свою очередь, указывает на далеко превосходящую только торговые связи картину взаимодействия черкесов Закубанья и их родственников – мамлюков Египта и Сирии.

Подводя итог этой во многом обзорной работе, следует, прежде всего, подчеркнуть, что в ней было пунктирно обозначено лишь небольшое число вопросов и тем, возникающих при рассмотрении давно известных археологических материалов из раскопок памятников черкесов Закубанья XIV–XVI вв. в «мамлюкском ракурсе». В статье почти не были затронуты вопросы о влиянии традиций и вкусов Султаната на сложение мужского и женского костюма населения Северо-Западного Кавказа, а также об обратном влиянии; целый блок вопросов, достойных отдельного обсуждения, связанный с изучением последствий перманентной убыли юношей и девушек – самой активной и перспективной части населения Северо-Западного Кавказа – для исторического, социально-политического, демографического, культурного развития региона; интереснейшая тема о судьбах мамлюков, возвращавшихся в родные земли после поражения Султаната в войне 1516–1517 с Османами. Все эти и множество других тем должны быть переосмыслены с учетом новых исследовательских перспектив и всестороннего комплексного изучения всех имеющихся источников.

Литература

- Ибн Ияс*. История черкесских мамлюков. Султанат Малика Ашрафа Абуль-Нафа Саифа аль-Дина Каитбая Махмуди Захири / Пер. с франц. К. А. Мальбахова. Нальчик; СПб.: Реноме, 2022. 408 с.
- СМИЗО*: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Санкт-Петербургской Академии наук, 1884. 564 с.
- Аль-Холи А.* Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. Казань: Иман, 2002. 49 с.
- Армарчук Е. А., Сорокина И. А.* Богатое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж: ВГУ. 2001. С. 195–209.
- Василиненко Д. Э.* Средневековый курганный могильник Носовцева Поляна 1 в долине р. Мзыста (г. Сочи) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. М.: Памятники исторической мысли. 2007. С. 245–274.
- Голофаст Л. А.* Несколько групп стеклянных сосудов из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе // МАИЭТ. 2021. XXVI. С. 107–142.
- Голубев Л. Э.* Мамлюкские гербы из Прикубанья // ИАА. 2002. Вып. 8. С. 142–146.

- Горелик М. В. Культура империй, созданных кочевниками // Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. М.: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. С. 197–200.
- Горелик М. В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик: КБНЦ РАН, 2008. С. 158–189.
- Горелик М. В., Дружинина И. А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (№ 2). М.: Марджани, 2011. С. 39–63.
- Днепровский К. А., Носкова Л. М. Некоторые аспекты развития Северо-Западного Кавказа в древности и средневековье // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 18. М.: ИВ АН СССР, 1991. М. С. 44–59.
- Дружинина И. А. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Диссертация канд. историч. наук. // Архив ИА РАН. Р-2. М., 2019. 645 с.
- Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.
- Зеленев Е. И. Мусульманский Египет. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. 372 с.
- Карпов С. П. Работорговля в Тане в XIV–XV вв. (преимущественно по данным венецианских нотариальных источников) // ВВ. 2018. Том 101. С. 128–142.
- Крамаровский М. Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV веков (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры востока. Л.: Искусство. 1985. С. 152–180.
- Крамаровский М. Г., Погребение беклярибека Мамае (?): археологические наблюдения и исторический контекст // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. СПб.: Государственный Эрмитаж. 1996. С. 38–41.
- Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. 494 с.
- Красильникова Л. И. Отчет об охранных археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Псебепс-3» в Крымском районе Краснодарского края в 2016 г. / Архив ИА РАН. Р-1. 2017.
- Кузина И. Н. Стекланные декантеры на памятниках Восточной Европы // От Руси до Китая. Из новых археологических исследований. М.: ИА РАН. 2017. С. 101–110.
- Кулешов Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фен», 2010. С. 73–97.
- Левашева В. П. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XXII. М.: Госкультпросветиздат, 1953. С. 163–213.
- Лесков А. М. Сокровища курганов Адыгеи: каталог выставки. М.: Государственный музей Востока, 1985. 150 с.

- Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. Нальчик: «Эль-Фа», 2000. 230 с.
- Носкова Л. М. Средневековые погребения могильника на р. Пишиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов // Материальная культура Востока. Вып. 4. М.: Государственный музей Востока, 2005. С. 186–202.
- ОАК за 1895 г.: Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1897. 201 с.
- ОАК за 1896 г.: Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1898. 251 с.
- ОАК за 1906 г.: Отчет Императорской археологической комиссии за 1906 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1909. 151 с.
- Певзнер С. Б. Художественные ткани средневекового Египта в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Изд. дом Марджани, 2015. 196 с.
- Садофеев Д. В. Мамлюкская геральдика периода Бурджи (1382–1517) // Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2017. С. 66–92.
- Семенова Л. А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М.: Наука, 1966. 217 с.
- Хасанов А. А. Социально-политический строй мамлюкского Египта при черкесских султанах (1382–1517): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1974. 176 с.
- Хотко С. Х. Черкесские мамлюки (XIII–XVIII вв.). Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 1993. 179 с.
- Чхаидзе В. Н. Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII–XIV вв. // ПА. 2017. № 4 (22). С. 275–296.
- Чхаидзе В. Н. Погребальный обряд кочевников Предкавказья XI–XIV вв. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева. 2018. С. 507–509.
- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А. О так называемых касожской, белореченской и старокабардинской «археологических культурах» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. Карачаевск: КЧГУ им. У. Д. Алиева, 2018. С. 507–509.
- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М.: Марджани, 2010. С. 110–125.
- Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. / Отв. ред. чл.-корр. АН Грузинской ССР К. В. Ломтагидзе. М.: Наука, 1977.
- Adriaenssens V., Steenbergen J. V. Mamluk authorities and Anatolian realities: Jānibak al-Šūfī, sultan al-Ashraf Barsbāy, and the story of a social network in the Mamluk/Anatolian frontier zone, 1435–1438 // Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series. 2016. Vol. 26, No. 4. P. 591–630.
- Alexander David. Swords from Ottoman and Mamluk Treasuries // Artibus Asiae, Vol. 66, No. 2, Pearls from Water. Rubies from Stone. Studies in Islamic Art in Honor of Priscilla Soucek. Part I. 2006. P. 13–34.

- Amitai R.* Diplomacy and the slave trade in the Eastern Mediterranean: a reexamination of the Mamluk-Byzantine-Genoese triangle in the late Thirteenth century in light of the existing early correspondence // *Oriente Moderno*, Nr. 2. 2008. P. 349–368.
- Amitai R.* Echoes of the Eurasian Steppe in the Daily Culture of Mamluk Military Society // *Journal of the Royal Asiatic Society*, Third series, Vol. 26, No. 1/2, The Mongols and Post-Mongol Asia: Studies in Honour of David O. Morgan. 2016. P. 261–270.
- Ayalon D.* The Circassians in the Mamlūk Kingdom // *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 69, No. 3 (Jul.– Sep., 1949). 1949. P. 135–147.
- Ayalon D.* L'Esclavage du Mamelouk // *Oriental Notes and Studies*. 1951. Vol. 1. P. 1–66.
- Barker H.* Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade, 1260–1500. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of Arts and Sciences. Columbia University, 2014. 471 p.
- Barker H.* Reconnecting with the Homeland: Black Sea Slaves in Mamluk Biographical Dictionaries // *Medieval Prosopography*. 2015. Vol. 30. P. 87–104.
- Berriah M.* Représentations, sunnanisation et sacralisation de la furūsiyya à l'époque mamelouke (XIIIe–XVIe siècle) // *Bulletin d'études orientales*, 2018 – 2019. Tome 67, Nouveaux itinéraires épigraphique d'Orient et d'Occident: Études dédiées à la mémoire de Solange Ory (2018–2019). 2019. P. 229–246.
- Broadbridge Anne F.* Sending Home for Mom and Dad: The Extended Family Impulse in Mamluk Politics // *MSR*. 2011. XV. P. 1–18.
- Gorzalczany A.* A Section of the Gezer-Ramla Aqueduct (Qanat Bint al-Kafir) and a mamluk-period cemetery near Moshav Yashresh // *'Atiqot*. 2014. Vol. 79. P. 213–230.
- Johnson K.* Royal Pilgrims: Mamlūk Accounts of the Pilgrimages to Mecca of the Khawand al-Kubrā (Senior Wife of the Sultan) // *Studia Islamica*. 2000. No. 91. P. 107–131.
- Kenney E.* The Turbah of Sitt Sutaytah: A Funerary Foundation for a Mamluk Noblewoman in Fourteenth-Century Damascus // *MRS*. 2017. XX. P. 133–165.
- Koby Y.* Dawlat al-atrāk or dawlat al-mamālīk? Ethnic origin or slave origin as the defining characteristic of the ruling 'elite in the Mamlūk sultanate // *Jerusalem Studies In Arabic And Islam*. 2012a. Vol. 39. P. 387–410.
- Koby Y.* Mamluks and Their Relatives in the Period of the Mamluk Sultanate (1250–1517) // *MSR*. 2012b. XVI. P. 55–69.
- Koby Yosef.* Naming the Mamlūks: Ethnic Groups and Ethnic Solidarity during the Mamluk Sultanate // *Zmanim: A Historical Quarterly*. Vol. 124 (Autumn, 2013). 2013. P. 30–43 (на иврите).
- Kühnel E.* Der mamlukische kassettenstil // *Kunst des Orients*, Herbst. Vol. 1. 1950. P. 55–68.
- Levanoni A.* A Turning Point in Mamluk History. Reuven Amitai-Preiss, "The Remaking of the Military Elite of Mamluk Egypt by al-Nasir Muhammad b. Qalawun" // *Studia Islamica*. 1990. 72. P. 34–72.
- Mackie L. W.* Toward an Understanding of Mamluk Silks: National and International Considerations // *Muqarnas*, 1984, Vol. 2, P. 127–146.

- Mayer L. A.* Mamluk costume, a Survey. Genève, A. Kundig. 1952. 120 p., 20 pl.
- Nagar Y., Arbel Y.* Soldiers' Graves in Mamluk Jaffa // Israel Exploration Journal, 2017. Vol. 67, No. 2. P. 232–246.
- Ohtoshi Tetsuya.* Cairene Cemeteries as Public Loci in Mamluk Egypt // MSR. 2006. X, no. 1. P. 83–116.
- Poliak A. N.* The Influence of Çhingiz-Khān's Yāsa upon the General Organization of the Mamlūk State // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1942, Vol. 10, no. 4. P. 862–876.
- Pradines S.* Archaeological Excavations of Bāb al-Ghurayb Cemetery: Plague Epidemics and the Ruin of Fourteenth-Century Cairo // MSR. 2021. XXIV. P. 117–168.
- Schimmel A.* Some glimpses of the religious life in Egypt during the later mamlūk period // Islamic Studies, Vol. 4, No. 4. 1965. P. 353–392.
- Tsugitaka Sato.* Slave Traders and Kārimī Merchants during the Mamluk Period: A Comparative Study // MSR. 2006. X, no. 1. P. 141–156.
- Yannai Eli.* Bet Dagan // Hadashot Arkheologiyot. 2008. Vol. 120. P. 342–356.
- Venzke M. L.* The Case of a Dulgadir-Mamluk Iqta': A Re-Assessment of the Dulgadir Principality and Its Position within the Ottoman Mamluk Rivalry // The Economic and Social History of The Orient. III / 3. 2000. P. 399–474.
- Walker B. J.* Ceramic Evidence for Political Transformations in Early Mamluk Egypt // MSR. 2004. Vol. 8/1. P. 1–114.

I. A. Druzhinina

MAMLUKS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 14TH – EARLY 16TH CENTURY

Abstract: the article presents a new scientific concept of the history of relations between Mamelukes of Egypt and Syria and related tribes of Transcuban in 14th – 16th centuries, which reflects multilateral cultural and political influence of the Sultanate on Circassians, reveals forms of this interaction and dynamics of its development, determined by political and social processes that took place in Ulus Jochi and Sultanate and largely determined the special choice of historical path of Circassian peoples. For the first time, in addition to written sources, archaeological materials were used to study the subject. This layer of sources, obtained during the excavations of the burial monuments of the Northwestern Caucasus and the Northeastern Black Sea Region in the 14th – 16th centuries, reflects not only the specifics of cultural and historical development of this region as part of the vast empire - the Golden Horde, but also diversified processes, phenomena and events in the history of the Mamluk Sultanate.

Keywords: archaeology, Belorechensk Mounds, Mamluk Sultanate, Egypt, Syria, Caucasus, Golden Horde

И. Б. Кабардов

ВЛИЯНИЕ СУЛТАНАТА МАМЛЮКОВ БУРДЖИ НА ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАБАРДЫ: ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Резюме: в работе рассматриваются наиболее актуальные вопросы генезиса политической элиты восточных адыгов эпохи позднего средневековья – корпорации *уорков*, которые утверждали и воплощали в себе понятие Кабарда не столько в географическом, сколько в культурном и политико-правовом смысле. Сформулированы основные положения гипотезы об определявших формирование социально-политических отношений и институтов в Кабарде внешних и внутренних факторах – военно-политических, социально-экономических, культурных интересов Мамлюкского султаната периода правления династии Бурджи (1382–1517), с одной стороны, и традиций мужских союзов, существовавших на территории Кавказа, с другой. Впервые в отечественной и зарубежной историографии обозначено влияние на процессы институционализации властей Кабарды традиций и принципов таких специфичных и многоплановых культурных явлений средневекового Востока, как *футувва* и *фурусийя*.

Ключевые слова: Кабарда, Мамлюкский Султанат, политическая организация, уорки, футувва, фурусийя, Египет, Сирия, Кавказ, мужские союзы, Золотая Орда

История черкесских мамлюков традиционно исследуется и в зарубежной, и в отечественной историографии как часть истории ближневосточной.

Приходится констатировать, что в изучении условий формирования и специфики политической организации адыгов в эпоху позднего средневековья до сих пор практически не был учтен уникальный исторический опыт, когда черкесы не только были частью единого централизованного государства, являвшегося при этом одной из крупнейших держав своего времени – Султаната мамлюков Бурджи («*Dawlat al-Djarākisa*», 1382–1517 гг.), но и стояли у его руководства, во многом направляя его развитие и определяя его судьбу. Также ни в отечественной, ни в зарубежной историографии в качестве самостоятельной научной проблемы не поднимался вопрос об интересах Султаната на Северном Кавказе, помимо закупки и вывоза военных рабов.

Изучение процесса институционализации власти в Кабарде как наиболее завершенном и сложно-организованном политическом образовании адыгов эпохи позднего средневековья в контексте этого исторического опыта и определяет актуальность темы исследования.

Кабарда как феномен социально-политической организации части адыгов периода позднего средневековья находится в центре внимания исследователей с конца XIX в. Этой теме посвящены многие сотни статей и десятки монографий.

При всем обилии работ в историографии, посвященной данной проблематике, оформилось несколько важных направлений: время и причины переселения части адыгского населения в районы Центрального Предкавказья (*Лавров*, 1956. С. 19–28; *Ртвеладзе*, 1973. С. 20–21; *Нагоев*, 2000. С. 73; *Нарожный*, 2002. С. 96–99; *Виноградов*, *Шаова (Кайтмесова)*, 2003. С. 56–69; *Схатум*, 2009. С. 101–108; *Дружинина*, 2019. С. 11; и др.), взаимоотношения с Османской империей и Крымским ханством (историография: *Некрасов*, 1990. С. 5–26), взаимоотношения с русским государством (*Кабардино-русские...*, 1957; *Пчелов*, 2007; *Дзамихов*, 2008. С. 127–144; и др.), сословное устройство кабардинского общества в XVI–XIX вв. (*Гарданов*, 1967; *Налоева*, 1981. С. 14–23; 2015; *Керефов*, *Керефов*, 2004. С. 55–57; и др.), специфика горского феодализма (историография: *Налоева*, 1981. С. 5–27; *Гутнов*, 2014), родословная адыгских / кабардинских князей (*Iliushina*, 2015. Р. 67–77; *Кагазежев*, 2015. С. 51–103; *История и родословная черкесов*, 2019; и др.); традиционный адыгский этикет – *адыгэ хабзэ* и корпоративный кодекс норм и правил представителей политической элиты – *уэркъ хабзэ* (*Бгажноков*, 1978; *Мусукаев*, *Перишц*, 1992; *Унежев*, 1997; *Хагожеева*, 2019; и др.).

Несмотря на то, что характеристика сословий и сословных отношений у кабардинцев содержится во всех трудах, без упоминания которых не обходится ни одно исследование по истории средневековых адыгов (*Кокиев*, 2005. С. 411–469; *Кушева*, 1963. С. 88–133; *Нагоев*, 2000. С. 180–193; *Дзамихов*, 2008. С. 438–443; и др.), среди которых отдельно следует выделить фундаментальное исследование В. К. Гарданова (1967), происхождение сложно организованной, специфичной социальной системы Кабарды в качестве самостоятельной научной проблемы ранее не рассматривалось.

Формирование социально-политических институтов у черкесов XIII–XV вв. изучается в контексте военно-политического, социально-экономического влияния Золотой Орды (*Нагоев*, 2000. С. 19–21; *Горелик*, *Дружинина*, 2011. С. 39–60; *Крамаровский*, 2015. С. 332–334; также Генуэзских и Венецианских колоний: *Нарожный*, 2010. С. 28,35;

Голубев, 2017. С. 139–147; и др.), Османской империи и Крымского ханства (Смирнов, 2005. С. 206–207, 270–271; Некрасов, 1990. С. 31–33; Нарожный, 2002. С. 96–99; Зайцев, Хотко, 2021; и др.). Отдельный блок представляют публикации, авторы которых рассматривают исторический сценарий самобытного не испытывавшего сколь-нибудь серьезного влияния других культур развития государственности у адыгов и их культуртрегерской роли в истории (Хотко, 2018; Керефов, Керефов, 2004. С. 49–61; Ловпаче, 2009. С. 178–199; и др.). Образование Кабарды и в том, и в другом случае рассматривается лишь как территориальное расширение адыгского влияния на Северном Кавказе.

Однако до сих пор в изучении военно-политического ядра формирующейся кабардинской государственности в лице *уорков*, по своей сути, являвшегося организацией, воплощавшей аппарат власти, утверждавшей свой суверенитет на территории под названием Кабарда, не учитывалось в полной мере культурное и политическое значение Мамлюкского султаната в вопросе генезиса политической субъектности и культуры восточных адыгов на территории Северного Кавказа. И даже, казалось бы, в таком простом для проведения исторических параллелей с черкесскими мамлюками вопросе об особой роли военного воспитания, всаднической культуры у адыгов (Кокиев, 1946; Марзей, 2004), исследователи обращаются за аналогиями к историческим эпохам и культурам необыкновенно далеким как хронологически (*гладиаторы*: Кокиев, 1946. С. 139), так и территориально (кодекс бусидо: Бгажноков, 1978. С. 23–24; Хагожеева, 2019. С. 216; и др.).

Влияние Мамлюкского султаната на формирование политической элиты Кабарды. Мамлюкский султанат был одним из самых сильных государств своего времени. Политическую жизнь Султана в мировой историографии принято делить на два династических периода: Бахри (1250–1382) и Бурджи (1382–1517). Критерием для подобного деления истории государства является этническая принадлежность правящего класса, и если в период Бахритов власть удерживалась преимущественно представителями тюркского этноса, то в период правления Бурджитов власть была узурпирована выходцами с Кавказа главным образом – черкесами (Ayalon, 1949. P. 135–147; историография: Илюшина, 2022. С. 24–46).

Сама гипотеза о влиянии Мамлюкского султаната на княжества, сформированные адыгами на территории Северного Кавказа в период позднего средневековья, явилась логичным следствием следующих вводных: тесные родственные связи военной и политической элиты Мамлюкского султаната с обществом адыгов на территории Кавказа; северо-кавказское адыгское население как источник кадрового резерва для государственного аппарата Бурджитов ввиду необходимости укрепления

на основе этнической солидарности черкесского блока в корпорации мамлюков в противовес тюркскому блоку; наличие археологического материала, являющегося неопровержимым доказательством присутствия мамлюков на территории Северного Кавказа в регионах проживания адыгов (Дружинина, 2019. С. 328; Она же. 2022); присутствие арабизмов в политико-правовом лексиконе кабардинцев; прямое указание отпрысков кабардинского княжеского рода на генеалогическую линию мамлюкского султана, зафиксированное в родословной книге (Тройницкий, 1913. С. 64).

В рамках изучения Кабарды как преемницы политических традиций Султаната, прежде всего необходимо рассмотреть организацию непосредственно это государственное образование воплощавшее – корпорацию *уорков*.

Уорки, являвшиеся военно-политическим ядром всех адыгских княжеств, представляли собой, в первую очередь, военную корпорацию, в своем первоначальном виде состоявшую из князей и тлекотлешей (Гарданов, 1967. С. 181–182), а впоследствии рекрутировавшую людей из свободных крестьян на более скромных правах, нежели те, которыми обладали представители первых двух групп (Хан-Гирей, 1978. С. 121).

Следует отметить, во-первых, что слово *уорк* никак не представлено в адыгском языке и имеет ярко выраженное иностранное происхождение. Примечательно, что наименование, которое определяло, как политическую, так и культурную форму адыгского общества, причем не только в Кабарде, но и во всех известных адыгских княжествах того времени, не имеет никаких корней в языке этноса, в политическом дискурсе которого оно присутствует. При этом имеет созвучные аналоги в языке делопроизводства Мамлюкского Султаната: *waraka* (وراق) в переводе с арабского означает «лист» («бюрократическо-правовой») исторический контекст, в рамках которого слово *waraka* = *лист* могло бы стать нарицательным названием социальной группы см., например: Аль-Макризи Абу-ль-Аббас, 1966. С. 185–186; *Ibn Taghrī Birdī*. Ḥawāḍith, vol. II, 538¹; *Levanoni*, 2004. Р. 98). Это слово, возможно, имеет и свой дериват – *worik*, означающее серебрянную монету (*Al-Khalīl b. Aḥmad al-Farāhīdī, Kitāb al-‘Ain* كني على اباتك – The Arabic Lexicon).

Во-вторых, верховный князь Кабарды, венец ее военно-политической организации, носил титул «уэлиптиц» (Налоева, 1980. С. 6-23). Редко употребляемое слово «уэлий» (Хан-Гирей, 1978. С. 168, 229. Прим. 38)

¹ Один из взбунтовавшихся мамлюков так аргументировал свое неповиновение султану ал-Ашраф Иналу (1453–1461): «Мы – освобожденные рабы аль-Малика аль-Захира и обучались у него. Я не могу быть освобожденным рабом аль-Ашрафа Инала [только] по листу бумаги [*naḥnu 'utaqā' al-Malik al-Zāhir wa-tarbiyatuhu walā aṣīr 'atīq al-Malik al-Ashraf Ināl bi-qi'at waraqa*]» (*Ibn Taghrī Birdī*. Ḥawāḍith. Vol. II. 538).

осталось в кабардинском языке в значении правитель, однако данное слово имеет очевидное арабское происхождение и как политический термин известно с самого начала формирования исламского государственного аппарата (в том числе и в Мамлюкском султанате); означает наместник, представитель власти – WĀLĪ, которое является однокоренным слову Walia быть близким или нижеследующий (EI, 2002. Р. 109). Согласно представлениям о политическом влиянии Османской империи на формирование государственности восточных адыгов, слово наместник должно было бы соответствовать употребляемому в Порте термину «бейлербей». Но исторические реалии уводят этимологию кабардинского титула «уэлишниц» в область политической культуры арабского исламского Востока.

В-третьих, титул князя в княжествах адыгов был исключительно наследственным, и все адыгские (не только кабардинские) князья вели свою генеалогию от некоего Инала, который, согласно народным преданиям, имел ближневосточное происхождение (Паллас, 1974. С. 217; Потоцкий, 1974. С. 228; Бларамберг, 1999. С. 197–198; Броневский, 1999. С. 147–149; Люлье, 2014. С. 65; Сталь, 2014. С. 345; и др.). По одной из версий, этим легендарным Иналом являлся мамлюкский султан из династии Бурджи аль-Ашраф Сайф ад-Дин Инал (1453–1461) (Кагазежев, 2015. С. 53). Так, к нему возводит свою родословную княжеский род Черкасских: в русской дворянской родословной книге Черкасские представили герб, указывающий на мамлюкский след в происхождении рода, и в качестве прародителя назвали имя Инала (Тройницкий, 1913. С. 64; Пчелов, 2007. С. 56–59). Несмотря на то, что эта версия неоднократно получала в научной литературе критические оценки (Хотко, 1993. С. 92–93; Кагазежев, 2015. С. 5–54; История и родословная черкесов, 2019. С. 15), в контексте изучения генезиса политической элиты Кабарды интерес представляет сама традиция возведения кабардинских княжеских родословных к султану Иналу. В частности, эта тема получает актуальное звучание в виду изучения длительной борьбы фракций мамлюков аль-Ашрафи и аль-Захири (Levanoni, 2004), первую из них возглавлял султан Инал, вскоре после смерти которого, во времена правления султана аз-Захира Хушкадама (1461–1467), партия ашрафитов подверглась преследованиям, что также могло повлечь возвращение части опальных мамлюков на Северный Кавказ.

В-четвертых, следует отметить то обстоятельство, что накануне образования Кабарды (как и других адыгских княжеств) в период распада Золотой Орды, ближайшие родственники черкесов Закубанья и черноморского побережья стояли во главе одного из самых могущественных в этот исторический период государств, которое

принятого называть в отечественной историографии Мамлюкским султанатом, хотя самоназванием его стало (после вооруженного захвата власти бурджитами у бахритов) «Dawlat al-Djarākisa» – государство черкесов (Ayalon, 1991. Р. 316; Yosef, 2013. Р. 42–43).

Связь черкесских султанов, эмиров, а также членов их семей с родственниками, оставшимися в Закубанье и Северо-Восточном Причерноморье, прослеживается (Broadbridge, 2011. Р. 1-18; Yosef, 2012. Р. 55; Barker, 2015. Р. 87–104) не только по письменным источникам (Ибн Ияс, 2022. С. 245, 247, 253, 258 и др.), но и по материалам археологических памятников (Дружинина, 2022). Причем характер этой связи был многовекторным и не ограничивался только подготовкой к вывозу и доставкой родни Бурджитов в Султанат. Непосредственное присутствие высших мамлюкских чиновников на Северо-Западном Кавказе (Голубев, 2002. С. 142–146), прибывавших в регион для выполнения определенных миссий, позволяет говорить о влиянии, прямом или опосредованном, мамлюков на развитие социально-политических отношений у адыгов.

В-пятых, до сих пор в изучении института *уорков* как одной из фундаментальных основ кабардинской государственности, также как и философско-правового учения *уэркъ хабзэ* не был учтен целый пласт традиций и норм, которые восходят к социальным, военно-политическим, философским явлениям, какими были на арабском исламском Востоке *фурусийя* (*furusiyah*) и *футувва* (*futuwa*).

Фурусийя – многозначный термин, в первую очередь, трактуемый как комплекс знаний в сфере наездничества, сформировавшийся в результате сочетания традиций и учений различных конных и воинских культур средневекового Востока (Ayalon, 1991a. Р. 952–955), система воспитания воинов, была доведена до своего пика мамлюками, которые благодаря регулярной практике сделали ее социальным отличием. Фурусийя (в том числе посредством парадов, военных игр) являлась средством политического языка мамлюков, с помощью которого они демонстрировали коренному населению Египта и Сирии, что именно они – прибывавшие в Султанат чужаки, изначально не правоверные (христиане, язычники) и не владевшие арабским языком, представители иных культур – являются мастерами войны, спасителями и защитниками ислама и мусульман, а потому – законными претендентами на власть в султанате (Berriah, 2019. Р. 234–237).

Социальный идеал всадника и большое значение феномена наездничества, прослеживающиеся в культуре феодального сословия черкесов, ставшие предметом глубокого специального исследования (Марзей, 2004), как представляется, должны быть осмыслены в том числе и в русле влияния традиций фурусийи. В эту же картину укладывается

и зафиксированный Джорджио Интериано в конце XV в. элитарный и кастовый характер социальной роли всадника в представлении адыгов Северо-Западного Кавказа (*Интериано*, 1974. С. 47), который можно рассматривать как долетевшее до Северного Кавказа эхо существовавшей при Бурджитах практики ограничений на продажу лошадей не-мамлюкам. Например, такой запрещающий указ был обнародован в январе 1429 года (*Mayer*, 1952. Р. 54) в период правления султана аль-Ашрафа Барсбея (1422–1438).

В попытках нового осмысления кабардинской истории также было бы интересно провести параллели между формами солидаризации аристократии средневекового востока – феномен *Футувва* (*Taeschner*, 1991. Р. 961; *Meloy*, 2004. Р. 200–201) и теми же формами в среде ранней кабардинской аристократии. Определенные принципы и представления этих сообществ также прослеживаются в характере социальных отношений *уорков*.

Уэркъ хабзэ принято считать дериватом *адыгэ хабзэ* (*Бгажноков*, 1978. С. 25; *Мафедзев*, 2000. С. 61–62; *Марзей*, 2004. С. 23 и др.), но дело в том, что *уэркъ хабзэ* регулировало отношения внутри самой организации и устанавливало власть этой закрытой корпорации, утверждавшей свой порядок над остальным зависимым обществом. Князь имел право на собственность и жизнь любого из своих людей (за исключением тлекотлешей) (*Гарданов*, 1967. С. 182–194), однако сама философская концепция *адыгэ хабзэ* противоречит ущемлению прав одного человека другим. Из этого явного антагонизма философско-правовых систем следует, что *адыгэ хабзэ* – система представлений, вызревавшая в этническом пространстве, в условиях патриархально-родового строя, а *уэркъ хабзэ* – привнесенная правовая система, утверждавшая власть и привилегии определенной самовоспроизводящейся системы, существовавшей внутри части этноса – в конкретном случае восточных адыгов на территории, именуемой Кабарда.

Антагонизм *уэркъ хабзэ* и *адыгэ хабзэ* воплощался в социальном конфликте адыгского свободного крестьянства и *уорков*, глубокий след которого остался в фольклоре как со стороны знати, так и со стороны зависимых (*Хагожеева*, 2019. С. 220–221).

Также недооцененными остаются многочисленные родственные связи между правящей династией бурджитов в Египте и Сирии и адыгами Кавказа в качестве канала культурного и политического влияния. Роль адыгов в качестве проводника интересов Бурджитов на территории Кавказа изучен слабо, но было бы опрометчивым игнорировать исторические возможности, условия и перспективы, которые открылись перед Султанатом для усиления своего влияния

(в том числе и территориального подчинения) на Кавказе силами родных племен в период ослабления и распада Золотой Орды. Представляется, что названия адыгских княжеств, есть ни что иное, как имена людей, за которыми было закреплено право на наместничество на данной земле (вероятно, по праву командования во время успешного похода).

Более детальное рассмотрение структуры уорков в Кабарде показывает, что ядром организации были *пцы* – князья и *тлекотлеши* (*ллакьюэльэц*). Люди этого круга были основными интересантами и бенефициарами социально-политической системы под названием Кабарда. Их права и привилегии были защищены правом, впоследствии вошедшим в обычай. Опять же князь имел право на имущество и жизнь любого из своих людей (крестьян или уорков) за исключением страты *тлекотлеши*.

В отечественной историографии *тлекотлеши* принято называть дворянами первой степени (*Хан-Гирей*, 1978. С. 119), но это искаженное определение уводит от понимания сути этого социального феномена. С точки зрения морфологии *лакьюэльэц* делится на два слова «лакью» и «лэц», что дословно переводится *род сильный*. Однако в кабардинском языке для обозначения понятия род в значении группы кровных родственников, как мужчин так и женщин, носящих одно имя используется *лэпкъ*, слово же *лакьюэ* исключает женщин и означает скорей мужской союз, так как в *лакьюэ* могут входить не только кровные родственники, но и побратавшиеся мужчины (*Апажеев, Коков*, 2008. С. 310). Ллакьюэльэц в конкретном случае можно рассматривать в качестве традиций мужских союзов на территории Северного Кавказа (*Карпов*, 1996).

В средневековой Кабарде были три *лакьюэльэц*, носящих имена: Анзора, Куденет и Тамбия (*Гарданов*, 1967. С. 192–193; *Кажаров*, 1993. С. 235). Почему князьям в соответствии с нормами *уэркъ хабзэ* приходилось считаться с ними? Как представляется, они были теми самыми людьми, которые составили при захвате территорий будущих княжеств вооруженную силу. После захвата территории они – князья и *тлекотлеши* – установили на них порядки *уэркъ хабзэ*, закреплявшие их власть, в том числе с учетом *адыгэ хабзэ*, пропитанного духом равенства и защищавшего право мужчины. Подобная интерпретация истории объясняет факт права князя на жизнь и имущество любого из своих подвластных, за исключением *тлекотлеши*. А также наглядно показывает, что принцип *адыгэхабзэ* не нарушался в действительности только в рамках корпорации *уорков*, в то время как зависимое население было вынуждено приспосабливаться. Остальные уорки – как их принято называть в российской историографии второстепенные, третьестепенные дворяне (*Хан-Гирей*, 1978. С. 120–121), были (в отличие

от первых двух наследственных) в последующем рекрутируемы князьями за определенные заслуги из свободного крестьянства с целью аккумулярования военной силы, и их права в сравнении были куда более уязвимы.

Также стоит отметить, что название старшего в хронологическом отношении и системообразующего понятия *уорк* имеет иностранное (предположительно, арабское) происхождение, остальные же стратифицирующие термины, отражающие дальнейшее развитие социально-политической системы Кабарды, а потому и более молодые в исторической ретроспективе, носят без исключения кабардинские названия. Это обстоятельство могло бы стать логичным следствием падения Султаната под натиском Османов, когда вассалы лишились патрона и встали перед необходимостью поисков путей своего дальнейшего суверенного развития в новых политических и исторических условиях.

Подводя итог, следует отметить, что научная проблема изучения генезиса политической субъектности Кабарды, формирования корпорации уорков – организации, являвшейся военно-политическим и культурным ядром княжества, в свете многопланового влияния Султаната мамлюков Бурджи в отечественной историографии формулируется впервые.

Основным методическим подходом в ее разработке должен стать комплексный анализ всех имеющихся в распоряжении исследователей источников – письменных (сочинения арабских и европейских авторов, документы посольского приказа по кабардино-русским отношениям XVI в., воспоминания просветителей и путешественников XVIII–XIX вв.), геральдических (мамлюкские ранки, титулы и гербы кабардинских князей, русских государей), археологических (материалы, отражающие влияние Мамлюкского султаната и непосредственное присутствие мамлюков на Северном Кавказе), этнографических (*адыге хабзэ*, мужские союзы, народные адыгские состязания, игры и т.д.).

Первостепенными задачами в решении этой проблемы представляются: сравнительный анализ политико-правовых традиций корпорации уорков и Бурджитов Султаната; сравнительный анализ философско-этических систем *уэркыгъэ* и *фурусийя*, *футувва*; исследование особенностей формирования политической структуры Кабарды и причин их обусловивших; генезиса политонима *Кабарда*; понятия *тлякотлеш* в плоскости традиций мужских союзов на территории Северного Кавказа; генезиса корпорации *уорков* как военно-политической организации; анализ культурного влияния Бурджитов на уорков.

Гипотеза о культурном и политическом влиянии Султаната мамлюков Бурджи на корпорацию уорков открывает широкие горизонты для дальнейших исследований в области средневековой истории адыгов в целом.

Литература

- Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Серия «Клио». Нальчик: «Эль-Фа», 1999. 406 с.
- Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Серия «Клио». Нальчик: «Эль-Фа», 1999. 224 с.
- Джорджио Интериано.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.
- Ибн Ияс.* История черкесских мамлюков. Султанат Малика Ашрафа Абуль-Нафа Саифа аль-Дина Каитбая Махмуди Захири / Пер. с франц. К. А. Мальбахова. Нальчик; СПб.: Реноме, 2022. 408 с.
- История и родословная черкесов. Издание рукописи тюркского исторического сочинения XVIII в. (Сост., перевод, вступит. статья, исследование, указатели – И. В. Зайцев, А. В. Шумкин). М.: Изд-во вост. лит., 2019. 110 с.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. Том I: XVI–XVII вв. / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. XVI + 478 с.
- Люлье Л. Я.* Черкесия // Кавказ: Черкесия. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. С. 57–96.
- Паллас Петр Симон.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 215–224.
- Потоцкий Ян.* Путешествие в Астраханские и кавказские степи // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 226–234.
- Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: Черкесия. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. С. 331–399.
- Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 335 с.
- Ibn Taghrī Birdī* Abū al-Maḥāsīn Yūsuf. Ḥawādith al-duḥūr fī madā al-ayyām wa'l-shuhūr [События веков на протяжении дней и месяцев]. Vols. I–II / Ed. Mu'ammad Kamāl al-Dīn 'Izz al-Dīn. Cairo: Dār al-Kutub al-Miṣṭiyah, 1990. (на араб. яз.).
- Апажев М. Л., Коков Дж. Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2008. 698 с.
- Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.
- Виноградов В. Б., Шаова (Кайтмесова) С. Д.* Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). Армавир; Майкоп: «Армавирское полиграфпредприятие», 2003. 154 с.
- Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. 332 с.
- Голубев Л. Э.* Мамлюкские гербы из Прикубанья // ИАА. 2002. Вып. 8. С. 142–146.
- Голубев Л. Э.* Адыги в XIII–XV века. Социально-экономическое и политическое развитие. Краснодар: ИП Вольная Н. Н., 2017. 192 с.

- Горелик М. В., Дружинина И. А.* Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1 (№ 2). М.: Марджани, 2011. С. 39–63.
- Гутнов Ф. Х.* Горский феодализм. Ч. III. Северный Кавказ в XIII–XV вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. 494 с.
- Дзамихов К. Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы) // Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 437–670.
- Дружинина И. А.* Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Диссертация канд. историч. наук. М., 2019. 645 с. // Архив ИА РАН. Р-2.
- Дружинина И. А.* Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в. в свете материалов археологии // ByzantinoCaucasica. Вып. 2. М.: ИВ РАН, 2022. С. 201–232.
- Зайцев И. В., Хотко С. Х.* Отношения Крымского ханства с черкесами во второй половине XVI–XVII вв. // История крымских татар. Т. III. Крымское ханство (XV–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 292–306.
- Кагазежев Ж. В.* Из этнической и политической истории средневековой Черкесии (XIV–XVII вв.) Нальчик: Эльбрус, 2015. 464 с.
- Кагожеева Л. С.* Нравственно-этический кодекс уэрък хабзэ в адыгской народной афористике // Вестник КБИГИ. 2019. Вып. 3. С. 216–222.
- Кажаров В. Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореферат диссертации на соискан. уч. степ. докт. ист. наук. М., 1994. 44 с.
- Карпов Ю. Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа СПб.: МАЭ РАН, 1996. 309 с.
- Керефов Б. М., Керефов Т. Б.* Кабардинцы: к историко-этнологическому портрету субэтнуса адыгов // Динамика этнической культуры народов России. Сборник статей памяти профессора А. В. Гадлю [Историческая этнография. Вып. 2]. СПб.: Изд-во СПбУ, 2004. С. 49–61.
- Кокиев Г. А.* Военное воспитание кабардинцев // Ученые записки Кабардинского НИИ. Том 1. Нальчик, 1946. С. 129–141.
- Кокиев Г. А.* Краткий исторический очерк Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик: «Эль-Фа», 2005. С. 411–469.
- Крамаровский М. Г.* Кертибей – «истинный господин» феода Кремух. О феномене северокавказского могильника «Белореченский» // Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: Евразия, 2012. С. 332–334.
- Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 370 с.
- Лавров Л. И.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956. Вып. 1. С. 19–28.
- Ловпаче Н. Г.* Древний Майкоп. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009. 228 с.

- Марзей А. С.* Черкесское наездничество – «Зеклуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: «Эль-Фа», 2004. 302 с.
- Мафедзев С. Х.* Адыги. Обычаи, традиции (Адыгэ Хабзэ). Нальчик: «Эль-Фа», 2000. 360 с.
- Мусакаев А. И., Перишц А. И.* Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Б.м., 1992. 239 с.
- Нагоев А. Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик: «Эль-Фа», 2000. 230 с.
- Налоева Е. Д.* Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 5–27.
- Налоева Е. Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / Сост. А. С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 368 с.
- Нарожный Е. И.* О «пятигорских черкесах», которые «совершают богослужение на славянском языке» (историко-археологическая версия) // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ессентуки; Кисловодск: Кавказинтерпресс, 2002. С. 96–99.
- Нарожный Е. И.* Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореферат диссертации на соискан. уч. степ. докт. ист. наук. Владикавказ, 2010. 53 с.
- Некрасов А. М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 128 с.
- Пчелов Е. В.* Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. 86 с.
- Ртвеладзе Э. В.* К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. С. 20–21.
- Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты в 2-х томах. М.: Издательский дом «Рубежи XXI века», 2005. Том I. 542 с.; Том II. 314 с.
- Схатум Р. Б.* О времени переселения адыгов на Центральный Кавказ // ИАА. 2009. Вып. 9. С. 101–108.
- Тройницкий С. Н.* К истории герба рода князей Черкасских // Гербовед. Апрель 1913. СПб: Типография «Сириус», 1913. С. 64–69.
- Унежев К. Х.* Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик: «Эль-Фа», 1997. 227 с.
- Хотко С. Х.* Черкесские мамлюки (Краткий исторический очерк). Майкоп: Адыгейское Республиканское книжное издательство, 1993. 180 с.
- Ayalon D.* The Circassians in the Mamlūk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. 1949. Vol. 69, No. 3. P. 135–147.
- Ayalon D.* Mamlūk // EI. 1991. Vol. VI. Mahk – Mid. P. 314–321.
- Ayalon D.* Furusiyya // EI. 1991a. Vol. II. C-G. Leiden. P. 952–955.
- Barker H.* Reconnecting with the Homeland: Black Sea Slaves in Mamluk Biographical Dictionaries // Medieval Prosopography. 2015. Vol. 30. P. 87–104.

- Berriah Mehdi*. Représentations, sunnanisation et sacralisation de la furūsiyya à l'époque mamelouke (XIIIe–XVIe siècle) // Bulletin d'études orientales, 2018–2019. 2019. Tome 67. P. 229–246.
- Broadbridge Anne F.* Sending Home for Mom and Dad: The Extended Family Impulse in Mamluk Politics // MSR. 2011. XV. P. 1–18.
- EI. WĀLĪ* // EI. 2002. Vol. XI. W–Z. P. 109.
- Iliushina M.* Circassian Mamluks' Origins as a Subject of Myth-Making (According to the Materials of Arabic Sources from 15th and 17th c.) // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. Würzburg: Ergon Verlag, 2015. Vol. 3. P. 67–77.
- Levanoni A.* The sultan's laqab – a sign of a new order in mamluk factionalism? // The Mamluks in Egyptian and Syrian politics and society / edited by Michael Winter and Amalia Levanoni. Leiden; Boston: E. J. Brill, 2004. P. 79–115.
- Mayer L. A.* Mamluk costume, a Survey. Genève: A. Kundig, 1952. 120 pages, 20 plates.
- Meloy John L.* The Privatization of Protection: Extortion and the State in the Circassian Mamluk Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2004. Vol. 47, no. 2. P. 195–212.
- Taeschner Fr.* Futuwwa // EI. Vol. II. C–G. Leiden, 1991. P. 961–969.
- Yosef Koby.* Mamluks and Their Relatives in the Period of the Mamluk Sultanate (1250–1517) // MSR. 2012. XVI. P. 55–69.
- Yosef Koby.* Naming the Mamlūks: Ethnic Groups and Ethnic Solidarity during the Mamluk Sultanate // Zmanim: A Historical Quarterly. 2013. Vol. 124. P. 30–43 (на иврите).

Электронные ресурсы

- Аль-Макризи* Абу-ль-Аббас. Книга Поучений и Назидания, [содержащихся] в описании кварталов и памятников [Каира] / Пер. Л.А. Семеновой. Текст воспроизведен по изданию: Салах-ад-Дин и мамлюки в Египте. М.: Наука, 1966. (vostlit.info)
- Илюшина М. Ю.* Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия. Диссертация докт. истор. наук. (https://www.ivran.ru/sites/28/files/Dissertatsiia_Iliushina_M_Iu_.pdf)
- Хотко С. X.* Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования. Диссертация докт. истор. наук. (minobrnauki.gov.ru)
- Al-Khalīl b. Aḥmad al-Farāhīdī*, Kitāb al-‘Ain يدي هارفل ادم حأ نب ليل خلل ني عل اباتك - The Arabic Lexicon (hawramani.com)

I. B. Kabardov

INFLUENCE OF THE MAMLUK SULTANATE OF BURJI ON THE GENESIS OF KABARDA POLITICAL ELITE: SETTING A SCIENTIFIC PROBLEM

Abstract: in the article the author considers the problem of the genesis of political elite of eastern circassians of the late medieval period - *uork* corporation, which embodied the very conception of Kabarda as in geographic sense as in cultural and political one. The author formulates main theses of the hypothesis of the factors which determined socio-political relations and institutions in Kabarda as well as internal and external factors – military-political, socio-economic and cultural interests of Mamluk Sultanate of the period of the Burji's reign. (1382-1517) on the one hand and the tradition of men's union on the Caucasus on the other one. For the first time in Russian as well as in external historiography the author sets the hypothesis of the influence of *furusiyya* and *futuwwa* (as phenomenon of cultural life of military aristocracy in medieval orient) on the process of formation of military aristocracy and the formation of political core of Kabarda.

Keywords: Kabarda, Mameluke Sultanat, political organization, *uorks*, *futuwwa*, *furusiyya*, Egypt, Syria, the Caucasus, men's unions, Golden horde

Е. Ю. Гончаров, В. Н. Чхаидзе

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ У ЦЕРКВИ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ (1971 г.)¹

Резюме: в работе рассматривается и анализируется клад из 81 монеты конца XV в. обнаруженный во время раскопок кладбища около церкви Иоанна Предтечи в Керчи в 1971 г. Также изучаются три монеты, XIV–XV вв. происходящие из нескольких погребений этого кладбища. Нумизматически находки позволяют расширить хронологический диапазон существования кладбища около Церкви Иоанна Предтечи. Захоронения на нём производились еще и в XV в. Разрушение погребений может быть со строительными работами, которые датированы XVI в. Находка кошелька с монетами последних лет XV в. позволяет вывести предположение, что работы эти производились (или были начаты) именно в этот период.

Ключевые слова: Керчь, монеты, Османская империя, Крымское ханство, Венеция

В 1971 г. около церкви Иоанна Предтечи в Керчи проводила исследования экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Т. И. Макаровой. Раскопки были связаны с реставрацией церкви и затронули кладбище возле церкви. Всего было исследовано 50 погребений совершенных в могилах, представляющих собой ящики из поставленных на ребро плит белого камня (Макарова, 1972. С. 375–376).

При исследовании захоронений, обнаруженных возле апсид церкви, в верхнем слое заполнения ящика погребения 42 (разрушенного), был обнаружен мешочек из ткани, в котором находилась 81 серебряная монета. Мешочек, по мнению Т. И. Макаровой, был оставлен грабителями (Макарова, 1971. Л. 12; 1998. С. 378).

Основу этой комплексной находки составляют 74 *акче* хана Менгли I Гирея (третье правление, 883–921 гг.х. / 1478–1515 гг.), чеканенных в Кафе, в 899, 900 и 901 гг.х., что соответствует периоду 1493–1496 гг. Также в ней выявлено семь османских монет, из которых одна не определена, а шесть являются *акче* султана Баязида II б. Мухаммада (886–918 гг.х. /

¹ Тезисно результаты этого исследования опубликованы (см: Гончаров, Чхаидзе, 2018. С. 37–38).

1481–1512 гг.), чекан Костантинии, Кратова и Нувара². Ниже приведены краткие описания монет, вес каждого экземпляра дан под его изображением на таблицах с иллюстрациями (Рис. 1–3).

Осман Баязид II.

1. Костантинийе, 886 г.х. (Рис. 1, 4-5).

Л.с. – точечный и линейный ободки. Поле разделено на две половины толстой линией. В верхней *ن ا ط ل س د ي ز ي ا د*, в нижней *ن د م ح م ن ا د* *Султан Баязид / сын Мухаммад хана*.

О.с. – точечный и линейный ободки. Поле разделено на две половины толстой линией. В верхней *ز ع م ر ص ب ر ص*, в нижней *م ي ن ط ن س ق / ق ن س ٦ ٨ ٨*.

Подтип первой опубликован в (Srećković, 2000. Р. 117, № 49). Подтип второй монеты точно не определяется, подобные опубликованы (Srećković, 2000. Р. 101).

2. Кратова, 886 г.х. (Рис. 1, 6).

Оформление и легенды те же, только монетный двор *م و ط ر ف*.

Подтип опубликован в (Srećković, 2000. Р. 111, № 23).

3. Нувар, 886 г.х. (Рис. 1, 7-9).

Оформление и легенды те же, только монетный двор *ر ا و ن د*.

Подтип рис. 1, 7 – опубликован (Srećković, 2000. Р. 112, № 26); подтип рис. 1, 8 – точно не определяется (Srećković, 2000. Р. 101); подтип рис. 1, 9 – опубликован (Srećković, 2000. Р. 112, № 28).

4. Определение – ? (Рис. 1, 10).

Менгли I Гирей. Подобные *акче* в каталоге О. Ретовского включены в Группу 4 (Retowski, 1905. Р. 297–299; см.: Косякин, 2021. С. 78, № 3. Рис. 36–68).

5. Кафа, 899 г.х. 10 монет (Рис. 1, 11-20).

Л.с. – ободок в виде точек на линии; легенда в две строки:

ی ر ک ی ج ا خ ن د ی ر ک ی ذ ک ن م.

Легенда разделена на две части длинной протяжкой второго знака в слове *бин* – сын.

О.с. – ободок тот же; в центре трехногая тарак-тамга. По сторонам последней выходные данные: *م خ د ی ا ک ب ض ٩ ٩ ٨*. Название монетного двора бывает и в форме *م ف ک*.

6. Кафа, 900 = ٩٠٠ г.х. 32 монеты (Рис. 2, 1-32).

7. Кафа, 901 = ٩٠١ г.х. 28 монет (Рис. 3, 1-28).

8. Кафа, дата вышла за пределы монетного поля. Четыре монеты. Видимые элементы монетного типа позволяют отнести их так же к Группе 4 (Рис. 3, 29-32).

Среди *акче* Менгли I Гирея внимание привлекают четыре экземпляра с очень низкими весовыми данными: 0,25 г. (дата – ?)

² Первый монетный двор нынешний Стамбул (Константинополь), два других на территории современной Сербии.

(Рис. 3, 29), 0,26 г. (900 г.х.) (Рис. 2, 1), 0,31 г. (900 г.х.) (Рис. 2, 2), 0,34 г. (дата – ?) (Рис. 3, 30). Фактически, их вес это половина от веса полного *акче*. Судя по оформлению бумажных пакетиков, по которым рассортированы монеты, определение крымской их части сделал Г. А. Федоров-Давыдов. Но среди опубликованных им материалов нет упоминаний об этой находке, поэтому, наша публикация является первой. Сразу отметим, что в историографии нумизматики Восточного Крыма отсутствуют исследования денежного обращения в регионе Крымского ханства рассматриваемого времени³, что составляет определенную сложность. То есть, для публикуемой нами находки нет известного нумизматического контекста, в котором она могла бы рассматриваться.

Комплекс монет сложился в очень короткое время в Кафе, современной Феодосии. Об этом свидетельствуют узкий диапазон представленных в нем годов эмиссий (всего три) следующих друг за другом, а так же отсутствие в гирейской части *акче* выпущенных на других монетных дворах: в Кырк-Йере (Чуфут-кале), Крыму (Старый Крым) и Орду-Базаре (в низовьях Днепра), в которых при Менгли I Гирее так же производилась чеканка. По-видимому, поступление этого комплекса монет в Керчь связано с некой персоной, прибывшей туда непосредственно из Кафы. Не противоречат такой реконструкции и османские монеты клада. После захвата в 1475 г. Кафы, Керчи и ряда других городов-портов Крыма, приток сюда османских денег резко увеличился в сравнении с предыдущим периодом. Но обращение османских монет в Крыму так же еще не исследовалось. По материалам этого клада можно констатировать, что турецкие *акче* обращались в указанных городах наравне с *акче* Гиреев. Их вес, проба серебра, размеры и оформление не диссонировали с привычными населению денежными знаками местной чеканки, и фильтрация османских монет вероятно не проводилась. Тем более это можно утверждать для Кафы и Керчи (тур. Карш, ал-Карз), на которые распространялась власть Султана Константинополя. Небольшое количество обнаруженных денежных знаков, факт их нахождения в тканевом мешочке, а так же условия находки (в разрушенном погребении) позволяют отнести публикуемый комплекс не к сокрытымкладам, а к утраченным кошелькам.

Три другие монеты происходят из погребений в каменных ящиках, датированных Т. И. Макаровой XII–XIII вв. (Макарова, 1998. С. 382). Такая датировка опровергается найденными в них нумизматическими материалами.

³ Единственное исключение – монографическое исследование В. А. Сидоренко, охватывающее период 1442–1475 гг. и завершающееся вторым правлением Менгли I Гирея (Сидоренко, 2016).

Каменный ящик погребения 31 располагался близ апсид церкви и содержал кости двух последовательных погребений. Могила была ограблена (?) в древности. Из вещей сохранились лазуритовая подвеска, железное колечко и монета (Макарова, 1971. Л. 10а; 1998. С. 739. Рис. 17, 46).

Последняя является имитацией данга хана Узбека 720 г.х., чеканенного в Крыму ал-Махруса (см.: Алексеев, Лебедев, Лобода, 2004. С. 13, 21). Монета с монисто: 0,49 гр., 15,5 мм. (Рис. 1, 1) (Гончаров, Чхаидзе, 2018. С. 37. Рис. 1). Данги этого типа представляют особую тему в нумизматике Крыма золотоордынского периода. Чеканка их началась в 720 г.х. и продолжалась, по-видимому, несколько десятилетий. В течении всего периода чеканки дата не менялась, но редуцировался вес и размер денежных знаков, искажалась легенда, иногда становясь фактически не читаемой. В результате всех этих процессов, мы имеем огромное количество экземпляров этих монет, делящихся на множество штамповых разновидностей данного типа. Работа над их систематизацией пока не проводилась, нет так же схемы хронологии этих разновидностей, хотя бы относительной, внутри группы, не говоря уже об абсолютной. О поздней дате рассматриваемой монеты из погребения свидетельствуют подражательная легенда, и, вероятно, двуногая тамга, больше похожая на тип тамги, использовавшийся в XV в., чем на ту, что помещена на других серебряных и медных монетах хана Узбека. Таким образом, погребение необходимо отнести, самое раннее, к периоду середины-второй половины XIV в.

Детское погребение 36 в каменном ящике, изначально примыкало непосредственно к стене южной апсиды церкви. Позже оно было перекрыто обкладкой южной апсиды во время строительных работ датируемых исследователями XVI в. Погребение плохой сохранности. В погребении найдены фаянсовая пронизка-уточка, два височных бронзовых кольца, крест из витой серебряной проволоки, три пастовых бусины и две монеты (в отчете и публикации указана лишь одна стертая монета с отверстием) (Макарова, 1971. Л. 5–6; 1998. С. 381. Рис. 18, 23).

1. Османское *акче* (Рис. 1, 2). Состояние данного экземпляра не позволило точно определить к чеканке какого из султанов оно относится. Наиболее близкие аналоги, судя по видимым элементам монетного типа, есть среди *акче* Мурада I (763–791 гг.х.), Мусы Челеби (805–816 гг.х.), Мехмеда I Челеби (816–824 гг.х.), то есть в период 1359–1421 гг. Монета использовалась как украшение, на краю есть остатки отверстия: 0,88 гр., 13×15 мм.

2. Сильно фрагментированный *сольдино* (Рис. 1, 3) дожа Венеции Антонио Веньера (1382–1400) (Гончаров, Чхаидзе, 2018. С. 38. Рис. 2). Подобный тип опубликован в каталоге R. Paolucci (2001. Nr. 37, 5).

Л.с. – в центре: обращенная влево, стоящая фигура Дожа с штандартом в руках, в поле справа буква F. Круговая легенда: + . ANTO . VENERIO DVX.

О.с. – в центре: протома Льва Св. Марка с Евангелием в лапах, обращенная влево. Круговая легенда: + . S . MARCVS . VENETI.

Единственной венецианской колонией в северо-восточной части Азово-Черноморского бассейна была Тана, составлявшая агломерацию с золотоордынским городом Азак (совр. Азов, в устье р. Дон). На рубеже XIV–XV вв. Керчь (Воспоро) был торговой факторией Генуи. В силу того, что денежное обращение города этого периода не изучено, то наличие венецианской монеты на генуэзской территории может иметь два более или менее вероятных объяснения. Первое – венецианские монеты в каком-то количестве были представлены в денежном хозяйстве Воспоро. Второе – умерший ребенок попал в Воспоро на венецианской галее. В любом случае, в его погребение попали монеты, не имевшие официального денежного статуса (см.: *Слепова*, 2006. С. 296–297; 2018. С. 118–119). Таким образом, детское погребение можно датировать в пределах первой четверти XV в.

В заключении следует отметить, что нумизматические находки из двух погребений позволяют расширить хронологический диапазон существования кладбища около церкви Иоанна Предтечи. Захоронения на нем производились еще и в XV в. Разрушение погребений 31, 36 и 42 связано, по-видимому, не с криминальным разграблением, а со строительными работами, которые датированы XVI в. Но находка кошелька с монетами последних лет XV в. в засыпи разрушенного погребения 42 позволяет нам высказать предположение, что указанные работы производились (или были начаты) именно в этот период.

Литература

- Алексеев В. П., Лебедев В. П., Лобода П. Г.* Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII в. – нач. XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. Вып. 1-19. Сборник статей по нумизматике Северного Причерноморья. Одесса: Полис, 2004. 175 с.
- Гончаров Е. Ю., Чхаидзе В. Н.* Монеты из раскопок 1971 г. у храма Иоанна Предтечи в Керчи // V Международный нумизматический симпозиум «При РОНТийский меняла: деньги местного рынка». Материалы научной конференции. Симферополь; М.: ИА Крыма РАН, 2018. С. 37–38.
- Косякин Н. Н.* Крымское ханство. Монеты Гиреев. Книга 2. Симферополь: «Салта», 2021. 360 с.
- Макарова Т. И.* Отчет о раскопках в Керчи около церкви Иоанна Предтечи в 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5374.

- Макарова Т. И.* Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // АО 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 375–377.
- Макарова Т. И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
- Сидоренко В. А.* Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475 гг.). Симферополь: «Бизнес-Информ», 2016. 384 с.
- Слепова Т. И.* Роль венецианской монеты в экономической жизни северопричерноморского региона в XII–XV вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции. Том II. Киев; Судак: НЗ «София Киевская», 2006. С. 295–297.
- Слепова Т. И.* Итальянский мир Северного Причерноморья в XIII–XV вв. в свете нумизматических памятников // Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». [Труды Государственного Эрмитажа. Том XCIV]. СПб.: Изд-во ГЭ, 2018. С. 117–122.
- Paolucci R.* Le monete dei dogi di Venezia. 2nd Edition. Padova: Rafaele Paolucci Editore, 2001. 185 p.
- Retowski O.* Die Münzen der Girei. Moskau: O Herbeck, 1905. 190 s.
- Srećković S.* Akches (Volume Two). Mehmed II *Fatih* - Selim I *Yavuz*, 848–926 AH. Belgrade: S. Srećković, 2000. 186 p.

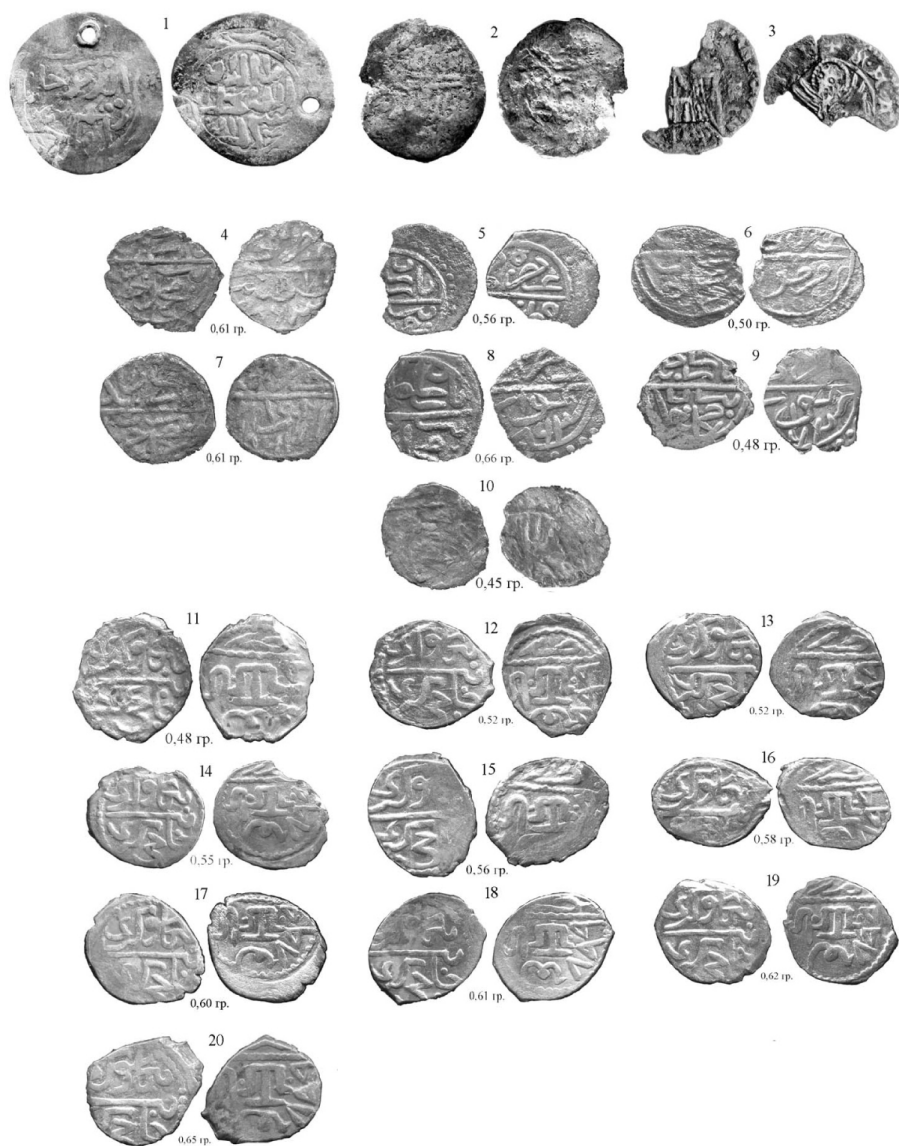

Рис. 1. Монеты из погребений. Акче из клада, османские и Кафа, 899 г.х.

Рис. 2. Акче Кафы, 900 г.х.

Рис. 3. Акче Кафы, 901 г.х. и недатированные.

E. Yu. Goncharov, V. N. Chkhaidze

**COINS FROM THE EXCAVATIONS OF THE NECROPOLIS
AT THE CHURCH OF JOHN THE BAPTIST
IN KERCH (1971)**

Abstract: in work the treasure from 81 coins of the end of the 15th century found is considered and analyzed during cemetery excavation about John the Baptist church in Kerch in 1971. Also 3 coins, the 14th – 15th centuries coming from several burials of this cemetery are studied. Numismatical finds allow to expand the chronological range of existence of a cemetery about John the Baptist Church - burials on it were made also in the 15th century. Purse detection with coins of the last years allows to output the assumption 15th century that these works were carried out (or were begun) to this period.

Keywords: Kerch, coins, Ottoman Empire, Crimean khanate, Venice

Н. И. Храпунов

К ИСТОРИИ ОДНОЙ КАРТИНЫ УИЛЬЯМА АЛЛАНА: КАВКАЗ И ЕГО ЖИТЕЛИ ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦЕВ НАЧАЛА XIX В.¹

Резюме: рассматривается история картины шотландского художника Уильяма Аллана «Аслан-Гирей перевозит Алказию через Кубань», которая ныне находится в собрании Дагестанского музея изобразительных искусств (Махачкала), в контексте формирования представлений о Северном Кавказе в западноевропейской общественной мысли. Традиционно историю этой картины воспроизводят по выпущенной самим Алланом брошюре, рассказывающей о его знакомстве с Асланом во время поездки в Крым и на Тамани в 1808 г., о романтической любви и трагической судьбе последнего. В статье раскрыты некоторые литературные приемы, с помощью которых Аллан придал налет романтизма своему тексту и продемонстрировал сходство сюжета с восточными поэмами лорда Байрона. Показано, что изложенная история соответствовала представлениям европейцев о Востоке, где действовала иная мораль и кипели бурные страсти. Впервые привлечен новый источник – мемуары французского эмигранта Луи де Рошешуара, приближенного к наместнику Юга России герцогу Арману де Ришельё, на глазах которого разворачивалась история Аслан-Гирея. Продemonстрировано, что, несмотря на небольшие расхождения с рассказом Аллана, де Рошешуар также создал романтическую историю в духе европейского ориентализма. Выявлена роль существовавших на Западе представлений о черкесах в этом сочинении. Констатируется, что картина Уильяма Аллана и рассказанная им и Луи де Рошешуаром история Аслан-Гирея и его супруги отразили сложный процесс узнавания и осмысления российско-кавказских отношений в Западной Европе, в результате которого в общественном мнении формировались образы и стереотипы, связанные с Кавказом и его жителями.

Ключевые слова: Кавказ, Уильям Аллан, Луи де Рошешуар, англо-русские культурные связи, ориентализм, стереотипы

Уильям Аллан (1782–1850), шотландский художник и путешественник, добрый знакомый Вальтера Скотта и президент Королевской шотландской

¹ Исследование выполнено в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029. Я искренне признателен В. Н. Чхаидзе (Москва) за настоятельные рекомендации обратиться к «кавказскому» сюжету и А. Т. Урушадзе (Санкт-Петербург) за ряд ценных советов.

академии художеств, прославился картинами на исторические и этнографические сюжеты. В молодости он дважды побывал в России в 1805–1814 и 1814–1815 гг. К сожалению, об обстоятельствах его путешествий известно мало. Какое-то время художник провел на юге, где написал несколько картин из жизни черкесов и татар, которые впоследствии представил на выставках в Королевской академии искусств в Лондоне (*Bivar*, 1994. Р. 283–294; *С берегов*, 1997. С. 108–110, 190–191; *Ребеккини*, 2009. С. 328–330; *Ренне*, 2009. С. 42–47). Эти картины, а также опубликованная впоследствии брошюра, разъяснявшая события, изображенные на одном из полотен, способствовали формированию представлений о Кавказе в британском общественном сознании и культуре. В данной статье рассматривается история создания одной из картин Аллана, а также тот культурный контекст, в рамках которого она создавалась.

Среди «кавказских» полотен Аллана – «Пограничная стража» («Черкесский князь, продающий двух мальчиков»), «Черкес, танцующий и играющий на теорбане», «Черкесский вождь, продающий военнопленных турецкому паше», «Автопортрет в костюме черкеса», «Татарские разбойники, делящие добычу». Пожалуй, самая известная картина в этом цикле, выполненная в технике маслянной живописи по дереву, называется «Аслан-Гирей перевозит Алказию через Кубань» (*Haslan Gheray Conducting Alkazia across the Kuban*: Рис. 1). Ныне она находится в собрании Дагестанского музея изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой, Махачкала (инв. № КП 1809). Картина представлена на официальном сайте музея, в разделе виртуальной экскурсии по залам, под названием «Похищение черкешенки (Аслан Гирей и Альказия, переправляющиеся через реку Кубань)». Здесь же приводится описание картины и достаточно подробная историческая справка, согласно которой она была написана в Эдинбурге, в 1816 г., по памяти. Аллан встречался с Аслан-Гиреем на Кавказе за восемь лет до того. Влюбившись в первую красавицу страны, Аслан похитил ее и перешел на русскую службу, но вскоре погиб в сражении. Картину Аллана приобрел будущий император Николай I и поместил в своем кабинете в петербургском Аничковом дворце. После Октябрьской революции картина попала в собрание Эрмитажа, затем была передана в Дагестанский краеведческий музей, а оттуда в 1977 г. – в Дагестанский музей изобразительных искусств (*Дагестанский музей...*). Источником сведений об Аслан-Гирее, несомненно, послужила брошюра, опубликованная Алланом в 1817 г., в которой рассказывалась романтическая и печальная история его героев.

Целью этого издания было пояснить публике сюжет, изображенный художником (*Allan*, 1817). В качестве эпиграфа взяты первые строки из «Авидосской невесты» лорда Байрона:

Кто знает край далекий и прекрасный,
Где кипарис и томный мирт цветут
И где они как призраки растут
Суровых дел и неги сладострастной,
Где нежность чувств с их буйностью близка,
Вдруг ястреб тих, а горлица дика? <...>
И девы там свежее роз душистых,
Разбросанных в их локонах волнистых?

(пер. с англ. И. И. Козлова; *Байрон*, 1981. С. 46).

Тем самым Аллан поместил Кавказ в контекст романтического исламского Востока, воплощением которого в сознании его современников была, прежде всего, Османская империя. Его современники считали турок и татар экзистенциальными врагами, но одновременно – той противоположностью, которая позволяла лучше осознать грани своей собственной культуры (Нойманн, 2004. С. 83–89; Кардини, 2016. С. 235–264). Парадоксальным образом, антиисламская и антитурецкая риторика сочеталась с широко распространившейся в Европе модой на «ориентальный» стиль, которая проявлялась в самых разных вещах, от посуды и курительных трубок до литературы и оперы (Wolff, 2016; *Ориентализм*, 2017).

По словам художника, с Аслан-Гиреем (*Haslan Gheray*) его познакомил новороссийский губернатор Арман-Эммануэль де Ришельё в сентябре 1808 г. в Симферополе. Через два месяца Аллан побывал на Тамани, где выполнил портрет татарского князя и выслушал его историю. Благородный потомок крымских ханов Аслан-Гирей жил в Черкесии (*Circassia*), которая описана как земной рай, почти незатронутый цивилизацией, причем занятиями ее знати были, главным образом, война и грабеж. Следуя традициям романтизма, Аллан наделил своего героя представительной внешностью, возвышенным духом, энергией и храбростью. 24-летний Аслан влюбился в прекрасную Алказию (*Alkazia*), дочь Мурадин-бея (*Mouradin Bey*), человека «себялюбивого и низкого характера». Девушка ответила ему взаимностью. В этом месте Аллан, несомненно знавший о принятых на Востоке нормах женского поведения, оговорил, что в Черкесии женщинам разрешено присутствовать на состязаниях – скачках, метании копья и пр. Именно там они и могли обменяться взглядами с юношами. Бедность была препятствием к счастью влюбленных: все, чем владел Аслан, это его конь и оружие, отец же предназначил Алказию в жены одному из богатейших черкесских князей. Когда сватовство Аслана закончилось неудачей, влюбленные решили бежать из страны, доверившись «великодушью наших врагов – русских». Разгневанный Мурадин-бей отправил в погоню

своих слуг, с которыми Аслану пришлось вступить в схватку. *«Сражаясь за свою жизнь, и за то, что важнее жизни, Аслан проявил чудеса доблести; первого и самого решительного из преследователей он поверг в прах первым же ударом, другого ранил, а оставшихся успешно обратил в бегство»*. После этого беглецы переправились через Кубань. Эта река была не только политической границей между Черкесией и Россией, но и символическим рубежом, отделявшим героев от счастья. Аслан нашел покровителя в лице герцога де Ришельё. Он вступил в русскую армию, участвовал в штурме Анапы и походах на черкесов, получив от императора золотую медаль на георгиевской ленте и саблю за храбрость. В 1811 г. Аслан был смертельно ранен во время очередной экспедиции против кавказских горцев из племени шапсугов (*Chapsiks*). После этого безутешная вдова вместе с детьми перебралась в Крым (Allan, 1817. Р. 7–22).

Рассказ Аллана создан в лучших традициях европейского романтического ориентализма со всеми свойственными ему штампами. Герои описаны возвышенным слогом и представлены как идеальные персонажи. Передавая высокопарные речи героев, обращенные то к казакам, то к русским офицерам, автор не задумывался над тем, на каком же языке они общались между собой. Не случайно по тексту разбросаны цитаты из «восточных» поэм Байрона «Гяур» (Allan, 1817. Р. 8, 10, 16) и «Авидосская невеста» (Allan, 1817. Эпиграф; Р. 10). Они, несомненно, указывают на образец, на который ориентировался Аллан. В поэмах Байрона речь идет о кипении страстей, любви и мести в восточном антураже. Очевидно, Аллан намекал на определенные параллели между рассказанной им историей и вымыслом своего великого соотечественника. В любом случае, ясно, что история Аслан-Гирея и Алказии значительно приукрашена.

Брошюра открывается гравюрой, выполненной с картины Аллана (Рис. 1). На ней представлен Аслан, ведущий в поводу коня, который явно не хочет спускаться в реку. Аслан одет в кольчужный капюшон, черную черкеску с красными газырями, бежевые штаны и башмаки. За спиной у него – лук со стрелами и пистолет, на поясе сабля. Его облик описан в брошюре следующим образом: *«Аслан приготовил своего любимого коня к походу, от успеха которого зависели все его надежды и счастье любимой Алказии. Надев кольчугу, он вооружился саблей, пистолетом, луком и стрелами...»* (Allan, 1817. Р. 15). На коне сидит Алказия, которая в правой руке держит пистолет, а левую то ли простирает к любимому, то ли указывает ей на противоположную сторону реки. За спиной беглецов – отвесный берег, где находятся преследователи. Этот момент Аллан передал в следующих словах: Аслан *«устремился к краю реки, посадил Алказию на своего коня и, держа в руках повод, бросился в воду; Алказия, понуждаемая отчаянием или же вдохновленная воинственным духом*

своего возлюбленного, продолжала держать в руке пистолет, полученный от него во время побега. Таким образом беглецы в безопасности достигли русского берега Кубани, пока гнавшиеся за ними слуги Мурадина вновь достигли противоположных высот» (Allan, 1817. Р. 16). На картине Алказия представлена в бело-зеленых одеждах, с повязкой на голове. Как справедливо отмечают авторы музейного каталога, изображенное Алланом глубокое декольте и короткие рукава, оставляющие руки девушки обнаженными, не соответствуют исламским нормам, а значит, являются не натурной зарисовкой, но фантазией художника. Возможно, идеализированы и европеизированы черты лиц героев (*Дагестанский музей...*). Тем не менее, Аллан утверждал, что зарисовал портрет Аслан-Гирея в полном костюме с натуры, когда общался с тем на Тамани (*Allan, 1817. Р. 5*).

Интересно, что впоследствии Аллан выполнил копию своей картины, предназначенную для его покровителя лорда Уимизза. Сейчас она хранится в собрании наследников лорда. От дагестанского полотна ее отличают незначительные детали (*Bivar, 1994. Р. 292*). Судя по тому, что Аллан ничего не сказал о второй картине в брошюре, она написана после 1817 г.

Аслан-Гирей – это историческое лицо. Сведения о нем приведены в классической монографии историка черноморских (кубанских) казаков Ф. А. Щербина. В этом труде под 1806 г. помещено сообщение о том, что живший среди черкесов Аслан-Гирей похитил дочь своего родного брата, которая уже была помолвлена, и вместе с ней бежал к черноморским казакам. Паша, возглавлявший администрацию османской Анапы и одноименного санджака, написал об этом казачьему атаману Ф. Я. Бурсаку (1750–1827), очевидно, потребовав выдать виновного и девицу (*Щербина, 1913. С. 163*). Нужно сказать, что казачья администрация сотрудничала с анапскими пашами, поскольку в интересах обоих центров власти было наведение – пусть и относительного – порядка на пограничье в условиях проницаемости границ и наличия различных плохо контролируемых казачьих группировок и черкесских кланов. Помимо всего прочего, османские и российские власти пытались наладить взаимодействие в вопросе о выдаче разного рода «беглых» (*Сень, 2020. С. 244–270*). Поэтому сам факт жалобы османского наместника на Аслан-Гирея не удивителен. Получив соответствующее известие, генерал губернатор Новороссийского края герцог Арман-Эммануэль (Иммануил Осипович) де Ришельё (1766–1822) распорядился отыскать «похищенную девушку» и выяснить обстоятельства произошедшего (*Щербина, 1913. С. 163*). Судя по всему, полученные сведения вполне удовлетворили герцога, поскольку тот, как следует из воспоминаний его родственника по линии супруги и адъютанта Луи-Виктора-Леона (Леонтия Петровича)

де Рошешуара (1788–1858), не только не выдал Аслана, но приблизил его к себе.

Об этих мемуарах следует сказать несколько слов. Их автор прожил бурную жизнь – представитель знатной французской семьи, он стал одной из бесчисленных жертв Революции и испытал многие превратности судьбы. Оказавшись в России, де Рошешуар пользовался покровительством де Ришельё и принимал личное участие в Кавказской войне, а потому был лично знаком с Аслан-Гиреем. Мемуары он готовил к изданию много позже описанных событий (в 1857 г.). Тем не менее, де Рошешуар утверждал, что использовал дневниковые записи. Его целью было прославить сделанное де Ришельё и тем самым не только вернуть из забвения имя этого великого человека, но и исполнить долг благодарности перед своим благодетелем (*Rochechouart*, 1892. Р. IX–XI; *Мемуары*, 1914. С. 7–9²). Де Рошешуар был лично знаком с Аслан-Гиреем, которого он называл *Haslam-Ghérai* и считал «одним из наших самых верных и самых преданных друзей». По его словам, этот человек родился в 1786 г. и принадлежал к роду крымских ханов. Отец Аслана погиб от руки вождя племени абазин (*Abbazes*) Халабат-оглу (*Khalabat-Aglou*), и мальчика взял на воспитание его дальний родственник Мурадин-бей (*Mouradin-Bey*). Жизнь последнего протекала в непрерывных сражениях с соседями, в которых Аслан проявил себя с наилучшей стороны как храбрец и искусный воин (*Rochechouart*, 1892. Р. 82, 152; ср.: *Мемуары*, 1914. С. 84, 143–144).

В 1806 г. история сделала неожиданный поворот. Аслан влюбился в дочь своего воспитателя по имени Мира (*Mira*), которая «по праву считалась самой красивой девушкой этой страны, где все женщины красивы и предназначены для константинопольских гаремов». Мурадин планировал получить за нее большой выкуп и потому отказал сватавшемуся Аслану, все состояние которого заключалось «в его оружии, его коне, его храбрости и его благородном происхождении». Молодые люди решили бежать к казакам и, счастливо ускользнув от преследователей, переправились через пограничную Кубань. Аслан плыл, гребя одной рукой, а другой тащил за собой коня, на спине которого сидела его возлюбленная. «Мира одной рукой держалась за гриву коня, а другой, вооруженной пистолетом своего возлюбленного, указывала на противоположный берег как на спасительную гавань, где они будут в безопасности от мести ее отца». Заметим, что похожая сцена

² Хотя русский перевод мемуаров де Рошешуара адекватно излагает содержание источника, важная его особенность – вычурная передача имен действующих лиц: так, Аслан-Гирей стал *Газламъ-Гхераи* или даже *Газламъ Бехераси*, а его враг – *Кхалабатъ-Оглы* или *Калабатъ-Оглы*. Приведенные ниже цитаты из источника даются в переводе автора статьи.

изображена на картине Аллана – только там беглецы лишь собираются войти в воду. Эта история в очередной раз позволила де Рошешуару продемонстрировать благородство своего патрона. Хотя казачий атаман Бурсак предлагал вернуть беглецов Мурадину, де Ришельё тепло принял Аслана и пообещал устроить ему пенсию от имени императора, если тот перейдет на русскую службу. Беглец *«не знал, как выразить свою радость и благодарность»* и стал ценным приобретением для русских *«благодаря своей храбрости, знанию топографии страны и опыту ведения войны в горах»*. Вместе с Мирой, брак с которой был заключен по мусульманскому обычаю, Аслан поселился в Крыму. К сожалению, точное название места, где они поселились, источник не указал. В 1807 г. Аслан участвовал в штурме Анапы и военном походе на кавказских горцев, за что был представлен к *«золотой медали на ленте св. Георгия»* – это был некий эквивалент общегосударственному знаку отличия данного ордена, так как *«мусульмане не могут принять крест»*³. В компании 1810 г. Аслан-Гирей первым поднялся на стены крепости Сухум-кале и был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость» (*Rochechouart*, 1892. Р. 152–154; ср.: *Мемуары*, 1914. С. 144–146).

Тогда же он получил чин полковника. Однако на следующий год счастье изменило Аслану. В очередном походе на черкесов близ Суджук-Кале (*Soudjouk-Kalé*, то есть в окрестностях нынешнего Новороссийска) он, подавая пример войскам личной храбростью, был смертельно ранен. Свою жену и детей он поручил заботам де Ришельё. Тело его перевезли в Крым и похоронили с воинскими почестями. Через несколько месяцев Мира вышла замуж за друга своего покойного мужа, которого звали Султан-Али (*Sultan-Ali*). Де Рошешуар знал о картине Аллана и высоко ее оценил. По словам француза, *«лица были весьма похожи, и местность передана очень верно»*. Он утверждал, что картину приобрел младший брат царя, Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) – это может быть не совсем верно, учитывая тогдашний возраст последнего. С картины сняли гравюру, которой *«казаки, обожавшие Аслана, украсили свой шатер»* (*Rochechouart*, 1892. Р. 162–165; ср.: *Мемуары*, 1914. С. 152–154). Как видно, свидетельство де Рошешуара подтверждает слова Аллана, если не считать небольших расхождений в имени невесты и мелких деталях. Вполне вероятно, что, сочиняя свои мемуары, де Рошешуар консультировался с брошюрой Аллана.

³ Награждение мусульман российскими орденами требовало известной гибкости, учитывая религиозные убеждения последних. Возможно, де Ришельё или его советники вспомнили о решении Екатерины II, которая отправила дальнему родственнику Аслана и последнему крымскому хану Шагин-Гирею голубую ленту ордена Андрея Первозванного с медальоном, потому что *«что креста ни он носить не может, ни я не могу дать ему потому, что он не христианин...»* (Бумаги, 1880. С. 262).

В любом случае, как представляется, его мемуары несут выразительные следы топосов и стереотипов о Востоке, выработанных в Европе эпохи Просвещения.

Судя по тексту воспоминаний, их автор воспринимал события на Кавказе как проявление чуждых («восточных») нравов, обычаев и морали. Так, француза шокировала практика продажи молодых девушек в гаремы, находившиеся далеко за пределами их родины. Де Рошешуар писал о том, что после захвата Суджук-Кале (османское укрепление на месте нынешнего Новороссийска) среди стоявших на рейде кораблей он обнаружил греческий бриг под французским флагом. Поднявшись на борт, француз выяснил, что корабль собирался отплыть в Константинополь, а его капитан был «*поставщиком гаремов*»; груз же представлял собой «*сорок маленьких девочек, старшей из которых было [всего] семь лет*» (Rochechouart, 1892. P. 158–159; ср.: Мемуары, 1914. С. 149). В другой раз он поведал историю своего родного брата, также служившего в российской армии. Во время похода за Кубань на аул Эмир-Ахмета (*Émir-Ahmet*), «*зачинщика большей части набегов*» на владения казаков, началась резня. Людовику де Рошешуару удалось спасти несколько женщин и детей, и среди них – «*молодую девушку удивительной красоты*». Аббасса (*Abbassa*), «*благодарная тому, кто вырвал ее из лап смерти, с радостью подчинилась участи, которая в тех краях ожидала пленниц, становившихся невольницами победителя*». По прошествии некоторого времени наступила беременность. Именно тогда де Ришельё решил заключить мир с Эмир-Ахметом, который потребовал вернуть ему дочь. Её положению не смутило отца, который заметил, что теперь «*продаст корову вместе с теленком!*». Так и сделали: Аббасу, несмотря на ее слезы, отдали отцу, который немедленно стал подсчитывать размеры выкупа, который он смог бы взять в будущем за девицу (Rochechouart, 1892. P. 124–125; ср.: Мемуары, 1914. С. 120–121).

Нетрудно заметить, что, рассказывая эту историю, де Рошешуар стремился представить своего брата в выгодном свете – хотя с нынешней точки зрения его поведение выглядит не лучшим образом. Однако в XVIII–XIX вв. такого рода действия европейцев на Востоке выглядели не предосудительными, но как приспособление к экзотической норме. Таков, например, знаменитый эпизод из мемуаров Казановы, рассказывавшего, как однажды купил в России крепостную, которую назвал «восточным» именем Заира. Девушка, якобы, полюбила его – роман проходил в обстановке взаимной ревности, насилия и суеверий, то есть свойств, по мнению европейцев, характеризующих Восток, для которого характерны другие нравы и другая мораль. Собираясь уехать из России, Казанову задумал продать Заиру другому иностранцу, но

в итоге вернул ее отцу, причем особо отмечалось, что ценность девушки только повысилась, ведь она выучила несколько слов по-итальянски и сохранила подарки своего бывшего хозяина (*Вульф*, 2003. С. 99–111). Вероятно, рассказы Казановы причудливо переосмыслили реальные обстоятельства его жизни – но нет никаких гарантий в том, что и де Рошешуар говорил всю правду.

Довольно разителен контраст описанного выше известия француза об Аслан-Гирее и Мире с его же рассказом о пребывании на юге Марии Антоновны Нарышкиной, фаворитки Александра I, которая даже в экзотических обстоятельствах вела себя полностью самостоятельно и светски – «по-европейски». Де Рошешуар провел параллель между ее поездкой в Крым и Анапу (*«дабы иметь возможность сказать, что она побывала в Азии»*) со знаменитым путешествием Екатерины II. Интересно, что в Анапе Нарышкиной представили Аслан-Гирея – тем самым повествователь получил возможность связать два ярких эпизода его мемуаров (*Rocheschouart*, 1892. Р. 144–155; ср.: *Мемуары*, 1914. С. 137–146).

Итак, Кавказ и Крым как часть воображаемого Востока представлялись местом не только романтическим, но и таким, где не действовали привычные этические нормы. Рабство и любовные приключения в духе «Похищения из Серая» Моцарта были обычным сюжетом путевых записок: оказавшиеся на Востоке европейцы ощущали себя здесь как в ожившем театре, не задумываясь над реальными чувствами окружающих их людей. Слава черкесских красавиц достигла салонов Парижа и Вены. Потому сопровождавший Екатерины II в ее феерическом путешествии в Крым в 1787 г. австрийский император Иосиф II наделал переполоха в российской администрации, поручив подпоручику Цирули приобрести для него за Кубанью прекрасную черкешенку, причем выделил на эту операцию (как оказалось, недостаточную) некоторую сумму, но не указал, *«куда и каким образом оную доставить»* (*Коховский*, 1883. С. 268). Тогда же наместник Юга Григорий Александрович Потемкин предложил французскому послу Луи де Сегюру в дар юную черкешенку, исключительно похожую на жену француза. Когда дипломат отказался от предложения, не без резона опасаясь, что *«такое проявление чувств покажется весьма странным мадам де Сегюр»*, наместник Юга России презентовал ему мальчика-калмыка (*Ségur*, 1827. Р. 230–232).

Отметим и то, что переход благородного мусульманина на сторону русских нередко становился элементом записок иностранцев конца XVIII – первой половины XIX в. Так, знаменитый британский путешественник, религиозный поэт и впоследствии епископ Калькутты Реджинальд Хебер (1783–1826; о нем: *Храпунов*, 2022. С. 157–180) в 1806 г., будучи

на Тамани, узнал о том, что на русскую территорию бежал некий черкесский князь. *«Он сказал, что полюбил девушку, родственники которой назначили ей цену в тысячу рублей, сумму, заплатить которую он не мог. Не способный, однако, жить без нее, он силой увез ее из дома, убив четверых слуг ее отца, которые попытались ему помешать. Однако пути отступления в его собственную крепость были перерезаны, его спутники преданы мечу, а его возлюбленная взята назад. Девушку, сказал он (и горько плакал, когда рассказывал [об этом]), продут туркам, и она будет потеряна для него навсегда»* (Heber, 1830. Р. 238). Чем закончилась эта история – и закончилась ли – Хебер сообщить не мог, поскольку уехал в Крым и далее через Западную Украину в Австрию. Другим знакомым Хебера был султан Селим-Гирей, *«изящный молодой человек двадцати пяти лет»*, судя по имени и титулу – также потомок крымских ханов, переселившийся из Черкесии в российские владения на Кубани вместе с пятью или шестью сотнями своих соплеменников. *«Мы не смогли узнать причину, заставившего его покинуть свою страну <...> Мы смогли только выяснить, что он бежал, будучи в страхе за свою жизнь»* (Heber, 1830. Р. 237, 248–249).

Хорошо известно, что правившая в Крыму до 1783 г. династия Гиреев имела разнообразные связи с Северным Кавказом. Претендуя на власть, по крайней мере, над частью Черкесии, крымские ханы практиковали династические браки с черкесской знатью и отправляли к ее представителям на воспитание своих сыновей-султанов (*История*, 2021. С. 292–306, 357–371). В результате некоторые из оказавшихся на Северном Кавказе Гиреев них смогли занять высокое положение в черкесском обществе. Однако политические изменения в регионе, вызванные продвижением России на юг, не могли не повлиять на судьбы этих людей. Так, известна история Мухаммед-Гирея, перешедшего на российскую территорию в начале XIX в. Его сыновья Хан-Гирей и Казы-Гирей служили в гвардейских частях, таким образом влившись в состав многонациональной российской элиты (*Ходарковский*, 2016. С. 111–116, 147, 155–159).

Картина Уильяма Аллана и рассказанная им и Луи де Рошешуаром история Аслан-Гирея и его супруги отразили сложный процесс узнавания и осмысления российско-кавказских отношений в Западной Европе, в результате которого в общественном мнении формировались определенные образы и стереотипы, связанные с Кавказом и его жителями. Это можно рассматривать как одно из проявлений феномена западного ориентализма. Аллан и де Рошешуар поместили Кавказ в пространство Востока, который при всей своей экзотичности представлялся европейцам неизменным во времени и пространстве. Отсюда параллели, которые

Аллан осознанно выстраивал между своим рассказом о Черкесии и тем, что Байрон писал о Турции и османской Греции. Ценивший живопись Аллана Вальтер Скотт, вероятно, увидел в его героях нечто близкое к тем древним персонажам английской и шотландской истории, которое он описывал в своих романах – кипение страстей, особую роль воинской доблести, благородные и сильные характеры. Не удивительно, что в русской классической литературе XIX в. Кавказ сыграет ту же роль, что Шотландия у Вальтера Скотта.

Литература

- Байрон Дж. Г.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М.: Правда, 1981. 365 с.
- Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел. Том 4 // Сборник Императорского русского исторического общества. 1880. Том 27. С. 1–537.
- Коховский М. В.* Донесение генерала М. В. Коховского для доклада князю Г. А. Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1883. Том 13. С. 268.
- Мемуары графа де-Рошешуара, адъютанта императора Александра I. (Революция, Реставрация и Империя) / Пер. с фр. под ред. А. Гретмана. [М.]: Книгоиздательство «Сфинкс», 1914. 471 с.
- Allan W. Haslan Gheray: A Narrative Illustrative of the Subject of a Painting.* Edinburgh: John Robertson, 1817. 22 p.
- Rochechouart, comte de.* Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration. 2me éd. Paris: Librairie Plon, 1892. 541 p.
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи просвещения / Пер. с англ. И. И. Федюкина. М.: НЛЮ, 2003. 560 с.
- История крымских татар. Т. 3: Крымское ханство (XV–XVIII вв.) / Отв. ред. И. В. Зайцев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 1024 с.
- Кардини Ф.* Европа и ислам. История непонимания. 2-е изд. / Пер. с ит. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. СПб.: Alexandria, 2016. 326 с.
- Нойманн И. Б.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Ориентализм: Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / Сост. О. А. Соснина, А. М. Валькович. М.: Кучково поле, 2017. 216 с.
- Ребеккини Д.* Эстетические вкусы императора Николая I: итальянская и немецкая живопись // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. Томск: Изд-во Томского университета, 2009. С. 325–355.
- Ренне Е. П.* Британская живопись XVI–XIX веков: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. 316 с.
- С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже / Ред. Б. Аллен, Л. Дукельская. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1997. 323 с.

- Сень Д. В.* Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.). Избранные труды. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2020. 420 с.
- Ходарковский М.* Горький выбор. Верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: НЛЮ, 2016. 232 с.
- Храпунов Н. И.* Английские путешественники и Крым. Конец XVIII – первая треть XIX в. Севастополь: Альбатрос, 2022. 324 с.
- Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Том 2: История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар: Типография печатного и издательского дела под фирмою «Печатник», 1913. 848 с.
- Bivar A. D. H.* The Portraits and Career of Mohammed Ali, Son of Kazem-Beg: Scottish Missionaries and Russian Orientalism // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1994. Vol. 57. No. 2. P. 283–302.
- [Heber A.]* The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. Vol. 1. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. 638 p.
- Ségur [L.-Ph.] de.* Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. Tome 3. Bruxelles: X. Renaudière, 1827. 680 p.
- Wolff L.* The Singing Turk: Ottoman Power and Operatic Emotions on the European Stage from the Siege of Vienna to the Age of Napoleon. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 2016. 490 p.

Электронные ресурсы

Дагестанский музей изобразительных искусств. Виртуальный музей. Виртуальная и VR экскурсия по залам музея. Зал 8. Европейская живопись. (https://dagartmuseum-virtual.ru/data/vtours/dagart/index.html?lp=2floor_p8_2&lang=ru)

Рис. 1. Аслан-Гирей перевозит Алказию через Кубань.
Гравюра (по: *Allan*, 1817)

N. I. Khrapunov

ON THE HISTORY OF A PAINTING BY WILLIAM ALLAN: THE CAUCASUS AND ITS RESIDENTS THROUGH THE EYES OF THE EARLY-NINETEENTH-CENTURY EUROPEANS

Abstract: this paper analyses the history of Scottish painter William Allan's masterpiece "Haslan Gheray Conducting Alkazia across the Kuban," now residing in the Dagestan Museum of Arts (Makhachkala), in the context of the shaping of the notion of the North Caucasus in the Western mind. Traditionally, the history of this painting is reconstructed according to Allan's special brochure, which told the story of his acquaintance with Haslan Gheray (or, more correctly, Aslan Girey) during a travel to the Crimea and Taman in 1808, and romantic love and tragical destiny of the latter. The paper uncovers some literary techniques used by Allan to make a tint of romantics on his text and demonstrated the similarity of his plot with Lord Byron's oriental poems. It has been shown that the story told by the painter corresponded to the Europeans' understanding of the East as the region of other moral and boiling passions. For the first time, a new source has been attracted to the case, the memoirs of Louis de Rochechouart, a person close to the governor of South Russia Armand de Richelieu, who was an eyewitness of the story of Aslan Girey. It has been demonstrated that, despite a few differences with Allan's story, de Rochechouart also created a romantic novel featuring the style of the European orientalism. The role of the Western notions of the Circassians in the story has been disclosed. It has been stated that William Allan's painting and the story of Aslan Girey and his spouse told by Allan and Louis de Rochechouart reflected the complicated process of recognition and understanding of Russian-Caucasian relations in Western Europe, which resulted in the shaping of images and stereotypes related to the Caucasus and its populations in Western public mind.

Keywords: Caucasus, William Allan, Louis de Rochechouart, English-Russian cultural connections, orientalism, stereotypes

В. Н. Чхаидзе, И. А. Дружинина

РАБОТА ЦЕНТРА ВИЗАНТИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ в 2021–2022 гг.

Центр византийско-кавказских исследований Института востоковедения РАН был создан в феврале 2021 года как научная платформа для междисциплинарного объединения специалистов, занимающихся изучением широкого спектра проблем истории и культуры Византии и Кавказа.

В состав подразделения входят: заведующий Центром, к.и.н. В. Н. Чхаидзе, в.н.с., д.ф.н., к.и.н. А. Ю. Виноградов, с.н.с., к.и.н. И. А. Дружинина, с.н.с., к.и.н. А. А. Адашинская, аспирант И. Б. Кабардов (с 2022 г.).

Главной целью нашей работы является создание современной научной картины средневековой истории народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, Северо-Восточного Причерноморья как части общемировой истории и культуры. Приоритетным для исследовательского коллектива Центра является комплексный подход к решению научных задач, основанный на анализе и обобщении различных видов источников – письменных, археологических, сфрагистических, нумизматических, архитектурных, изобразительных, а также данных естественнонаучных дисциплин. Этот подход позволяет разрабатывать наиболее актуальные проблемы средневекового прошлого народов Северного Кавказа с привлечением новейшего методического арсенала различных гуманитарных и естественных наук и на порядок расширяет источниковую базу, традиционно ограничивавшуюся скудными сведениями письменных источников и материалами археологии. В данном контексте одной из своих главных задач мы полагаем организацию и координацию междисциплинарных научных исследований, постановку новых проблем и развитие новых научных направлений на стыке кавказоведения, византистики и востоковедения в целом.

Важнейшим направлением работы Центра является изучение, перевод и введение в научный оборот новых источников. В рамках этого направления в настоящее время готовятся к публикации труды:

В. Н. Чхаидзе «Византийские печати из Тамани. II»; А. Ю. Виноградов «Иоанн Скилица. Текст, перевод».

В 2022 г. деятельность Центра была поддержана грантом Российского научного фонда № 22-28-01488 по теме: «Христиане Северного Кавказа X–XIII веков: исторический, социальный и демографический портрет». В рамках этой работы планируется проведение обобщающего исследования уникальных материалов, полученных в ходе инициированной сотрудниками Центра комплексной археологической, историко-архитектурной, палеоантропологической программы изучения ключевых памятников двух столиц византийского христианского мира Северного Кавказа X–XIII вв.: Матархи – центра Зихской епархии (Таманское городище) и Нижнего Архыза – центра Аланской епархии (Средний Зеленчукский храм и его некрополь, монастырь у Северного храма, а также Сентинский храм и мавзолей), а также данных естественнонаучных исследований, проведенных с использованием новейших методик. Визуализация результатов исследований по проекту выполняется м.н.с. Лаборатории пластической реконструкции Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН А. В. Рассказовой и ведущим специалистом Лаборатории комплексных цифровых технологий ИВ РАН Е. С. Гришным.

Важной частью работы Центра являются заседания, в ходе которых решаются научно-организационные вопросы и обсуждаются научные доклады.

В декабре 2021 г. состоялось совместное заседание Центра византийско-кавказских исследований и Лаборатории комплексных цифровых технологий, посвященное обсуждению предварительных результатов археологического изучения ранневизантийского храма второй половины V – первой половины VI вв. на городище Гиенос (Абхазия), а также различных вариантов его графической реконструкции. С докладами выступили заместитель директора по развитию ИВ РАН к.и.н. А. Ю. Скаков и заведующий Лабораторией комплексных цифровых технологий ИВ РАН Н. И. Быстрицкий.

В феврале 2022 г. на заседании Центра состоялось обсуждение доклада с.н.с. отдела сравнительного культуроведения ИВ РАН, д.иск. Е. Ю. Ендольцевой и преподавателя Института иностранных языков Шеньянского педагогического университета (КНР) к.и.н. Д. В. Шевченко. Докладчиками были рассмотрены росписи «красно-белого стиля» архитектурных памятников Каппадокии IX–X вв., в которых встречается мотив треугольников и ромбов с точками внутри и без них. Проведены аналогии с похожими мотивами на рельефах с территории средневекового Северного Кавказа и западной Грузии. Выделен ряд общих признаков:

изображения обычно выполнены в примитивном плоскостно-графическом стиле, образ создается при помощи минимального набора технических средств.

В ноябре 2022 г. в докладе с.н.с., к.и.н. И. А. Дружининой на тему: «Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в.» была представлена новая научная концепция истории взаимоотношений мамлюков Египта и Сирии и родственных племен Закубанья XIV–XVI вв., в которой отражено многостороннее культурное и политическое влияние Султаната на черкесов, выявлены формы этого взаимодействия и динамика его развития, обусловленная политическими и социальными процессами, протекавшими в Улусе Джучи и Султанате и во многом определившими особый выбор исторического пути адыгских народов. Впервые для изучения данной темы, помимо сведений письменных источников, были привлечены материалы археологии и антропологии – пласт уникальных источников, полученный в конце XIX – начале XX вв. в ходе раскопок погребальных памятников Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья XIV–XVI вв., отражающий особенности культурно-исторического развития этого региона как части огромной империи – Золотой Орды, но также и разноплановые процессы, явления и события в истории Мамлюкского султаната.

В обсуждении докладов на заседаниях неизменно принимают участие специалисты из других подразделений Института востоковедения РАН, а также Института археологии РАН, Института языкознания РАН, НИУ Высшей школы экономики (Москва и Санкт-Петербург).

Сотрудники Центра выступили с докладами на нескольких конференциях: V и VI Международных научных форумах «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока» (Севастополь, 2021 и 2022); XIII и XIV Международных византийских семинарах «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Балаклава, 2021 и 2022); VIII и IX Международных нумизматических симпозиумах «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Керчь, 2021, Черноморское, 2022); II конференции «Востоковедные полевые исследования» (Москва, 2022); IX Алексеевских чтениях «Человек и среда в прошлом и настоящем: старые проблемы и новые решения» (Москва, 2022); «XXIII Всероссийской научной сессии византинистов» (Судак, 2022); и др.

Полевые археологические исследования сотрудниками Центра (В. Н. Чхаидзе, А. Ю. Виноградов, И. А. Дружинина) проводятся на городище Нижний Архыз (Республика Карачаево-Черкесия) в рамках совместной Нижне-Архызской экспедиции Института археологии РАН,

Института востоковедения РАН и НИУ Высшая школа экономики. Экспедицией изучается Средний Зеленчукский храм X века, а также целый ряд объектов на памятнике (однонефные церкви, жилища, некрополи). Комплексный анализ палеоантропологических материалов из раскопок проводится в сотрудничестве с в.н.с. Отдела теории и методики Института археологии РАН д.и.н. М. Б. Медниковой и руководителем Лаборатории исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики МФТИ к.т.н. Х. Х. Мустафиным, естественнонаучные исследования образцов палеопочв и древней органики – в сотрудничестве с г.н.с. отдела географии и эволюции почв д.г.н. А. А. Гольевой и заведующей Лабораторией геоархеологических и палеоэкологических исследований ИВ РАН к.г.н. О. А. Дружининой, изучение памятников монументального зодчества – в сотрудничестве с историком архитектуры Северного Кавказа С. В. Белецким, а также М. Ю. Свойским (НИУ ВШЭ), создающим трехмерные модели раскопок.

Центр располагает библиотекой по тематике своих исследований. В течение рассматриваемого периода сотрудниками подразделения была издана серия статей в ведущих рецензируемых изданиях (Византийский временник; Античная древность и Средние века; Вестник Волгоградского университета, Вестник архивиста), первый выпуск ежегодника «ByzantinoCaucasica» (М.: ИВ РАН, 2021. 200 с.), а также второе издание монографии Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова «История и искусство христианской Алании» (М.: ИВ РАН, 2021. 440 с.). К публикации подготовлена монография В. Н. Чхаидзе «Средневековая нумизматика Таманского полуострова (конец VII – конец XV вв.)».

Список сокращений

- АДСВ – Античная древность и средние века
АО – Археологические открытия
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИАА – Историко-археологический журнал
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории
материальной культуры
ИФЖ – Историко-филологический журнал
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории
материальной культуры
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии
Таврии
МИАСК – Материалы и исследования по археологии
Северного Кавказа
ПА – Поволжская археология
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ХА – Хазарский альманах
ByzSlav – Byzantinoslavica
CA – Cahiers archéologiques
EI – The Encyclopaedia of Islam
JÖB – Jahrbuch Österreichischen Byzantinistik
MSR – Mamluk Studies Review
ТМ – Travaux et Mémoires

Сведения об авторах

Виноградов Андрей Юрьевич. Доктор филологических наук, кандидат исторических наук. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Vinogradov Andrey Yu. Doctor of Philology, PhD in History. Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. e-mail: ampelios@gmail.com

Гончаров Евгений Юрьевич. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Goncharov Evgenij Yu. Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. e-mail: lowvilga69@land.ru

Джопуа Аркадий Иванович. Кандидат исторических наук. Абхазский государственный музей. Сухум, Абхазия.

Dzhopua Arkady I. PhD in History. The Abkhazian State Museum. Sukhum, Abkhazia. e-mail: arkadi100@rambler.ru

Дружинина Инга Александровна. Кандидат исторических наук. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Druzhinina Inga A. PhD in History. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: inga_druzh@mail.ru

Евдокимова Александра Алексеевна. Кандидат филологических наук. Институт языкознания РАН. Москва, Россия.

Evdokimova Alexandra A. PhD of Philology. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. e-mail: arochka@gmail.com

Ендольцева Екатерина Юрьевна. Доктор искусствоведения. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Endoltseva Ekaterina Yu. Doctor of Art History. Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: ekaterina.endoltseva@gmail.com

Кабардов Инал. Беслвнович. Аспирант. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Kabardov Inal B. Graduate Student. Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. e-mail:

Косоуров Дмитрий Алексеевич. Магистр истории, аспирант. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

Kosourov Dmitry A. Master in History, Postgraduate Student. National Research University "Higher School of Economics". Moscow, Russia. e-mail: kosourovdm@gmail.com

Нарожный Евгений Иванович. Доктор исторических наук, профессор. Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева. Карачаевск, Карачаево-Черкесская республика, Россия.

Narozhny Evgeny I. Doctor of History, Professor. Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev. Karachayevsk, Russian Federation. e-mail: zai_ein@mail.ru

Скаков Александр Юрьевич. Кандидат исторических наук. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Skakov Alexander Yu. PhD of History. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: skakov09@gmail.com

Скакова Изабелла Владимировна. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.

Skakova Izabella. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: bella.skakova@yandex.com

- Степаненко Валерий Павлович.* Доктор исторических наук, профессор. Уральский Федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.
- Stepanenko Valerij P.* Doctor of History, Professor. Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Yekaterinburg, Russian Federation. e-mail: v.stepanenko49@mail.ru
- Флёров Валерий Сергеевич.* Кандидат исторических наук. Институт археологии РАН. Москва, Россия.
- Flyorov Valerij S.* PhD in History. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. e-mail: valerij-flyorov@yandex.ru
- Храпунов Никита Игоревич.* Кандидат исторических наук. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь, Россия.
- Khrapunov Nikita I.* PhD in History. Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Simferopol, Russian Federation. e-mail: khrapunovn@gmail.com
- Чхаидзе Виктор Николаевич.* Кандидат исторических наук. Институт востоковедения РАН. Москва, Россия.
- Chkhaidze Victor N.* PhD in History. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

Научное издание

ByzantinoCaucasica

Выпуск 2

Верстка В. Н. Маткава
Корректор *И. А. Дружинина*
Дизайн обложки *И. Н. Чхаидзе, И. А. Дружинина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034–2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано к печати. 15.12.2022. Формат 70×100/16.
Усл.печ. л. 22,25. Уч.-изд.л. 13,5. Тираж 500 экз. Заказ №3966

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН — на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Белый Ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: <https://wwprint.ru>